

Олег Николаевич Верещагин

Шпоры на кроссовках

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/shpori.shtml

Аннотация

Купил однажды мальчик у странного торговца на полупустом рынке рыцарские шпоры...

Олег Николаевич Верещагин

Шпоры на кроссовках

Учитель: – Дети, кто взял Бастилию?

Вовочка: (возмущённо) – Марь Иванна, я не брал!!!

Директор: (успокаивающе) – Ну что вы беспокоитесь, поиграют и вернут...

Из анекдота.

Пролог: Странствующий рыцарь.

Кто сказал, что дважды два – четыре?!

Наглая ложь, как "я больше не буду!" первоклассника. Четыре – это "четыре", вполне самостоятельная и приятная для взгляда на мир оценка. А дважды два – это два раза по два и сколько не умножай, сколько не рассказывай родителям о математических правилах, заученных и тобой и ими ещё в первом классе – их отношение к произошедшему не изменится.

Своё собственное, впрочем, тоже. Если тебе тринадцать лет – недостойно обманывать себя разной отвлечённой фигнёй и сетовать на несправедливость учителей. Нужно мужественно стиснуть зубы, придти домой, выложить на стол дневник и принять неизбежное. Сурово и спокойно.

Хорошо, что родители вернутся только вечером. Но вечером-то что будет!!! Подумать страшно. Начнётся разбор полётов по полной программе. Непременно припомнят, что третья четверть – решающая (как и все остальные!) и начинать её так – недостойно сына интеллигентных родителей. Мда. Под вопросом окажется и пользование игровой приставкой, и дискотека в школе на 23 февраля, которое объявили наконец-то выходным днём. (И правильно, а то что выходило – 8 марта разные там двенадцатилетние соплюшки пишат о "женском дне", а День Защитников Отечества – фиг вам, мальчики, не доросли ещё!)

Нет, но он и правда не виноват! Первые "пары" с начала года! Другие по столько в неделю таскают, а тут... Да и как он их схватил?! Недоразумение и печальное стечение обстоятельств! По алгебре его спрашивали на прошлом уроке – значит, просто по логике не могли спросить сегодня! Но откуда у взрослых логика, одни эмоции... И если бы ещё сказали, что он потратил время, отпущенное на домашнее задание, на разную ерунду, так ведь нет. Читал серьёзную книгу "Сто великих битв"! А уж география – вообще издевательство. Подавай училке объём воды, который реки Южной Америки в океан выносят. И высоту водопада Анхель. Лучше бы спросила, почему у водопада такое название – "Ангел" по-немецки. Он бы рассказал, как в 20-е годы теперь уже прошлого XX века немецкий лётчик Анхель, пролетая над джунглями, увидел воду, падающую с неба...

Здорово. Он прикрыл глаза и представил себя в кабине старинного самолёта. Внизу – зелёный ковёр джунглей, ветер свистит в ушах (кабины тогда были открытые). И вдруг –

доннерветтер!¹

...

– Мальчик, смотри, куда идёшь.

Вздыхнув, Колька Вешкин обиженно посмотрел вслед удаляющейся женщине в пальто с поднятым меховым воротником. Скучные люди – эти взрослые. Особенно – девчонки. Наверное, эта тётка и в двенадцать лет мечтала о таком вот пальто. И никогда не пыталась представить себе, как медленно рушатся вниз, в джунгли, белопенные каскады водопада с красивым названием Анхель. Даже обидно, что тот находится на континенте, за который Колька схватил сегодня "пару".

День был серый, совсем не зимний. С крыш капало, солнце на небе не просматривалось, снег пожух и покрылся чёрной пылью. На дороге хлюпала всем известного цвета каша из песко-соляной смеси и растаявшего льда. А впереди просматривались ещё два с половиной месяца моральной пытки школой. Кольке захотелось сбросить рюкзак и попинать его ногами – просто так, для разрядки. Вместо этого он хмуро вздохнул, вжикнул молнией куртки, расстегнул её донизу и, сунув руки в карманы, зашагал по местами расчищенному тротуару домой.

С районного базарчика, который по выходным бодро шумел на площади Красногвардейцев, а в остальные дни – глухо бухтел, расплзались неспешно последние торговцы. Давно разъехались на своих машинах с прицепами "зубрёнок" те, кто торгует вещами и бытовой химией. Укатали фургоны-"газели" торговцев электроникой и продуктами. Самыми стойкими оставались бабульки глубоко пенсионного возраста, сейчас и тащившие по раскисшему снегу свои поставленные на салазки детские коляски, набитые всякой ерундистикой. Для них базар – не столько средство добыть деньги (у многих из них пенсия больше, чем зарплата у колькиных родителей!), сколько место общения. Такой клуб – людей посмотреть, себя показать. Бабулек Колька не любил – они критически относились к молодёжи, подозревая её огульно в намерении бесплатно пожить с лотков. Куда больше ему нравились небритые весёлые дедки, сшибающие на бутылку продажей разной механической и самодельной мелочи, но эта публика по будням на базарчике почти не появлялась...

Через рынок идти было короче – вдоль основного ряда, направо, потом – в калитку, которая выводит к задней стенке магазина, а там – обогнуть этот магазин и окажешься прямо во дворе девятиэтажки. Колька так и сделал – свернул.

На пустых прилавках и между ними лежали клочки бумаги, яркие обёртки, полиэтиленовая плёнка. У дальнего конца ряда ещё переминались с ноги на ногу полдюжины продавщиц сигарет и прочих спичек с зажигалками, курили два дворника – перед тем, как приняться за уборку. Сразу за поворотом занимались тем же самым трое пацанов постарше Кольки – они было уставились на мальчишку с нехорошим интересом, но Колька хладнокровно прошёл между ними и не попытался оглянуться, когда сзади закашлялись и мокро чавкнул снег. На таких по пояс резиновых решительное поведение действует безотказно. Конечно, всегда существует опасность, но сворачивать из-за этого с выбранных путей... да ни финты подобного!

Несмотря на мятущуюся по поводу двоек душу, Николай Вешкин был весьма решительным молодым человеком.

Казалось, между двумя рядами навесов уже наступил вечер, хотя до сумерек оставалось ещё часа два, а до настоящего вечера – и того больше. Колька покатыл перед собой банку "туборга" и совсем нехоти подумал, что страшно соскучился по футболу. Скорей бы уж сошёл снег из дворовой "коробки" и подсохла земля... А то зима – это какой-то мёртвый сезон. Особенно такая, когда даже на коньках не покатаешься. То ли зима, то ли уже весна наступила – и не поверишь, что неделю назад морозы были под тридцать!

Как всегда – не вовремя. Нафик они на каникулах-то?!

– Пацан, может, купишь чего?

Колька так убедил себя, что кругом пусто – даже вздрогнул от этого сов-сем близко раздавшегося голоса и повернулся в его сторону.

Припозднившийся торговец оказался без претензий – как раз из тех самых мужиков, про которых думал Колька, сворачивая на рынок. Он разместил свой товар прямо на земле – на разорванной по швам коробке из-под бананов – и сам пристроился рядом на брезентовом рыбацком стульчике. Сидел, надвинув на лицо колхозный брезентовый же плащ с капюшоном и вроде даже и не смотрел в сторону мальчика.

– Не, спасибо, – мотнул головой Колька и шагнул было дальше, но торговец предложил снова:

– Да ты подойди, посмотри. У меня интересные вещи есть.

Колька знал эти "интересные вещи" – ещё советские значки, старые видеокассеты, собачьи цепи, разные там дверные петли и гвоздики в спичечных коробках... Хотя... встречались на таких вот банановых ящиках и правда удивительные вещи. То настоящая, не из рессоры сделанная, шашка с чёрным от времени темляком² на руку. То какая-нибудь аж дореволюционная книжка. То коллекция монет. То прозрачный портсигар с вырезанными картинками воздушного боя и надписью

МЫ НАД БЕРЛИНОМ!

Много ещё что можно было увидеть у таких торговцев. Но этот вёл себя странновато – не шутил, не пытался заглянуть в глаза, не расхваливал товар. Казалось, ему не очень даже интересно, подойдёт Колька или нет.

"Угу, – отметил осторожно тревожный внутренний голос, – подойдёшь, он прыснет в лицо какой-нибудь гадостью из баллончика, и очнёшься за этими ларьками... или там весной найдут, когда мусор вывозить будут... Это всё-таки мужик взрослый, а не трое дубов с сигаретами..." На самом деле На самом деле было странно – что он тут высиживает, на пустом-то рынке? И главное – сидит так, как будто у него тут встреча назначена или ещё раннее утро, а он первым пришёл и спешить некуда!

Но, помедлив, Колька всё-таки подошёл. Просто из любопытства, а ещё потому, что домой идти было стрёмно. Брезентовый дядя не пошевелился даже и больше никак свой товар не рекламировал. Его вроде бы вполне удовлетворил сам факт появления клиента.

На серо-коричневой картонке лежали несколько колец – вроде бы правда золотых, даже с камешками. Ещё – отполированное блюдо, овальное, в завитушках по краям. Распятие – деревянное, потрескавшееся...

– А это что за салатница? – поинтересовался Колька, указывая на блюдо.

Мужик невесть как углядел из-под капюшона этот жест и объяснил популярно:

– Зеркало. Аттика, четвёртый век до нашей эры, полированное серебро.

– А это, – Колька потрогал жутковатую африканскую маску со стёршимися полосами раскраски, – вроде от настоящего колдуна? Четвёртый век нашей эры?

– Шестой, – равнодушно поправил мужик, по-прежнему не делая ни единого движения. – Верхнее Конго.

"Нижние Пупки, – насмешливо подумал Колька, рассматривая остальные "экспонаты", – бред у тебя, дядя. Беляк настиг и долбает... Такое сдают в антикварный за куски в баксах, а не с лотка на пустом базаре толкают."

– А чего это у вас два распятия? – ткнул Колька во второе – металлическое, вытертое и какое-то обломанное сверху.

– Это не распятие, – всё тем же тоном безмерно усталого экскурсовода отозвался прибабахнутый продавец. – Рукоять меча тевтонского рыцаря. XII век, Прибалтика.

"Ну конечно, – поддакнул Колька, – а сам меч об башку Васьки Буслаева обломился... Хотя Буслаев – это XIII век вроде... Но всё равно круто!"

– А это рыцарские шпоры? – указал мальчишка на пару предметов, в самом деле

похожих на шпоры – дуги, дополненные потёртыми кожаными ремнями (спереди на щиколотку и под пятку, наверное) и сзади увенчанные мечеобразными прямыми остриями в палец длиной.

– Рыцарские. Золото. Западная Европа, V век.

– Тогда рыцарей не было, – не выдержал Колька.

– Они всегда были, – непробиваемо и сохраняя абсолютнейшее, первобытное спокойствие, парировал мужик.

Колька промолчал. Чего спорить с человеком, у которого трубы горят? Ясно же, ему деньги нужны так, что он алюминиевую вилку готов продать за часть сервиза Александра Македонского.

Правда, при этом было непонятно, почему мужик так спокоен. А главное – его речь совершенно не была похожа на речь пьяного или похмельного.

– А сколько чего стоит? – поинтересовался Колька, попробовав на прочность ремешки шпор.

Приколы приколами, но эти штуки мальчишке почему-то сразу приглянулись. Можно будет повесить над кроватью, а следующей осенью наплести что-нибудь приятелям про летние приключения. Выглядят-то они и правда как настоящие рыцарские... Во, точно! – Я бы шпоры взял. И эту... рукоять меча. Если недорого.

Здорово! Можно будет вешать лапшу на уши про раскопки и какой-нибудь древний клад, который достался учёным и уехал в музей... а это ему, Кольке, подарили за какую-нибудь неоценимую помощь. Какую – потом выдумаем.

– Тут всё по семь рублей, – ошаршил Кольку ответом мужик. И, пока мальчишка переваривал сказанное, даже чуть отступив от совсем спятившего, как видно, "торговца", тот ещё добавил: – Но больше одной вещи в одни руки я не продаю.

– А?... – не сразу сориентировался Колька. – А давайте я дам по пятнашке. Вот, за шпоры... и за рукоятку... Тридцатник. Покатит?

– Семь рублей за вещь. Одну в одни руки, – разъяснил мужик.

– Ну вам же выгодней! – удивился Колька. Припомнил, сколько у него с собой денег и надбавил:

– По четвертному. Полтинник.

Ему почему-то до щеколки захотелось вдруг иметь эти вещи. Но мужик повторил:

– Семь за одну. Мой товар, я продаю.

– Ну и... – начал Колька, собираясь было уйти, но потом остановился, поднял шпоры. Повертел в руках. Ему почему-то казалось – и это было не очень приятное ощущение! – что мужик следит за ним из-под капюшона. "Возьму меч," – решил Колька... и протянул шпоры продавцу со словами: – Вот это.

– Ты выбрал, – загадочно ответил мужик. Колька убрал шпоры в карман рюкзака, достал из бумажника пяти- и двухрублёвую монеты. Рука мужика, которой он принял деньги, оказалась вполне человеческой...

...Отойдя шагов на десять – почти у калитки – Колька обернулся.

Мужик в брезентовом плаще неспешно собирал свои товары в невесть откуда извлечённый здоровенный бесцветный и бесформенный вещмешок.

Странно. Такое впечатление, что он ждал ОДНОГО-ЕДИНСТВЕННОГО покупателя.

* * *

В квартире конечно было пусто, только кот Сникерс сидел на кухонном столе и с философским видом умывался поочередно левой и правой лапками. Вспоротый и на треть съеденный пакет сухого корма лежал за холодильником, высовываясь оттуда краем, Сникерс был фанатиком "Фрискета" и на пути к вожаемому хавчику домашнего любимца не останавливали ни высоты, ни широты, ни закрытые двери. Ни пластмассовые пакеты.

– Наглая ты скотина, – ласково сказал Колька, разуваясь у вешалки ставя кроссовки на полочку. Сникерс посмотрел через плечо с видом оскорбленной невинности: это вы обо мне?

Рюкзак Колька зашвырнул в свою комнатку – пока шел домой вокруг магазина, опять вспомнились двойки, и мир потускнел еще больше. Нехотя переодеваясь в домашнюю рубашку, джинсы и кроссовки, Колька отметил, что до возвращения родителей остается еще почти четыре часа. Скорей бы уж, правда! Может, сесть в приставку поиграть – напоследок, пока можно? Но что-то не было особенного желания, и Колька ушел на кухню, где, спихнув со стола Сникерса, достал из холодильника колбасу и начал сооружать себе бутерброд. Кот смотрел на происходящее с брезгливо-изумленным видом, потом с отвращением мяукнул и, задрав хвост, повернулся к колбасе и молодому хозяину спиной – ушел в комнаты, выбирать место для сна.

В бутылке лимонной фанты на дне плескались жалкие остатки роскоши. Та-ак, еще один удар по башке от сегодняшнего дня: забыл купить воды. Слив фанту в стакан, Колька присел к столу и устался на крышу дома напротив. Двое бухариков скидывали с нее снег – их шапки и лопаты то и дело мелькали над краем.

Каждый зарабатывает на бутылку, как может.

Эта мысль напомнила о шпорах в рюкзаке. Колька доел бутерброд, одним глотком опрокинул остатки фанты и деловым шагом отправился в свою комнату.

К рюкзаку прикасаться не хотелось. в его недрах таился дневник с... даже думать надоело об этом! Открыв второе отделение, мальчишка извлек попку, присел на кровать, спихнул рюкзак за спинку и начал рассматривать шпоры.

Они были тяжелые, солидные – на базаре Колька как-то не обратил на это внимание. Зато сейчас вспомнил, что рыцарские шпоры делались из золота. Да ну, чушь... Дуги украшал тонкий узор – темные на золотом фоне сплетающиеся стебельки трав... или струи воды? Нет, красивая вещь. Может, и правда старинная? Колька положил левую ногу на колено правой, примерил шпору. Вместе с белой кроссовкой она выглядела чудно, но мальчишка вспомнил, как в одном иллюстрированном альбоме видел английских кавалеристов – в ботинках с обмотками и при шпорах. Если уж благородные сэры и лорды носили шпоры на ботинках, то почему бы не прицепить их кроссовкам? Шпоры на кроссовках, йоу!

Кожаные ремни, окаменевшие от старости, плохо завязывались – пряжек-то не было! Колька пыхтел и шёпотом ругался, но закрепил левую шпору и принялся за правую. С ней пошло легче – то ли ремень не так высох, то ли еще что.

Справившись с этим, он поднялся на ноги и почувствовал – стоять не очень удобно. Конечно, нижний ремень был рассчитан на то, чтоб проходить под каблуком, а где на кроссовках каблук? Кроме того, шпоры немного болтались – затянуть ремни плотно не удалось. Тем не менее мальчишка прошагал к ростовому зеркалу в зале и полюбовался на свое отражение.

Вид был как у пацана, который зачем-то присобачил к белым кроссовкам шпоры. И все. Конечно, на сапогах смотрелось бы лучше...

Колька вытянул руки по швам и пристукнул задниками кроссовок – как гусар в кино.

* * *

Не разу в жизни ему не доводилось терять сознание, поэтому он не знал, с чем сравнить состояние, в котором он находился – сколько? Наверное недолго – ведь Колька даже упасть не спел! Он по-прежнему стоял на ногах, да, вот только...

...стоял он на узкой тропинке, выложенной кроваво-красным кирпичом и прямо, словно стрела, ведущей к трехбашенному замку – серому, даже черным казавшемуся в голубом небе. По обе стороны тропинки лежал зеленый, веселый, только очень молчаливый, без птичьего пения или хоть ветерка, сад. Ну, а вдоль самой тропинки, по бокам слева, были

тесно расставлены статуи. Колька оказался в самом начале этого то ли музея, то ли еще чего.

Впрочем, решение этого вопроса Кольку беспокоило менее всего. Его даже не очень беспокоило куда он попал. Важнее казалось другое – врубился, а ЕСТЬ ли это на самом деле? Или он поскользнулся на льду у подъезда, тюкнулся темечком и лежит в травматологии? Если так, то лучше закрыть глаза...

Он так и сделал. И стоял, зажмурившись, довольно долго, пока не сообразил, до чего по-идиотски это выглядит. Но, открыв глаза, Колька ту же захотел закрыть их снова, потому что до него дошло, что тут – лето.

Нагнувшись, мальчишка сорвал травинку у тропы. Травинка оказалась настоящая, живая. Колька растер ее – пальцы остались выпачканы зеленью. Кстати, нагибаясь за ней, он заметил, что шпоры все еще держаться на кроссовках.

С абсолютно безумной надеждой парень выпрямился и "щелкнул каблуками"...

...Он стоял у зеркала в комнате родителей – именно так, как это себе и представил.

– Ффф... – вырвалось у Кольки облегченное. Глядя в зеркало, он потерял лоб – отражение сделал тоже самое. Вид у отражения был бледный и встрепанный, глаза – большие, как у описавшегося малыша. – Вот так фишка...

Задирая по очереди ноги, Колька ощущал подошвы кроссовок. На них был песок дорожки.

Присев на подзеркальник, мальчишка начал рассуждать вслух:

– Раз есть песок – значит, я там был. Раз был – значит, то место тоже есть, где-то, и нечего бояться. В любой момент вообще обратно можно прыгнуть. Шпоры-то, похоже... – но хотел сказать "волшебные", но это значило почти непереносимую для тринадцатилетнего горожанина вещь: признать существование волшебства. И Колька закончил дипломатично: – ...необычные.

Взрослый бы, случилось с ним такое, понесся бы к лечащему врачу, а шпоры по пути выбросил в мусоропровод. Колька встал перед зеркалом, посмотрел на свое отражение и, еще раз повторив:

– Нечего бояться! – свел пятки вместе...

...Он вновь стоял там, где стоял – в начале аллеи. Теперь Колька сообразил, что она очень длинная, а замок – просто огромный. Что же это за шпоры? Научная разработка какая-нибудь? Тогда как они попали к тому мужику? Или он сам – сумасшедший гений, который... Но зачем сумасшедшему гению понадобилось продавать свои изобретения по семь рублей на пустом базаре, Колька так и не додумался – и, поглядывая по сторонам, пошел аллеей.

Его сразу удивила ода странность. Статуи слева и справа были статуями мальчишек – начиная с немного младших, чем он, и кончая теми, кто выглядел старше год-два-три. Выполнены статуи были с великолепным мастерством – если бы не однотонность камня, Колька мог бы решить, что вдоль аллеи выстроились десятки пацанов, решивший поиграть в старинную игру "замри!" И еще кое-что он заметил, и это было уже неприятно. Мастер, исполнявший статуи, был злым человеком. Он запечатлевал своих натурщиков – или как они называются – в моменты каких-то неприятностей. Об этом говорили лица статуй – испуганные, ожесточенные, кричащие, умоляющий, злые, ненавидящие – и их позы – кто-то бежал, другой наоборот – рвался вперед, отводя кулак, третий пытался закрыться руками, кто-то даже стоял на коленях... Увиденное так неприятно поразило Кольку, что он не сразу заметил еще кое-что.

Одежда тоже менялась. В начале аллеи стояли одетые так же, как сам Колька. А сейчас он уже шел мимо ребят, одетых в другие кроссовки, почти не на ком не было джинсов, совсем ни на ком – шортов, и рубашки, и рубашки выглядели проще... Колька заметил крепыша, увешанного разным металлом – в цепях и заклепках, с замком, висящим на лацкане безрукавки, выглядевшей, как кожаная. "Металлист", – вспомнил Колька фотки на старых, конца 80-х годов, журналов, которые разглядывал, доставая с антресолей.

Теперь он стал всматриваться не в лица – уж очень было жутковато – а именно в одежду. И уловил – правда меняется! Вот некоторые даже босиком пришли, в кепке кто-то, а

другой – в майке... Колька прошел мимо парня в гимнастерке, украшенной какой-то медалью, галифе и сапогах, мимо еще нескольких в старой военной форме...

Одежда продолжала меняться – будто в музее по истории костюма. Чаще встречалась совсем незнакомая военная и полувоенная. Потом Колька увидел первого взрослого – уже немолодого гусара в своей пышной, со множеством прибабасов, форме, усатого, с лицом горды и печальным. Дальше взрослые встречались чаще, и к тому моменту, когда кивера заменили треуголки, а на головах под ними появились парики, число взрослых и подростков сравнялось.

Замок приближался – медленно, но приближался, и в душе Кольки росло тягостно-опасливое чувство. Казалось, замок поглощает солнечные лучи и расплывается в небе, как жуткая опухоль. Узкие окна-бойницы смотрели, словно прорези шлема злого рыцаря.

Колька шел мимо людей в доспехах. Встречались и просто одетые, в лаптях или вообще босые, но большинство носило панцири и шлемы, всякое такое, и подростки, и взрослые. Тут почти нельзя было увидеть на лицах страх или отчаянье, никто не изображался бегущим или молящем о пощаде...

Доспехи делались проще. Со щитов исчезали христианские символы – тех заменили какие-то неизвестные мальчишке, продолжавшему озираться с опасливым любопытством. Ему казалось, что он идет уже много часов, но, когда он взглянул на часы, то увидел мигающие на циферблате сплошные нули. Похоже, часы сломались.

Последним – у самых ворот замка – стояли вновь люди без доспехов, хотя некоторые и со щитами у них – и у взрослых, и у мальчишек – были суровыми, непреклонными и немного звероватыми.

Все. Пришли. Колька стоял у высоких, из черного дерева, со скрепами, петлями и засовом черного металла, дверей. Выглядело это, наверное, глупо – зачем шел?! – но думать про это мальчишка не успел.

Двери открылись – бесшумно и плавно.

Внутри – свет.

* * *

Родители не раз укоряли своего сына, что он мало читает. Это стандартный упрек нынешнему поколению от предыдущего, и он, кстати, не всегда справедлив. Конечно, нельзя сказать, что Колька утыкался в книжку, едва выдавалась такая возможность, но читал он вовсе не мало, именно поэтому успел к своим тринадцати годам познакомиться с массой фантастическо-приключенческой литературы. И, читая, конечно же мечтал – вот если бы...

Но вот. Пожалуйста. И если бы – сколько угодно. А входить внутрь не хотелось. Хотелось стукнуться пятками – и унести прочь от зеленоватого, какого-то неживого света, заливавшего просторный неживой зал и круто поднимавшуюся вверх лестницу с могучими перилами. Кроме того, Колька заопасался: а что если шпоры больше не сработают?! Он уже совсем собрался проверить это, но сам себе сказал весьма сурово: "А не трусил ли ты просто-напросто, Николай? Ну конечно, это тебе не Doom-у думать. А ну-ка – вперед!"

Не сказать, чтоб эта решительность помогла сразу. Но, потоптавшись на плоском широком пороге из каменной плиты, Колька осторожно шагнул внутрь.

Он был готов к тому, что двери с грохотом захлопнутся. Но они остались неподвижными – и это слегка успокаивало. Похоже, никто пока не собирался ловить в расставленные сети подростка из районного центра России. Взрослый давно начал бы искать логическое объяснение произошедшему. Колька вместо этого двинулся по черному, отражавшему в полировке зеленый свет полу, к лестнице. Не переставая, впрочем, прислушиваться и присматриваться – замок напоминал логово Дракулы из многочисленных про него фильмов. Правда, Дракулу Колька как-то не боялся и даже жалел – после того, как прочитал в детской энциклопедии статью про настоящего графа Дракулу, Влада Цепеша.

Оказалось, что он был вроде даже защитником родной земли, а жестоким стал после того, как турки-завоеватели зверски казнили его родных... Да и вообще – в сверхъестественную чертовщину Колька не очень верил даже сейчас. На свете и реальных ужасов хватает...

Лестница вела наверх по спирали – снизу не видно было, что там. Ни звука оттуда не доносилось. Только все тот свет виднелся, льющийся непонятно откуда.

– Эй, – негромко и не очень-то смело позвал Колька, ставя ногу в кроссовке на первую ступеньку. И только теперь заметил, что шпор на обуви... НЕТ!

Мальчишка похолодел и оглянулся, надеясь, что они отвязались и лежат на полу в зале. Пусто. Еще секунда – и он бросился бы опрометью в аллею статуй – искать... но вместо этого опустил руку и ощущал кроссовки.

Против всех ожиданий – шпоры были на месте! Колька не видел их, но его пальцы хорошо ощущали золотые шипы. "Наверное, я все-таки немного головой ударился, – подумал он, ощупывая вторую шпору. – Или у них это... ну левое отражение от света? Но ведь раньше-то видел я их..."

Ему словно пришлось преодолеть искушение вернуться домой. Просто чтобы испытать – не отказали шпоры случайно?! На этот раз искушение оказалось недолгим – очень хотелось посмотреть, что там, наверху.

– Эй, – позвал мальчишка снова, уже поднимаясь по лестнице.

Ноль эффекта.

Лестница выходила в полу зала – поменьше, чем внизу, но тоже здоровенного и пустого. Похожа, обитатели этого замка на страдали пристрастием к мебели. Влево и вправо из зала выходили коридоры, заканчивающиеся тоже лесенками – ведущими, похоже, в башни. А по сторонам коридоров различались двери. Вполне обычные и немного скучные, как в каком-нибудь учреждении во время перерыва.

– Тут есть кто? – повторил Колька в третий раз свой призыв.

если честно, он и сам не знал, зачем тут бродит, зачем зовет кого-то? Похоже было, замок пуст. Ничего интересного не обнаружилось. Похоже, чудо ему досталось уцененное, можно возвращаться в квартиру и вешать шпоры на стену. А если захочется тишины и покоя – заглянуть сюда как-нибудь потом.

Для очистки совести он пересек зал и подергал сделанную в виде драконьей лапы дверную ручку – первой справа двери в правом же коридоре.

Колька и не рассчитывал, что дверь откроется!

* * *

Он стоял на пороге самой обычной комнаты, в которой живет девчонка-тинейджер и описать которую по памяти просто не возможно – все такие комнаты одинаковы и набиты вещами, как голова отличника – ненужными знаниями. Да Колька и не очень присматривался к тому, что там разложено и расставлено. Дело в том, что комната не была пуста – на овальной кровати в обнимку со здоровенным Винни-Пухом сидела, поджав ноги и хлюпала девчонка Колькиных лет – босиком, одетая в фиолетовый топик и коротенькие разлохмаченные джинсовые шорты. У девчонки были густющие русые волосы, распущенные по плечам, большущие синие глазищи (заплаканные) и припухший симпатичный носик.

Короче, мимо такой девчонки пройти было нельзя. И Колька спросил решительно:

– Ты чего сырость разводишь?

Странно, но девчонка заметила его только сейчас. Она ахнула, соскочила спихнув игрушку, с кровати и, подбежав к мальчишке, взмахнула руками:

– Уходи! Уходи скорее! Ты, что погибнуть хочешь?!

Как-то так она это закричала, что Кольке и вправду захотелось смыться поскорее и подальше. Но бросить симпатичную зареванную и стройненькую аборигенку было как-то некрасиво, и Колька продолжал добиваться своего:

– Тебя что, обидел кто-то? Ты не бойся, тут нет никого, я проверил... Или, – пришла в голову мальчишке здравая мысль, разом все объяснявшая, – тебя наверное, сперли и выкуп требуют?!

Девчонка, продолжавшая хлюпать, буквально взвыла:

– Да иди ты отсюда. Убьют тебя ведь!

– Вместе пойдем, – решительно заявил Колька. – У меня такая штучка есть закачаешься. Слияем отсюда, а там ты мне расскажешь, кто ты и что это за место... Ну-ка, хватай меня за руку, – и, видя, что девчонка медлит, решительно и не без удовольствия взял ее сам за тонкое запястье.

Вернее, это ему показалось, что взял. А на самом деле – пальцы сжались на пустом месте. Удивленно глянув на свою руку, Колька еще раз попытался цапнуть за руку девчонки – с тем же результатом. У мальчишки вырвалось растерянное:

– Что за фигня?! Дай мне руку!

– Я бы рада, – девчонка перестала хлюпать, смотрела заплаканными глазами, но серьезно и спокойно, – да не получится ничего. Заколдованная я. И ты меня отсюда просто так не уведешь, и шпоры твои мне не помогут.

– Шпоры? – Колька посмотрел вниз. Шпор не было видно: – А откуда ты про шпоры знаешь?

– А как мне про них не знать? – вздохнула девчонка. – Уж я и не помню, когда в первый раз приходил вот так ко мне приходили от Ярослава-Мастера. только бесполезно все это. Уходи, пока можешь, а про меня – забудь. Мне не поможешь, а сам пропадешь.

– Погоди, – дошло до мальчишки, как до жирафа, – как ты сказала, какая ты там – заколдованная?!

– Заколдованная, – серьезно кивнула девчонка. – Да не кем-нибудь, а самим Кощеем!

Колька молча повернулся, чтобы уйти. Девчонка за его спиной вздохнула:

– Что же, правильно... Зачем тебе пропадать. Иди скорей да будь счастлив.

Что-то такое звучало в ее голосе, не вязавшееся с современным обликом. Да и настоящее тоскливое горе – тоже слышалось, поэтому Колька все же обернулся снова. И спросил:

– Так это что – Кощей дворец, что ли?

– Его, – кивнула девчонка. – Только он пока отлучился. Он часто по белу свету колесит, пакости и козни строит добрым людям. А на меня заклятье наложил – мне из этой комнаты не выйти, пока не освободит он. И не вывести меня из нее никому, пока его не победят. а как его победишь, если он...

– Бессмертный, – скептически добавил Колька. – Ты вообще кто такая?

– Я? – девчонка гордо откинула голову, сверкнула просохшими глазами. – Я дочь князя Святобора, что островом-Буяном правит, да княгини Ольги-Волшебницы, жены его законной!

– Мда? – Колька задержал взгляд на ее голом животе, потом – внимательно осмотрел всю комнату. – И как тебя зовут?

– Зорина, – ответила девчонка гордо и вздохнула. – А вокруг не смотри. Время идет – и все тут со временем меняется. И одежда моя, и тюрьма эта...

– А давно ты тут срок тянешь? – пошутил Колька все еще недоверчиво.

– Давно, – сникла Зорина. Казалось, она вновь вот-вот захлюпает. – Уж и остров мой родной сказкой сделаться успел... Две тысячи лет я тут!

Колька снова вознамерился идти. И опять остался, спросил:

– А на фига ты ему нужна, Кашею?

– Жениться хочет, – призналась Зорина убито. – Да только мать моя успела заградительное заклятье выставить – сможет он на мне жениться, если две тысячи лет пройдут, и не найдется того, кто меня от плена избавит... А срок-то на днях подходит!

– И чего, за двадцать веков... – начал Колька и, невольно оглянувшись, помотал головой: – Да ну нафик, нет!

– Да, – кивнула Зорина печально. – Статуи те – все мои избавители. Ни у кого силы не достало – с Кашеем сладить. Он их победил и в камень обратил. Так им и стоять каменными – пока не сгинет Кощей, а жениться он на мне – так уж вечно!... Отец мой слугу своего верного Ярослава-Мастера, послал по нашей земле – витязей искать, тех, кто волшебные шпоры возьмет да за меня вступится. Сперва надеялась я. А Кашей побеждал кого – меня к окну заставлял подходить, да при мне в камень их обращал. Я и надеяться перестала...

– А что там, – Колька ткнул рукой, словно именно это было самым важным, – в последнее время... короче, одни мальчишки?

– Да вот так, – вздохнула Зорина. – Взрослые-то в сказки и верить перестали, я и забыла, когда... Да уйдешь ли ты, глупый?!

– Слушай, – мальчишка набрал воздуха в грудь, – Зоринка, а вообще – что, ну, делать надо? Чтоб тебя освободить, и вообще? Может, я попробую?

– Уходи, – губы девчонки задрожали. – Я и так все глаза выплакала. В прошлом году – вот тоже парнишка был... Видно, быть мне Кашеевой женой!

– Да ну, – скривился Колька, – он же старый и вообще... Давай, говори, что там положено – ну, вдруг мне повезет! сказки обязаны заканчиваться хорошо, мне так в детстве говорили.

– Это те, которые рассказывают, – покачала головой Зорина, – а есть и те, про которые молчат...

– Ms давай не философствуй, – напирал Колька – а инструктируй. Ему что, твое свидетельство о рождении принести, чтоб он от несовершеннолетней отвалился, этот скелет ходячий?!

– Свидетельство не надо, – серьезно возразила Зоринка и снова захлопала: – Погибнешь ведь, в камень обратишься, опомнись, да и беги отсюда!

– Ну, это мы еще прикинем, – настаивал Колька, ощущая одновременно задор, как перед дракой, и сосущее чувство в животе. Он не мог до конца себя убедить в том, что происходящее – реальность, может быть, еще и поэтому продолжал настаивать. Ну и еще – потому что Зоринка была симпатичная, даже очень. Жениться Колька, конечно, не собирался, но спасти такую классную девчонку – чем плохо? Можно и на поцелуй заработать... О статуях в саду мальчишка старался не вспоминать – становилось по-настоящему жутко. – Время – деньги, а впрочем – даже баксы. Что делать?

– Ох, не знаю, – Зоринка прикусила губу, потом тряхнула головой: – Ну ладно, испытаем судьбу еще раз! Слушай и запоминай. Просто тебе Кашея не одолеть. в старое время на то многие попадались, на свою судьбу да ловкость надеялись, меня не слушали... первым делом – нужно тебе пять вещей добыть. Сапоги-скороходы, меч-кладенец, щит несокрушимый, зеркало всевидящее, да рог зовущий. Где они – не знаю я, прежде никто их все собрать не мог, а Кашей, как побеждал, по времени те вещи раскидывал...

– По времени?! – удивился Колька. – В смысле по разным годам?!

– По разным годам, по разным местам, – согласилась Зорина. – Да то не беда особая. Представишь себе, что добыть хочешь, приударишь шпорами – и понесут они тебя к цели избранной. А уж там – как повезет...

– Так это что, – Колька опасливо посмотрел на ноги, – меня к динозаврам зафигарить может?!

– Нет, – не удивилась Зоринка, – Кашею люди нужны, он без людской злобы жить не может. Так что искать те вещи надо там, где люди есть... Помни еще – не бойся. Пока шпоры на тебе – ни один слуга Кашеев, кто бы он ни был, вреда тебе причинить не в силах. От самого Кашея шпоры не защита, ну да он до последней схватки на бой с тобой не выйдет, а там и ты во всеоружии будешь...

– А чего никто из них, – Колька снова оглянулся, – все эти пять придамбасов не собрал и не вломил этому медицинскому пособию между глазниц?

– Кто опять же на силу свою понадеялся, – печально ответила Зоринка, – а кто решил, что и долго все-те вещи искать, обойдусь одной или двумя... ну а кому не повезло найти, и

так может случиться... Тебе-то особенно торопиться надо – семь дней пройдет, исчезнет срок заклатья матери моей, и останусь я без защиты перед Кощеем...

– ССЕМЬ дней?! – протянул Колька и нахмурился.

Можно быть сколько угодно ответственным и смелым молодым человеком. Но представить себе – предки приходят домой, а сына... нет. Зимняя одежда на месте, рюкзак (и дневник с двойкой!) на месте, а его – нет, и все тут. Да они же...

– Не бойся, – успокоила без насмешки Зорина. – Вокруг тебя время-то идти будет, а вот там, откуда пришел ты – застынет. Семь дней минутой пролетят. Но уж если там, сгинешь в бою с Кощеем... – она не договорила, но тут и все и так ясно, так сказать, это и есть последний шанс. Ну а дома его может искать вся милиция города. – Испугался? – понимающе спросила Зорина. – Иди путем своим, добром предлагаю. Хороший ты. Жалко тебя будет. Всех жалко, – а тебя особенно...

– Всегда мечтал стать странствующим рыцарем, – воспрянул после этих слов Колька. – Фигня война, прорвемся!

– Домой захочешь, – представь дом, да и... – начала Зорина, но зеленоватый свет вдруг померк, потом ярко вспыхнул снова. Каменный пол под ногами мелко задрожал, завибрировал в лад всему замку.

– Это что, землетрясение или авария на подстанции? – заморгал Колька, но Зоринка завизжала не как княжна, а как самая обычная девчонка, увидевшая толстую мышь:

– Слышишь, земля гудит?! Кашей возвращается! Беги скорей – нет в тебе силы пока, с ним сладить! Беги, да возвращайся, я ждать буду, надеяться!

Охваченный внезапным и острым страхом Колька поспешно щелкнул кроссовками, успев подумать – просто так, без цели: а на что, интересно, похожи сапоги-скороходы?!

Часть 1.

Шумел сурово брянский РЭП...

1.

Конечно, домой он не попал. Если нацепили волшебную обувь – то уж соизвольте следить за своими мыслями. Так подумал сам Колька, проморгавшись на склоне холма, вверху которого начинался лес, а внизу лежало поросшее чахлой травой и бледными кустарниками болото. Светило солнце, чирикали птички – вокруг был теплый летний день. И то хорошо – по лету мальчишка успел соскучиться, с удовольствием посматривал в небо.

Где-то в этом мире – точнее, времени – находились, сапоги-скороходы, неизвестно на что похожие. Пока что этот летний пейзаж опасений особых не вызывал. Да если тут и есть что опасное – один стук кроссовками – и гамовар³, идет перезагрузка. Так жить можно, и неплохо. Правда, время тикает, а как искать обувь – не вполне понятно. Оставалось надеяться на то, что шпоры, почувствовав стремление хозяина, притащили его куда-то в непосредственную близость от искомого...

Но все-таки, что за время? Колька осмотрелся внимательней. Да нет, такой пейзаж может быть и до нашей эры, и в XXI веке, и во времена монголо-татарского нашествия. Чего кстати, не хотелось бы, но не исключено.

Такая возможность настраивала Кольку на деловой лад. Он в третий раз повел вокруг взглядом, прислушался. На миг ему показались какие-то звуки, похожие на гул мотора, но то ли и правда послышалось, то ли они очень быстро исчезли. Надо шагать, хоть и не понятно пока – куда.

в болоте делать было нечего, и Колька полез на косогор, где плотно стояли осинки и дубы. Лес это или какие посадки? Кроссовки скользили по сочной траве, несколько раз Колька утыкался в нее руками, чтобы не упасть. Вспомнилась Зорина. Симпатичная девчонка, и даже очень. Смешно и приятно было ощущать себя ее странствующим рыцарем. Хотя и оставалось неприятное опасение – чем все кончится? Временами казалось – это все-таки не сказка, нет

Наверху оказался лес – настолько густой, что кое-где между деревьями и протиснуться было нельзя. Лес вполне сказочный – вот в таком стоять избушке Бабы Яги. А почему нет? Если существует Кашей... Колька сам себя испугал этими мыслями и замер. Осторожно и внимательно вглядываясь в тени под деревьями.

Ему вновь послышался гул мотора. Да нет, не послышался – где-то в лесной чаще правда гудели, не мотор – моторы, много! Да, это уже не Баба Яга... если только она не поставила на свою ступу турбореактивный двигатель. Лес путал звуки, и городской мальчишка Колька не мог точно понять, откуда они несутся. Только сейчас, стоя в какой-то пустынной местности на краю чащи, он отчетливо убедился, какая сложная перед ним задача – за две недели найти пять вещей, о которых известно только то, что они ЕСТЬ.

Да, но к людям-то все равно надо идти, если тут и есть сапоги скороходы, то они где-то у них. Колька облизнул губы и, подумав, что ему хочется пить, вошел в лес...

...Это был первый настоящий лес, в котором мальчишка был в своей жизни – не окультуренный человек и не цивилизованный человеком. На уровне пояса между деревьями колыхались от каждого шага мелко нарезанные сумрачные листья папоротника. Чем дальше, чем чаще встречались обомшелые деревья, под ногами начало хлюпать, и тогда Колька сообразил, что давно идет куда-то вниз. Было сыро и душно. Мальчишка остановился, прислушиваясь и слыша только свое собственное тяжелое дыхание. На лицо и руки противно налипла толстая, прочная паутина – между деревьями тут встречались такие откормленные паучищи, что Колька от них шарахался, передергиваясь от омерзения. Он начал всерьез подумывать, не вернуться ли домой за кухонным ножом, каким-нибудь репеллентом, водой и... и сообразил, что боится.

Это его слегка приободрило. Раз человек способен понимать – боюсь, значит страх не такой уж сильный. Значит, можно соображать и искать выход.

Колька прислушался. Нет, сейчас он ничего не слышал. То ли машины прошли, то ли мешает низинка, в которой он оказался. Вокруг кроссовок выступила мутная вода, и он подумал, что домашняя обувь погибла, но огорчиться по этому поводу он не успел.

Сперва ему показалось, что гудит какой-то жук. Но гудение становилось всё громче и громче, перешло в отчетливый, прерывистый гул, скользнуло где-то в вышине и растаяло. В голову опять пришел образ Бабы Яги, рассекавшей в небесах на неформальном транспорте без регистрационного номера и бортовых огней, но Колька сердито отогнал видение: понял, что слышал легкий самолет – точь-в-точь как на загородном аэродроме. Можно, тут цивилизация. Машины, самолет, а что лес кругом – так и в XXI веке в России полно мест, где лес без конца. Может, это и есть XXI век – прошлое лето, например? А что, нормальный ход со стороны Кашея...

Отмахиваясь от пауков сломанной веткой, Колька двинулся дальше. Но только затем, чтобы почти сразу тут же остановиться и плюнуть – ноги вынесли его на край болота. Даже болотища – впереди, насколько хватало глаз, расстилалась спокойная поверхность с островками ряски и пучками блеклой травы на кочках, украшенных жабами. Кренились мертвые и полумертвые деревья – густо, в разные стороны. Звенели комариные полчища.

Взглянув на запястье. Колька увидел, что его часы вновь и идут и показывают полдень. У мальчишки неожиданно возникло опасение, что тут можно пробродить до вечера – и страх, внезапно появившийся, был таким сильным, – что Колька сдвинул кроссовки, мечтая лишь об одном: хоть на секунду оказаться дома.

Он все еще недоверчиво смотрел кругом, широко открыв рот и не понимая, почему все еще стоит на краю болота, когда негромкий и вежливый мужской голос вывел его из

оцепенения:

– Послушайте меня, молодой человек.

2.

Одетый в длинный модный кожаный плащ высокий мужчина стоял на самом краю болота и вежливо улыбался длинными тонкими губами на узком костистом лице. Прилизанные волосы аккуратно лежали на голове – прядь к пряди. В левой руке невесть откуда возникший человек держал длинную черную трость, увенчанную серебряным черепом, и постукивал ею по плечу.

Человек? Колька подался назад и выдохнул испуганно – против своей воли:

– Кащей!

– Добрый день, молодой человек, – кивнул Кащей. – Не пугайтесь, пожалуйста. И не удивляйтесь, что я без лат или меча – время не то, да и обременительно, знаете ли, таскать все это железо... Так о чем это я? – Кащей призадумался, потом щелкнул длинными узловатыми пальцами: – А, да, конечно же! Я пришел разрешить ваше недоумение, молодой человек. И, возможно, вам помочь... Вижу, вы удивлены поведением ваших шпор? Не удивляйтесь. Зорина вам просто кое-чего не сказала. Нет, не по злему умыслу – это следствие наложенного на него заклятия, так что извините ее... Так вот. Видите ли – то, в чем вы опрометчиво решили принять участие – это не компьютерная игра, ее нельзя выключить. Вы сможете воспользоваться шпорами только если добудете сапоги-скороходы. И далее – если возьметесь за поиск следующей вещи, шпоры вновь потеряют силу до того момента, как вы добудете ее... Таким образом что? – Кащей вежливо и даже виновато улыбнулся: – Таким образом вы рискуете НАВСЕГДА остаться на любом уровне игры, на любом этапе вашего путешествия. И смею сказать – многие и остались. А ведь у вас всего две недели? Да и что потом? Всех вещей потом не собрать, а мне уже успели надоесть садовые скульптуры... Знаете что? – Кащей с размаху уперся тростью в жижу между красивых и абсолютно чистых туфель. – Я никому не делал таких предложений, но... в конце концов, меньше чем через полмесяца у меня свадьба... Давайте вы просто отдадите мне шпоры – и я ПРЯМО СЕЙЧАС верну вас в квартиру. Или – если вы мне не верите – сперва верну, а потом отдадите. Вам подходит такой разговор? Обмен – и мы больше никогда не увидимся. В конце концов – зачем вам в вашей жизни ожившие сказки? Это даже как-то нелепо и смешно. Вы согласны?

Кащей умолк. Колька тоже молчал на протяжении всей этой речи – сперва ошарашенный его появлением, потом – пристукнутый его словами, дальше от нараставшей злости. Нет, он почему-то был уверен, что Кащей его не обманет – вернет домой. И Колька вовсе не был уверен, что сможет пройти все пять "уровней" да ещё и победить потом Кащея. Но... если это и правда сказка – должен же быть, блин, какой-нибудь сказочный закон, который на стороне его, Кольки, странствующего рыцаря, спасающего княжну – а не на стороне этого "новосказочного" злодея?! Ведь он, Колька – ПОСЛЕДНЯЯ надежда Зоринки! В самом деле – последняя, и это уже не сказка...

– Не пойду я с вами, – набыченно отозвался мальчишка и шагнул назад. – Идите сами и ждите, я к вам потом загляну.

Кащей вновь улыбнулся. Он не стал грозить, кричать или произносить фразы типа "тьфу-тьфу, русским духом пахнет!" Он просто пожал плечами и, вздохнув, сообщил:

– Жаль. Едва ли мы ещё увидимся. Прощайте, Николай.

И – исчез. Как выключенной изображение в телевизоре, не оставив следов на берегу и не делая попыток забрать с собой Кольку.

...– Эй, подождите! – завопил Колька, именно в этот момент с ужасающей ясностью поняв: он В САМОМ ДЕЛЕ остался тут, и возможно – навсегда. Появись Кащей снова – И Колька согласился бы на его условия немедленно! Только вот Кащей не вернулся. Колька

посопел, плюнул в болотную жижу и, пробормотав "ну и флаг тебе в руки", зашагал туда, где вроде бы было посуше...

...Через два часа заряд злости, поддерживавшей Кольку на ногах, иссяк. Мальчишка устало опустил на ствол упавшего дерева, тупо глядя в папопротник у колен. Ему было жарко, как в бане, хотелось пить, есть и плакать.

Он сумел уйти от болота, но лес не кончился, и звуков никаких больше не слышалось. Не находилось никаких следов того, что вообще обитаем. Колька боялся себе признаться, но он заблудился начисто, и оставалось только громко и постыдно орать: "Спасите, ау!" Да он бы заорал, заорал, не задумываясь – вот только не хотел драть глотку, зная, что его все равно никто не услышит.

– Эй! – все-таки крикнул он. – Помогите!

Лес ответил молчанием. Он не любил шума, и Колька притих, не осмеливаясь больше даже раскрыть рта.

Так, молча и неподвижно, Колька просидел довольно долго. Потом устало поднялся и уже не пошел, а побрел в лес – просто чтобы не сидеть на одном месте, дожидаясь неизвестно чего.

Через десять минут он вышел на дорогу.

3.

Таких дорог Колька ещё никогда не видел. Песчаная, в каких – то ухабах и рытвинках, с неровными и слишком узкими колеями, между которыми было очень маленькое расстояние, она желтела у ног мальчишки, выворачивая из-за стены придорожных кустов и за такие же кусты ныряя. Машинных следов тут не было, из чего Колька заключил – эта не та дорога, к которой он так лихо стартовал. По краям дороги не было привычных телефонных или электрических столбов. Просёлок, пришло в голову Кольке где-то слышанное или читанное слово. Но это тоже не могло служить указанием времени – такие просёлки были, наверное, тыщу лет назад и есть в XXI веке.

От облегчения у Кольки даже голова закружилась, и он перевёл дух. Как бы далеко не тянулась эта дорога – она рано или поздно выведет к людям. А там будет видно.

Он снова прислушался, надеясь поймать человеческие звуки, не слышал пение птиц на шум деревьев, почти смыкавшихся над дорогой. Ещё не сколько секунд поразмыслив, мальчишка зашагал направо. Просто чтобы подчеркнуть для себя: моё дело правое.

Иди по песку было тяжеловато – сухой и сыпучий, он не пускал ноги и засыпался в кроссовки. За первые же две сотни шагов в нескольких местах попались звериные следы – это открытие не радовало. Раз тут звери не боятся выходить на дорогу, то можно и встретиться с ними. И неизвестно, чем окончится такая встреча. Колька старался ступать тише – это получалось – и прислушиваться изо всех сил. Но лесные звуки мешали, дорога часто петляла, и эти петли отсекали любой шум, происходивший за поворотом. Поэтому сухое деревянное постукивание буквально ударило мальчишку в лоб – он услышал телегу одновременно с тем, как увидел её.

Бодренькая лошадь неопределённого цвета двигалась на него. Сбоку от лошади болтались ноги в сапогах – не скороходах, а вполне обычных и сильно стоптанных кирзовых. Хозяина сапог не было видно из-за его тягловой силы. Застыв от неожиданности, Колька созерцал эту картину, пока бодрый и многоэтажный мат, которым хозяин подбадривал лошадь, не заставил его вздохнуть и шагнуть в сторону.

– Ох ты! – услышал он мужской голос, и лошадь с телегой встала, как вкопанная. На Кольку с удивлением и интересом смотрел плохо и даже как-то вызывающе подбитый мужик лет за сорок, одетый в льняной пиджак, застёгнутый на все пуговицы, бесформенные и бесцветные штаны, заправленные в штаны и форменную кепку, похожую на милицейскую, только чёрную. Видно было, что мужик испугался – наверное, от неожиданности. Его глаза

обежали беспокойную петлю, обшаривая кусты, потом с каким-то сомнением остановились на мальчишке, обшарив его с головы до пят – у Кольки вообще появилось ощущение, что его обшарили руками. – Чего тебе? – сердито испуганным голосом спросил мужик, сильно коверкая слова – "чего" в его исполнении прозвучало как "чаго"

– Да ничего, – пожал плечами Колька. Хотел добавить ещё "не бойтесь", но решил, что мужик обиделся. Но не спрашивать у него, в самом деле, "дядь, а который у вас год?" Или спросить?

Пока мальчишка размышлял, мужик ещё раз осмотрел всё вокруг вплоть до верхушек деревьев и, похоже, пришёл к какому-то выводу – расслабился и спросил уже без напряжения:

– Меняешь что ли че? Не бойсь, не заберу... Куды идёшь?

"Гражданская война, что ли? – опасливо подумал Колька. По истории они ещё не проходили, кино про эту войну показывали редко, книжек о ней вообще не попадалась, но Колька помнил, что это вроде тогда меняли по сёлам разные вещи. – А если и так? Выбираться всё равно нужно..."

Мужик терпеливо и вроде даже равнодушно ждал чего-то. Потом подал голос:

– Ежли золотишко какое – садись, сменяю на закусь без обману, как доедем. Ежли барахло-кось в кустиках придерживаешь – то извиняй, мимо шагай, кто там знает, откуда оно...

– У меня нет ничего, – решился Колька. – Я своих ищу, я потерялся... Вы меня до города не довезёте?

Слова мужика ещё больше укрепили его в своём открытии. Кроме того, Колька вспомнил, что видел – в Гражданскую были самолёты, и даже грузовики. И ещё вроде бы детей особо не трогали, если только они за кого-то не воевали. Ну, он-то не воюет...

– Свои-их? – протянул мужик и почесал висок желтым ногтем большого пальца. – Так ты из города, что ли?

– Ага, – ничем не рискуя, ответил Колька. Он мог назвать хоть свой родной Вавиловск (ему больше полтыщи лет!), хоть Москву, где был дважды. Не проверишь, а как сюда попал (куда – сюда, узнать бы!) – можно отговориться неразберихой.

– Давай, – мужик хлопнул по доскам позади себя. Колька обрадовано запрыгнул – и подскочил с писком. Что-то металлическое – хорошо, не острое! – солидно врезалась в копчик. – Ох... – мужик охарактеризовал ситуацию и, не глядя, извлёк из сена, толстым ровным слоем сваленного в телеге, винтовку с вытертыми до белизны металлическими частями, облезшим черным лаком и самодельным ремешком из брезента. – Не убился?

– Немного, – покривился Колька, усаживаясь и не сводя глаз с винтовки, которую мужик устроил всё так же в сене рядом с тобой. – Ваша?

– А то чья? – мужик причмокнул, пустил лошадь нехорошими словами и прихлопнул вожжами. – Моя родимая... Но вот и слава Господу, едем помалу... Песни петь умеешь?

– Не очень, – признался Колька

– Жаль, – вздохнул мужик. – С песней дорога короче. Да и с дали слышно – мальчишка поёт, едет, не таится – может, и не тронут, коль и увидят...

– Бандиты? – деловито поинтересовался Колька. Мужик кивнул:

– Они, заразы... Да ты не трусись, я ж говорю – малого не тронут, да и меня тоже...

– А винтовка? – всё-таки с холодком поинтересовался Колька, усаживаясь по-турецки.

Мужик покосился, спросил:

– Не Аллаху молишься?

– Православный, – немного удивлённо ответил Колька.

– Окстись, – потребовал мужик. Мальчишка помедлил, соображая, перекрестился. – Ну и добро... Сам-то русский или ещё каких кровей?

– Русский, – ответил Колька. И снова мужик был не против:

– А и пускай... А винтовка что – от зверя, человека в наши годы не напугаешь...

– А бандиты – они чьи? – осторожно спросил Колька. – Ну, красные или ещё какие?

– Фейолетовые, – сердито и зло ответил мужик. – Розовые, прости Господи душу грешную... А хучь и синие... Ты б всё спел что?

Колька смущённо пожал плечами. "Кострома, Кострома" ему спеть? "Ревела буря, гром гремел"? Мужик вздохнул – очевидно, понял, что не дожждётся от попутчика вокальных номеров – и снова поинтересовался:

– Годков-то тебе сколько будет?

– Тринадцать, – ответил Колька, и мужик удивленно обернулся на него:

– Их!... А рослый, я бы на все три боле положил... Родителей ищешь в городе-то?

– Угу...

Они ехали и ехали не очень спеша, мужик то спрашивал разную ерунду, то принимался безотносительно жаловаться "на власть", то расспрашивать, как там, откуда прибыл Колька, вполне удовлетворяясь расплывчатыми ответами мальчишки. Колька поддерживал разговор, а сам печально думал, как же ему искать сапоги-скороходы?! Оставалось надеяться, что некий сказочный закон выкинул его со шпорами недалеко от искомого. Он украдкой пощупал шпоры на месте. Хотя они и не работали, но придавали уверенности. Солнце совсем скрылось за лесом, на дороге расплзлись, как черная краска в воде, сумерки, но впереди ещё было светло, и мужик удовлетворённо сказал: – Вот и приехали почти. Я тебе сейчас и ночлег устрою...

Дорога ещё раз вильнула – и как-то сразу телега оказалась на улице городка. По меркам Кольки это тянуло разве что на большое село, но телега ехала по аллее, обсаженной дубами, за палисадниками – почём-то без малейшего признака растительности – прятались одноэтажные дома. Людей не встретилось – метров через сто телега свернула в проулок, упирившийся в двухэтажный, хотя и деревянный дом. Над подъездом висел в тихом вечернем воздухе какой-то флаг, возле крыльца на скамейке, поставив меж колен винтовки, сидели солдаты – с усталыми лицами, одетые в табачного цвета форму кто с непокрытыми головами, кто в странной плоской каске. На подъехавших они смотрели без интереса и даже с места не двинулись.

– Приехали, – прокричал мужик, спрыгивая и что-то быстро цепляя на рукав – Колька не успел заметить, что, он пытался рассмотреть флаг. – Ыить! – сказал мужик и... как стальным обручем схватил Кольку сзади, прижав руки к телу и заваливая в сено с криком – торжествующих и испуганным: – Панове солдаты, подмогните! Партизан! Партизан, панове солдаты!

В первый миг Колька воспротивился чисто инстинктивно. Потом до него дошел страшный смысл крика, собственная ошибка, и мальчишка, разом вспотев от ужаса, бешено рванулся, ударил головой назад, вывернулся из ослабевших рука попутчика, замахнулся, как учили на занятиях по самообороне... но не смог ударить скрючившегося – из носа лилась кровь – мужика, на рукаве которого колюче серебрились готические буквы повязки: чёрные на белом фоне... Замешкался, не зная, что делать дальше и теряя время – слишком уж нереальной всё-таки казалась ситуация, фантастической. Солдаты повскакивали, крича – но не по-немецки, в их криках скользили знакомые слова, и никто не спешил стрелять или хотя бы бежать к Кольке, допёршему наконец соскочить с телеги и метнулся к выходу из проулка – никуда, просто чтобы подальше. Мужик, что-то называя, зацепил мальчишку за ногу, но Колька не упал, ожесточённо лягнулся, вырвался, заметив высунувшегося из окна второго этажа офицера с пистолетом – он тоже горланил и махал оружием, но не целился...

Прямо на него из переулка вырвался мотоциклист – здоровенный, лягушачьего цвета. Сидевший за рулём парень в очках, в расстегнутом мундире, вскрикнул, вывернул руль, мотоциклист встал на оба колеса, задрал люльку, из которой выкатился ещё кто-то – всё вокруг для Кольки уже слилось в сплошной калейдоскоп, он знал только одно: надо бежать, и бежать быстрее.

Но вдруг сами собой отказали ноги – их словно не стало, а в ушах заревели дикие голоса, и Колька впервые в жизни потерял сознание от удара кулаком в затылок.

4.

Мир вокруг отнюдь не был безопасным. Можно было попасть под машину, сцепиться с разными крезанутыми отморозками, оказаться ограбленным или избитым. Можно было заболеть какой-нибудь дрянью вроде СПИДа, сломать ногу или руку. Можно было оказаться жертвой маньяка или стать заложником бандита, решившего заработать. Всё это было страшно и существовало где-то рядом, близко. Но Колька твёрдо усвоил: если не будешь нарушать определенных жизненных правил и трусить – шанс вляпаться во всё это минимален. С этим можно жить, как с мыслями о школе – неохота, но всё в неё ходят... Невозможно было представить себе другое: что в начале XXI века можно ПОПАСТЬ В ПЛЕН. Не в заложники, когда за тебя хотят получить деньги, а именно в плен. К ВРАГУ.

Да, были всякие там ненормальные с горящими глазами и повязками на головах. Но они были ДАЛЕКО. Между ними и Колькой, между ними и сотнями тысяч его ровесников стояли люди тоже с автоматами, но в форме. СВОИ. Этих своих было много, их специально учили, им платили за то, чтобы они охраняли Кольку. И ТОТ мир где брали пленных, чтобы бить их и узнавать военные секреты, а заложников – чтобы заставлять их работать на себя – тот мир не мог добраться до Кольки. Да, о нём говорили по телику, и было несколько раз – ребят и девчонок, которых немного знал Колька, привозили домой страшные цинковые гробы... а те, кто ездил отдыхать на юг, рассказывали взахлёб, что в казачьих станицах дома прячут автоматы, а пацаны умеют стрелять, даже если в слове "ещё" делают три ошибки... Но это тоже не очень касалось его, Кольки, его жизни, его проблем, его желаний.

Понимаете: всё это БЫЛО, но как бы и НЕ БЫЛО. Между войной – любой! – и Колькой всегда был экран телевизора. Тем более – между ЭТОЙ войной, о которой даже дед помнил смутно: маленьким был.

А теперь представьте себе: вас бьёт по затылку НАСТОЯЩИЙ ФАШИСТ. Живой, невредимый, которому плевать на то, что он умер много лет назад. И бьёт не потому, что хочет ограбить, не потому, что какой-нибудь маньяк.

Просто вы его ВРАГ. Враг, и всё, безо всяких объяснений.

От этих мыслей Колька обливался холодным потом и начинал трястись мелкой, противной дрожью – даже зубы постукивали, а из-под зажмуренных век сами собой текли слёзы. Ему ещё никогда в жизни не приходилось плакать ОТ СТРАХА.

Он проклинал всё на свете, начиная с Зарины и кончая своей глупостью Рыцарь, блин! По пояс деревянный, выше резиновый... Что же теперь делать – то? Его же допрашивать будут! Правду сказать?! Немцы сумасшедших сразу расстреливали, он в кино видел. Темнить – а как темнить, он же даже какой год, не знает! Возьмут и повесят, очень просто... Или в какой лагерь отправят, где из людей перчатки делали и мыло всякое... Вспомнилось виденные по телику предметы из музея – абажуры из человеческой кожи, пепельницы из черепов, и прочее, до чего ни один боевик не додумался бы. От ужаса Колька тихо, но явственно завыл и даже не попытался остановиться, до такой степени было страшно. Ему тринадцать лет! Он не партизан, не солдат... по какому праву его будут убивать?!

Да просто потому, что он им – враг, и всё тут. Русский мальчишка в подозрительной одежде и с подозрительной историей.

– Ммммаа... – вырвалось у него против воли.

В подвале, куда его шваркнули ещё без сознания, кто-то ещё был – Колька слышал в дальнем углу сипящее дыхание, свет, падавший из крошечного окошка, оказался совсем вечерним и не позволял ничего различить, да Кольке и плевать было, кто там есть и что с ним. Ужасала своя судьба. Сокамерник тоже не проявлял интереса к Кольке, но сейчас сердито сказал:

– Не вой, тошно без тебя.

Голос был мальчишеский, с таким же, как у возчика – полиция (сволочь старая!!!) акцентом и какой – то насморочный. Колька зло и со слезами огрызнулся:

– Сам наорался, другим не мешай, – и приготовился драться, потому, что сосед зашуршал, перебираясь поближе. Свет упал на его лицо, и Колька вздрогнул. Мальчишка говорил насморочным голосом не потому, что плакал. Просто нос у него распух, левый глаз не смотрел вообще, губы походили на чёрные лепёшки. Всё лицо покрывала корка засохшей крови. Таких качественно измочаленных физий Колька не видел даже после "стрелок" с пацанами из пригорода. Остатки рубахи не имели цвета – на них и на груди тоже засохла кровь. Мальчишка присел рядом, обхватил колени руками, стараясь не прислоняться спиной к стене, хотя это было удобнее. Кроме остатков рубахи на нём оказались драные штаны и ботинки на босу ногу. Белёные волосы и беспорядочно падали на лоб, уши и шею. – Прости, – вырвалось у Кольки.

– Да ну... – мальчишка осторожно повёл плечом. – Ты тоже скоро такой будешь, – он сказал это без злодейства или насмешки, просто констатировал факт, и от этой констатации Колька почувствовал, как падает в настоящий обморок. Он уцепился за ухо и тяжело сглотнул кислую слюну, а мальчишка, похоже, не заметивший это, спросил: – Тебя как зовут?

– Колька, – выдавил наш герой.

– Вот на том и стой, – непонятно посоветовал мальчишка и добавил: – А меня Алесь. По-правде, только это уже всё равно... Тебя за что?

– Не знаю! – вырвался у Кольки крик. Алесь снова согласился:

– И я не знаю, – он усмехнулся и плюнул кровью: – Вот не знаю, и всё тут. И откуда не знаю, и ты не знаешь. И вообще никого не знаю. И ты тоже. Если когда бить станут – кричи изо всех сил, не молчи. Только чего НЕ ЗНАЕШЬ – не говори.

– Я правда... – начал Колька торопливо, и Алесь подтвердил:

– Вот-вот... – помолчал ещё и, снова сплюнув, продолжал: – А меня утром повесят. Они всегда три дня ломают, потом – или в лагерь, или вешать. Утром не хочется, Никол. Лучше б ночью или ещё когда, а утром... страшно...

Колька молчал, открыв рот – пытался вдохнуть. Алесь почти спокойно, только тоскливо продолжал:

– Да оно бы и ладно. Бьют они очень уж сильно, да ещё и электричеством стегают. Только обидно. Они к Сталинграду подходят, слышал, Никол? Ну как возьмут, что тогда? А я и не узнаю...

– Не возьмут, – неожиданно вырвалось у Кольки. – Под Сталинградом их разобьют. Ещё хуже, чем под Москвой. И вообще... наши выиграют. Да их уже убьют там, – снова против своей воли добавил Колька, – я радио недавно слушал.

– Молчи! – пальцы Алеся запечатали рот – сухие и сильные. – Правду говоришь?! – тут же требовательно спросил мальчишка, подавшись к Кольке. – Ну правду, не врешь?!

– Правду, – твёрдо ответил Колька.

– Хорошо, – успокоенно сказал Алесь. – Вот теперь – хорошо всё... Слушай, если выберешься, то... – Алесь замялся и больше ничего не успел сказать – дверь наверху распахнулась, красноватый свет ударил в низ по короткой каменной лестнице, и чёрный силуэт наверху позвал по-русски:

– Эй, новенький! Выходи!

Кольке показалось, что на него надели наушники. Алесь ещё что-то говорил, тот, наверху, поторапливал, но Колька ничего не слышал и не ощущал – даже ударившись плечом о дверной косяк, не почувствовал. Солдат – в той же форме, что и сидевшие у подъезда – запер замок и прислонился к стене, обменявшись несколькими словами с таким же, пришедшим за Колькой. Тот несильно толкнул мальчишку в спину:

– Руки назад. Иди вверх, – и снова толкнул к лестнице, уводящей почти от подвальной двери на второй этаж, откуда слышались голоса – немецкие. Они так заморозили Кольку, что он не сразу услышал голос топавшего позади солдата – быстрый, тихий и сочувственный: –

Я не шваб⁴. Я словак, словак. Мальчик... – но лестница кончилась, и солдатик умолк.

В длинном коридоре, всё ещё светлом от садящегося солнца, у подоконников стояли немцы. Их было много – десятка два, и они совсем не напоминали привычных по фильмам. Вместо коротких сапог (за голенищами которых торчат гранаты и магазины к автомату.) – ботинки с клапанами – гетры, кажется. Автоматов ни у кого нет, почти все – пожилые, один даже в очках. На Кольку они смотрели, переговариваясь, глазами, ничего не отражавшими – ни злости, ни сочувствия.

Двое "настоящий", как подумал Колька, немцев стояли возле двери в конце коридора. Один – странно, но он запомнился – был тот здоровяк, который вел мотоцикл. Другой – совсем мальчишка, но высокий, с желтым чубом из-под серой пилотки – вдруг напомнил Колька одного десятиклассника, хорошего гитариста, он часто пел на школьных вечерах... У этих немцев тоже были ботинки с гетрами, но на шее висели настоящие автоматы, и руки, голые по локоть, лежали на них, как в кино. Здоровяк что-то рассказывал младшему товарищу, тот смеялся, и Колька, увидев, как здоровяк кивает на него, неожиданно понял: немец рассказывает о том, как чуть не опрокинулся из-за русского мальчишки.

Желтоволосый тоже уставился на Кольку прозрачными глазами и вдруг, усмехнувшись, толкнул его в грудь стволом автомата, и весело сказал:

– Ду бист юде!⁵. Пух-пух!

Мотоциклист заржал, двинул товарища по спине, и тот отвесил Кольке пинок в бедро – не сильный, но обидный. Кулаки у мальчишки сжались – против воли, и желтоволосый протянул:

– Йооо! Партизан!

Равнодушие в его глазах сменилось – почти мгновенно – злостью. Раньше такое Колька несколько раз видел у пьяных, но немец не был пьян от водки. Ему нравилось чувствовать себя ХОЗЯИНОМ над русским мальчишкой, и его автомат покачнулся, уже по-настоящему целясь в грудь Кольке...

Конвоир что-то сказал по-немецки. Желтоволосый огрызнулся, но оружие опустил и посторонился, стукнул кулаком в дверь. Изнутри что-то крикнули, и словак толкнул Кольку вперед...

Первое, что бросилось Кольке в глаза – портрет Гитлера рядом со свёрнутым фашистским знаменем. Около окна сидел на столе молодой офицер – в рубашке, перечеркнутой подтяжками, серый китель с непонятными знаками различия висел на спинке стула, там же примостилась высокая фуражка и автомат. Офицер, не обращая внимания на Кольку, остановившемуся возле закрывшейся двери, увлеченно потрошил посылку и что-то насвистывал. По-прежнему не глядя на мальчишку, который еле стоял на ногах от дурноты, немец спросил на чистом русском языке:

– Хочешь шоколад? Настоящий, швейцарский... Смешно: я его раньше очень любил, и мама почему-то до сих пор убеждена, что я от него без ума. Для наших родителей мы всегда маленькие...

Кольке даже показалось, что немец разговаривает не с ним, и он огляделся. Но офицер выпрямился, взглянул на Кольку и кивнул:

– Гауптштурмфюрер Оскар Виттерман. По-вашему капитан СС... Так будешь шоколад? Я серьёзно предлагаю, его всё равно съест мой денщик, он страшный сладкоежка.

5.

Колька пытался проглотить липкий комок, но он не глотался, возвращался на место. Тогда Виттерман, наблюдавший за мучениями мальчишки, налил из пыльного желтого

графина в алюминиевый стаканчик воды и подал Кольке со словами:

– Пей и садись.

Только теперь Колька сообразил, как ему хочется пить. Он залпом опрокинул тёплую воду и, не сводя глаз с графина, присел на скрипнувший стул у стены, под темным квадратом на обоях – тут что-то висело, а потом это что-то убрали. Гитлер с портрета смотрел куда-то поверх головы Кольки, и вообще всё имело оттенок путаного и затяжного сна. "Может, я правда сплю?" с надеждой подумал мальчишка, и машинально кивнул, когда Виттерман долил ему в стакан ещё воды. Солнце совсем село, но в комнате ещё было светло, на улице фырчал мотор мотоцикла, и не верилось, что внизу, под этим зданием, есть подвал, в котором сидит приговоренный к повешенью Колькин ровесник.

– Спасибо, – Колька протянул к столу, поставил стакан и спросил: – А почему вы говорите по-русски?

– Моя мать – русская, – охотно ответил Виттерман. Теперь Колька начал различать лицо подробнее – отступил страх – и понял, что немец старше, чем мог показаться и показался сперва. Наверное, лет тридцати, и под глазами у него темные круги от недосыпа и усталости, как у пожилых солдат в коридоре. – И ещё я учился на факультете славистики в Гейдельберге... Ты знаешь, что такое Гейдельберг?

– Университет, – вспомнил Колька, – там студенты всё ещё дерутся на дуэлях...

– Точно, – Виттерман улыбнулся. – А потом учился на специальных курсах. Я и белорусский, но ты же ведь русский?

– Русский, – кивнул Колька.

– Тебе тринадцать лет, ты из какого-то города и ищешь своих знакомых, которые потерялись, – продолжал немец. – Это всё Холява рассказал.

– Как-как? – вырвалось у Кольки. Виттерман тоже засмеялся, кивая:

– Глупейшая фамилия, конечно... Кстати, тебя-то как зовут?

– Коль... Вешкин, Николай, поправился Колька. И злорадно добавил: – А этот ваш Халява трус. Он в лесу винтовку в сено прятал и повязку вашу тоже прятал. Говорил, что партизан боится.

– Я их тоже боюсь, – вполне серьёзно ответил Виттерман, садясь на краешек стола. Только теперь Колька обратил внимание на то, что офицер носит сапоги: вычищенные до блеска, высокие. – Участок у меня большой, а людей очень мало... Настоящих бойцов всего десяток. Гарнизон – запасники, все пожилые, из резерва. Ещё два десятка полевых полицейских и из местных – полсотни, но на них надежды никакой. Словаков, правда, целая рота, но от них только за последний месяц восемь человек к партизанам ушло. Из них – два офицера...

Ситуация выглядела идиотски. Враг спокойно и мирно жаловался Кольке на свои проблемы, и мальчишка кивал, не в силах оборвать немца. Виттерман сам умолк, улыбнулся и подмигнул Кольке:

– Но тебе-то от моих проблем только радость? Мы же враги так?... Поэтому я тебя всё-таки немного допрошу...

Колька обмер. Неужели этот капитан так отделал Алеся? И сейчас... Но Виттерман уселся за стол и придвинул к себе блокнот:

– Так. Так. Так... Николай Вешкин, тринадцать лет, русский, партизанский связной...

– Нет! – вырвалось у Кольки.

– Нет? – удивился Виттерман. – Тогда откуда ты и как сюда попал?

– Я... я из Вавиловска. Это...

– Это в Тамбовской области, – договорил Виттерман. – Очень интересно... И дальше?

– Перед войной я отдыхал тут... на каникулах... а потом пришли ваши, и я...

– И ты год скрывался в лесах, сохранив на подножном корму великолепный хабитус⁶, чистую одежду и ухоженный вид. Так?

– Нет, – сник Колька.
– Значит, ты жил у партизан?
– Да нет же!!! – взвыл Колька, чувствуя, как подступают слёзы. Виттерман молчал – даже несколько сочувственно. Потом тихо спросил:
– Где ты жил в Вавиловске? На какой улице, что там рядом?
– Улица Индустриальная... – машинально назвал адрес Колька. – Там ещё институт... педагогический...

Виттерман сощурил бледные глаза и, неопределённо хмыкая, достал, не глядя, из стола толстенную растрёпанную книгу. Полистал её, прихлопнул, закрыв, ладонью и вновь поднял глаза на Кольку:

– Теперь давай поговорим, – тихо и жестко сказал он: – Ты сказал, что ты русский. Это правда. Ты сказал, что из города Вавиловска. Это тоже правда. И, может быть, ты правда приехал на каникулы. Я понимаю. Лето. Но дальше начинается чушь. Ты говоришь, что жил на улице Индустриальной. Но в Вавиловске нет такой улицы – раз. Так. Ты говоришь, что рядом педагогический институт. Но в Вавиловске нет педагогического института – два. Так. Значит, ты нам врёшь, – Виттерман сказал не "мне", а "нам", и это было почему-то очень страшно. Словно он предупреждал Кольку: есть я, который тебя жалеет и тебе сочувствует, но есть МЫ, и это МЫ безжалостно. – Пауль – это начальник полиции – говорит, что ты – русский шпион. Из НКВД. Если это так – это плохо. Тогда тебя будет допрашивать Пауль, ты же видел мальчика в подвале? Мне кажется, ты не сможешь держаться, как он, а Пауль очень жестокий человек и помешан на шпионах НКВД. У него очень мало терпения, он сразу начинает орать, потом – бить. Они в Гебитсфельдполицай⁷, все такие, как лошади в шорах, видят только свою беговую дорожку... Ты, может быть, скажешь – или подумаешь! – а чем я-то лучше, я же Эс Эс, Черный Корпус, головорез и фанатик с плаката... Так вот, мальчик, – Виттерман подался вперед и почти по складам отчеканил, не спуская глаз с лица Кольки: – Я НЕ ВЕРЮ, ЧТО ТЫ – ШПИОН. Это было бы странно и глупо. Такой шпион сразу провалится – зачем он нужен, чтобы Пауль мог его поймать и получить благодарность? Это азбука, которую в разведке знают даже идиоты, а ваши – вовсе не идиоты... Шпион должен быть, как все. Если он выделяется из толпы – его ловят. Он не станет ходить по лесным дорогам, одетый, как неизвестно кто. Он не станет странно вести себя. Он не попадется, как доверчивый крольчонок... Так кто же ты?

Колька молчал. Он не знал, что говорить. Наступил тот самый момент, когда открыть рот – значило либо врать напрапалую, либо записаться в сумасшедшие.

– Может быть, ты и правда из Вавиловска, с улицы Индустриальной недалеко от педагогического института? – вкрадчиво спросил Виттерман. И, подойдя к Кольке, коленом коснулся его джинсов: – Что за брюки, как они называются?

– Дж... – Колька кашлянул. – Джинсы...

– А, ковбои и Дикий Запад! Может быть ты не русский, а американский шпион? – пошутил Виттерман. – Да у тебя и часы есть? – и он ловко вывернул руку мальчишки.

– Пустите! – вскрикнул Колька, но у немца казались железные пальцы. Впрочем, он не собирался крутить руку Кольки, он только сдернул часы и отпустил его. Потирая запястье, Колька сжался на стуле, а Виттерман перевернул часы со словами:

– Я никогда не видел хороших русских... – и осекся. Увидел циферблат. Несколько раз мигнул, вернул часы Кольке и вновь отошел к столу:

– Джинсы. Странная обувь. Часы, сделанные в Гонконге – на английской военной базе, захваченной японцами... и очень интересные часы. Они электрические?

– Электронные, – всхлипнул Колька.

Виттерман больше ничего не успел спросить – дверь открылась, в неё вошел здоровенный краснолицый офицер – на ремне болталась каска, под мышкой он нес автомат, грубые сапоги покрывала грязь, на груди болталась похожая на банан бляха с орлом. Офицер

тут же выдул полграфина из горлышка и быстро, зло, словно гавкал, заговорил с Виттерманом, который морщился и одновременно так же быстро одевался, потом выскочил в коридор, заорав там: "Вилли!" Вошел обратно он вместе с тем желтоволосым автоматчиком. Все трое немцев трещали и лаяли одновременно, их речь стегала по ушам, вдобавок у Кольки разболелась голова. Виттерман гортанно объяснил что-то автоматчику, тот кивал. Потом Виттерман побежал по коридору, в котором уже сгустился сумрак, а здоровенный офицер, тоже выходя, вдруг ударил Кольку в ухо – просто так, походя, но с такой силой, что мальчишку швырнуло в угол вместе со стулом, а в ухе словно разорвался пузырь с горячей водой, и оно перестало слышать. Пришел в себя Колька от того, что автоматчик с руганью поднимал его на ноги, но всё равно ещё два раза упал – уже в пустом коридоре, желтоволосый вздергивал его, награждая пинками. Около лестницы Колька уже настолько пришел в себя, что смог удержаться на ногах, хотя немец очень старался спихнуть ногой – и тот разочарованно ворча, забухал ботинками следом.

А потом... потом Колька не сразу понял, что произошло. Немец сзади вдруг коротко охнул и скатился мимо – вниз, едва не свалив мальчишку... Оцепенев, Колька увидел, как он каким-то комком свернулся на полу у лестницы – торчал в сторону автомат, а все остальное в темноте казалось единой массой, слитной и неживой. Цепляясь за перила, Колька обернулся и увидел своего недавнего конвоира – бледный – лицо прямо в белело в полутьме – он стоял двумя ступеньками выше, держа в руке – в одной, как шпагу – свою винтовку с примкнутым плоским штыком. Губы словака шевелились. Беззвучно, но когда Колька в страхе пятился, то расслышал:

– Не надо... хорошо... хорошо... – и словак, протянул руку, взял мальчика за плечо. Снаружи слышались команды, взрывывали два мотоцикла, топали ноги бегущих: – Хорошо, хорошо, – повторил словак и прижал Кольку лицом к форме, пахнувшей табаком и потом. – Сын, мой сын... похож, – бормотал словак. Война – чужая, за чужое... мы не хотим... – внезапно он отстранил Кольку и строго сказал: – Идем. Быстро идем. Надо.

Внизу лестницы Колька зажмурился и перескочил через немца. Второй словак – часовой, – сидел у стены со связанными руками и ногами, во весь лоб у него расплывался синячище, и он что-то сердито сказал своему товарищу. Тот отмахнулся и зазвенел ключами. Колька прислонился к стене. Боль в затылке слилась с болью в ухе и болью – только что возникшей – в животе. От страха, со стыдом понял Колька. Ему в самом деле было страшно – ещё страшнее, чем раньше. Может быть, потому, что совсем рядом лежал убитый человек? Плохой, жестокий, убийца враг... но человек, и у него были желтые волосы, и лет ему было немногим больше, чем Кольке...

Словак наконец справился с ключами, скрипнула дверь. Изнутри, теперь уже абсолютно полной тьмы, Колька услышал Алеся:

– Уже? – и голос дрогнул.

Вот именно в этот момент Колька "включился" – перестал быть перепуганным и потерянным статистом в роли " без слов " и превратился в обычного авторитетного и ответственного Кольку Вешкина. Просунувшись сбоку от подыскивавшего слова солдата, он зашипел:

– Прыгай сюда, не тормози! Я со всеми договорился, нас выпускают!

Он "мел пургу" сознательно, чтобы подбодрить себя. Вряд ли Аเลส понимал сказанное, но общий смысл уловил верно и, вскочив, прыжками поднялся прыжками. Мазнул взглядом по словакам, тут же проскочил к убитому немцу и завожился, снимая с него оружие. Колька отвернулся к конвоиру, запиравшему дверь.

– Послушайте, а как же вы? – вырвалось у Кольки. – Вам тоже надо уходить. Сейчас, пока ночь!

– Нет, нет, – отмахнулся конвоир, – нельзя. Нельзя уходить. Дома швабы убьют наших. Сейчас, – он криво усмехнулся, – плохо, у кого есть дом. Вы уходите, мы придумали – как... Ты на моего сына похож, – повторил словак то, что уже говорил и коснулся волос Кольки, – так похож...

– Никол, – Алесь подскочил сзади, – не стой, бери вин, – и ткнул стволом автомата в винтовку связанного солдата. Тот закивал, поняв жест, а говоривший по-русски сам поднял оружие и протянул Кольке вместе с поясом, увешанным подсумками:

– Да, да, надёжнее... больше верят, – и, пока Колька опасливо возился с длинной и тяжелой винтовкой, с незнакомым поясом, обратился к Алесю: – Ты партизан. Ты скажи своим – только быстро скажи! – что швабы доложили, где завтра дневка. Они сделают засаду. Они и местная полиция, нам не верят, не берут. Бегите, спешите.

– Ох ты! – разукрашенное лицо Алеся скривилось в гримасе. – Скорей, Никол, скорей... Иди ты не со мной?

– С тобой, куда мне ещё, – вздохнул Колька. – А как нам отсюда выбираться?

– Я выведу, – торопил словак, – скорей же!

Мальчишки, дыша в затылок друг другу, поспешили за своим проводником в другую сторону по коридору, который свернул и кончился низенькой дверью черного хода. Словак ловко поддел отомкнутым штыком гвозди в заколачивавших дверь крестом досках – так, чтобы не погнуть, у Кольки возникло ощущение, что дверь вышибли снаружи сильным ударом. Выглянул и, что-то прошептав, пожал руки мальчикам:

– То ход в сад, пояснил он еле слышно, – а там...

– Знаю, пять лет тут отучился, – так же шепотом ответил Алесь. – Спасибо, дядя. Бросайте вы все Гитлера, верное дело...

Словак только усмехнулся печально и подтолкнул обоих мальчишек в глухую темноту сада. Бесшумно закрылась дверь.

– Хороший дядька, – выдохнул Алесь, – зря остался...

– У него же семья, – возразил Колька, удобнее перехватывая винтовку – уверенности она не прибавляла, скорей пугала.

– У всех семьи... Пауля он бы ещё обманул, Пауль дурак. А Виттерман ни в жизнь не поверит, чтобы ни плели... эх, ладно. Побежали, только тише ступай и беги ровно за мной. Тут близко до околицы.

И он совершенно беззвучно, пригнувшись, словно уплыл в темноту между ещё более черными силуэтами деревьев. Колька поспешил за ним следом, стараясь не упустить из виду спину единственного хоть как-то знакомого ему сейчас человека...

6.

Узкую речку, почти закрытую нависавшими с обоих берегов ветвями ив, мальчики перебрали вброд, и под этими самыми ивами уселись на песчаном пляжике. Алесь, придерживая локтем автомат, долго и жадно пил из реки прямо у своих ног. Колька переводил дух после утомительного слепого бега, лежа на спине – даже холод песка не ощущался.

– Давай быстро думай, как дальше будешь, – Алесь оторвался от воды, вытирая ладони подолом рубахи. Лицо он вытирать не стал, осторожно промакнул и, кривясь, нехорошо обругал всех немцев. Тут рядом тропка одна – аккурат к нашим, про неё меня фрицы пытали. Я туда пойду. Но тебе, наверное, к своим надо? Они далеко?

– Нет у меня тут никого своих, – отозвался Колька. – Я не людей, я вещь ищу.

– Говорить не хочешь? – с легкой обидой спросил Алесь. – Я, между прочим, тебе туману не напускаю.

– Правда – вещь, очень важную, – настаивал Колька. И попросил: – Слушай, Алесь возьми меня с тобой.

Мальчишка-белорус издал странный звук – хотел, кажется, присвистнуть, но не получилось.

– Откуда я знаю, – серьёзно сказал он, – может, тебя нарочно ко мне посадили?... Хотя навряд ли. Станный ты, сразу заподозрить можно.

– Вот Виттерман и заподозрил, – вздохнул Колька.
– В ухо он тебе не въехал? – поинтересовался Алесь.
– Не, красномордый такой.

– А, это Пауль. Он меня мордовал, с-сволочь, – лицо мальчишки ожесточилось, он стиснул рукоятку автомата. – погоди, подумай. Я тебя возьму, но дорога поганая, через болота. Это ж Брянщина, а не ваши города, тут болота на каждом шагу.

– Так это Брянский лес?! Не, откуда ты такой?!

– Издалека, – вздохнул Колька. – Я с тобой пойду, слушай, куда мне ещё?

– Лады, Алесь встал. – Тогда пошагали скорее, к рассвету добраться надо, они перед рассветом налетают всегда...

... Странно, но темно в лесу не было. И от этого становилось ещё более жутко, чем если б было. Какие-то тени шевелились на прогалинах, березы белели, как длинные кости, сумрачно шумели безо всякого ветра кроны. Из черных, беспросветных низинок тянуло сыростью, выл где-то волк, ухал филин, а потом вдруг зашелся таким рыдающим хохотом, что у Кольки волосы дыбом встали, и он стиснул зубы, чтобы не вскрикнуть. Луна проглядывала меж листьев недружелюбным белесым глазом – словно подглядывала. Папоротник тут и там тихо шуршал и колебался, а в какой-то момент Алесь замер – Колька остановился тоже и увидел, как впереди проплыли громадины черных теней. Послышалось легкое фырканье, повеяло странным запахом.

– Зубры, – шепнул Алесь поворачиваясь. – Давай скорей.

Колька и так старался "скорей", даже ковбойка взмокла – то ли от напряжения, то ли от страха. Винтовка то и дело цеплялась стволом за ветви, и мальчишка понес её в руках, перекладывая из одной в другую. Он никак не мог заставить себя поверить, что где-то недалеко пробираются к партизанскому лагерю немцы, что этот лагерь вообще есть. Скорей можно было представить: ты на даче и с местным пацаном собрался... куда можно собираться на даче по ночному лесу? Да и нет вокруг дач таких лесов.

Ноги сразу ушли в жижу выше щиколоток, она просочилась в кроссовки. Алесь, пригнувшись, шарил в зарослях, а Колька увидел уже знакомую картину болота. Только ночью оно выглядело не просто не приятно, но ещё и жутко-таинственно. В глубине урчало, словно ворочался в тине динозавр. Белесые, как кусочки луны, огоньки плавно перемещались между чахлыми кустами. Серебром поблескивала поверхность, на которой тут и там ажурным плетением торчали пучки осоки.

– Держи, – Алесь сунул в руку Кольке длинный гладкий шест, отполированный долгим употреблением. – Идти долго, километров восемь. Не останавливайся, шагай за мной, в сторону свернёшь – и крикнуть не успеешь, понял?

– Понял, – кивнул Колька. – Тут динозавры не водятся?

– Не, – мотнул головой Алесь. – А ты читал "Затерянный мир"? Вещевая книжечка, я перед самой войной у одного у одного приезжего из Минска брал читать...

– Не читал, – признался Колька, устраивая удобнее на плече винтовку. – А кто автор?

– Не помню, англичанин какой-то. Он ещё про сыщиков пишет, только я эти не читал, – Алесь вздохнул: – Я думал – в школе отучусь, на геолога пойду, во у них жизнь! Приключения, путешествия... А тут вон как. Столько времени эта война у людей украла!

– Вообще-то война – это тоже приключение, – заметил Колька. Алесь посмотрел на него, как на сумасшедшего, но потом согласился:

– Когда в книжках читаешь про разные другие страны – да. А когда у тебя отца из дома выволакивают и прикладами охаживают, чтоб шёл на фашистов работать – какое это приключение?... Пошли вон. Точно за мной держись, не то пропадёшь! – предупредил он ещё раз и первым шагнул в жижу у берега.

Внутренне содрогаясь, Колька полез за ним. Ноги ухнули до колен – в тёплую грязь, потом провалились глубже, и сквозь кроссовки ступни полоснул беспощадный холод никогда не прогревающейся глубины. Алесь шагал, как плыл – шаря перед собой шестом, тяжело, но быстро передвигая ноги. Шестом он управлялся левой рукой, правую держал на

автомате – ствол смотрит вперед, ремень, через плечо.

У комарья начался праздник. То ли они не спали, то ли проснулись, но после первого же десятка шагов вокруг мальчишек повисло дымчатое облако, исходившее тонким противным писком. Комары прокусывали даже ковбойку Кольки, а Алесю в его обрывках вообще приходилось худо – и он не выдержал: подняв одной рукой автомат, опёрся на шест и стукнулся головой. Когда он вынырнул, грязь стекла с него ленивыми сгустками. Колька сморщился, но уже после первого километра, вздрагивая от отвращения, окунулся в грязь сам, и комары почти отстали.

Ноги скоро начали неметь от холода. Колька держался за Алесем, как утопающий держится за спасательный круг – даже когда грязь поднялась до середины груди, и пришлось тащить винтовку на судорожно вытянутой вверх руке, когда так и тянуло метнуться в сторону, чтобы выбраться... Очевидно, мальчишка-партизан знал, что делает – вскоре снова потемнело, а там впереди замаячил какой-то остров. Во всяком случае, Колька различал деревья, приободрился и понял, что не обманулся, услышав одышливый голос Алеся:

– Попова Плешь, Никол. Полпути отломали, а до рассвета ещё два с лишком часа. Успеем!

Грязные, как черти, они выбрались на сушу и тут же повалились под чахлые кустики. Колька слышал, как со всхлипами дышит Алесь, и с легким удовлетворением отметил, что и он устал не меньше его, приспособленного горожанина. От одежды воняло гадостно, однако Колька почти не замечал запаха – с болота несло ещё отвратнее, да и принялся уже.

– Есть охота, – со вздохом сказал Алесь, приподнимаясь на локтях. – Трое суток ни крошки во рту не было.

Кольке тоже хотелось пожевать что-нибудь, но жаловаться было стыдно, по сравнению с Алесем его положение виделось не фиговым. Однако, мысли о бутербродах витали в ночном воздухе, и Колька тоже вздохнул:

– Петербургер бы сейчас...

– Чего? – не понял Алесь. Колька объяснил, помогая себе руками:

– Ну, это белая булочка такая, в ней котлета с огурцом и с кет... с томатным соусом. Ещё с луком может быть. Горячая.

– Кончай, – сердито сказал Алесь, снова падая на траву. – Потерпим... – и тут же спросил: – А что за название такое – немецкое, что ли?

– Угу, – не стал вдаваться в подробности Колька.

– Вкусное, наверное... Я уж и не помню, когда белый хлеб последний раз ел... – До войны мамка пекла сдобные пышки. Со сметаной – язык проглотишь!

– А где... – начал Колька, но тут же обругал себя и умолк. Правда Алесь догадался, про что хотел спросить товарищ по побегу и ответил:

– Да нет, они живые. Они на одном хуторе в лесу, спрячутся. Как фрицы отца хотели заставить на них пахать – он инженером МТС был – а он не хотел, так они его избили и сроку день дали. Ну мы и ушли... Я потом к нашим сбежал, в отряд, а мамка с отцом не смогли. Он болеет после битвы, а она – куда от него? А у тебя родители живы?

– Живы, – кивнул Колька. – Они далеко. Короче, за линией фронта.

– Станный ты, – не подозрительно, но задумчиво сказал Алесь. – И... – он хотел ещё что-то добавить, но вдруг бесшумно перевернулся на живот, перехватив автомат, и прижал левой рукой Кольку, зашипев: – Ле-жи...

Кольке не пришлось даже спрашивать, почему. Он и сам увидел словно плывущие над болотом – там, где они шли – лохматые фигуры, не имевшие формы. От страха волосы у мальчишки зашевелились по всему телу, он готов был подумать любую чушь... но уже в следующий миг понял, что это не болотная нечисть и не призраки, а просто (если можно так сказать!) немцы. Их было немного, человек десять – рослых, одетых в мохнатые камуфляжи (а Колька почему-то думал, что это недавнее изобретение) с капюшонами, и таких же грязных, как мальчишки. Двое несли длинные пулеметы с дырчатыми стволами, у остальных были автоматы. Луна светила ярко, и Колька с ужасом узнал в идущем третьим Виттермана –

это было похуже любой нечисти. Ещё больше – если это вообще было возможно – Колька испугался, покосившись на лицо Алеся. Оно было отчаянным и каким-то белесым, и Колька уже решил, что вот сейчас мальчишка начнет стрелять, а тогда... Но Алесь, судя по всему, не собирался погибать в бессмысленной стычке. Он поманил Кольку и ужом бесшумно пополз вдоль кустов.

Обмирая и сдерживая дыхание, Колька двинулся следом. Ему казалось, что ползет он страшно шумно, сейчас раздастся окрик, потом очереди... Конечно он и правда шумел больше Алеся, но немцы, хоть и шли тихо, не услышали шороха за густым побулькиванием болотной жижи. И – тоже везение! – выбрались на берег левее того места, где выползали мальчишки, иначе непременно увидели бы грязь на примятой траве, ещё свежую, не подсохшую. Слышно было, как кто-то из немцев что-то буркнул, Виттерман – Колька узнал голос – зашипел на него, как недавно Алесь на Кольку. Немцы зашагали – той же бесшумной цепочкой – вглубь острова, двигаясь быстро и целеустремленно.

– Продал кто-то, – услышал Колька выдох Алеся. – Продал кто-то... – и Алесь мерзко выругался. – Два пулемета аж, зажмут наших, и все... Никол, вот что. Спешить надо. Прямо лететь. Отстанешь – брошу.

– А что, – Колька сдерживал пробившую дрожь, – есть путь?

– Почти нет, – выдохнул Алесь, – да что делать-то? Пошли...

... Если Колька подумал, что видел болото – то он ошибался. И понял это теперь. К тем местам, где тащил его Алесь, лучше всего подходило определение "гиблая топь", раньше читанное Колькой только в книжках. Шли мальчишки словно через кошмарный сон, у которого не было конца, и Кольку охватывал страх отстать – он понимал, что Алесь его бросит. Бросит, потому что в конце пути у Алеся цель более важная, чем его, Колькина, жизнь. Может быть, поэтому он не отставал, а отчаянно поспевал за мальчишкой-партизаном, то проваливаясь по пояс, то цепляясь пальцами свободной руки за кустики, то разгребая перед собой жижу. И удивляясь самому себе, что не бросил винтовку, давно облепленную грязью. Кольке казалось, что по болоту они идут – тащатся – много-много часов, и сейчас рассветет. Но рассвета все не было. Город, подвал, солдаты-словаки – все казалось невероятно далеким, а дом и школа – вообще словно из прошлого, увиденной во сне жизни...

– Ыыхх!... – послышался спереди странный звук, то ли задушенный крик – и Колька увидел, что Алесь по грудь погрузился в трясину. Несколько секунд Колька смотрел непонимающе на белое лицо Алеся, освещенное луной, на скрюченные пальцы, хватающие грязь, и на то, как эта грязь все быстрее утягивает Алеся в себя. К тому моменту, когда Колька, вскрикнув, метнулся вперед, Алеся втянуло по шею – да ещё обе руки и автомат оставались снаружи.

– Не на-до... – прохрипел Алесь, запрокидывая голову, – утянет, Никол... ты... – его словно рванули за ноги, грязь полилась в рот, Алесь отплюнулся, попытался выбросить вперед руку с автоматом, чтобы Колька, тянувшийся к нему и чувствующий, как под ним тоже расползается и дрожит какая-то зыбкая пленочка, под которой – глубина. Размах получился слабым. Алесь снова выплюнул грязь и закричал – тихо и от этого очень страшно. Но тут же оборвал крик и простонал: держи на сосны... прямо... может – выйдешь... скор... – он захлебнулся и исчез, только руки елозили по черно-серебристой от луны жиже.

– Николай, – послышался голос Кашея. По-прежнему элегантный и лощеный, как английский лорд, злой дух стоял на болотной поверхности шагах в десяти, – ну так что: вернемся? Прямо сейчас...

– Уди, – процедил Колька, скрывая – откуда взялись? – винтовочный ремень с одного крепления. Ему было очень страшно, но именно этот страх заставил действовать расчетливо и быстро. Колька лег животом на шест и, словно кнутом бил, хлестнул ремнем по рукам Алеся. Белые пальцы впились намертво – и Колька понял, что Алесь ремня не выпустит. Значит... значит, можно его вытащить или утонуть вместе с ним.

Потому что отпустить винтовку значило стать не предателем даже, а убийцей. Убийцей

Колька становиться не хотел, умирать – тоже и, может быть, оттого через какое-то время над поверхностью болота появилась голова и плечи Алесь. Он выталкивал языком грязь и икал на все болото, но тут же сунул себе под грудь автомат и выполз на него.

– Брось эту железку, – сквозь зубы процедил Колька, сам ушедший в грязь основательно. Алесь закрутил головой и начал выползать из трясины с удвоенной энергией, словно теперь его уже тянули вниз, а выталкивали вверх. Колька перехватился было за рубашку, она разорвалась окончательно, но Алесь уже выбрался, встал на ноги и моргал вытаращенными глазами:

– Чуть не утоп, – сказал он удивленно, продолжая икать и начиная трястись, как лист осенью на ветру. – Ты видел, чуть не утоп.

– Не заметил, – ядовито ответил Колька, поднимаясь на дрожащие ноги. Юмор начала ХХХ века остался Алесю недоступным. Он сплюнул и, икнув ещё раз, предложил:

– Пошли.

7.

Оказалось, что берег совсем рядом. Это был остров посреди болота, Колька не знал, как такое называется.

– Тут никто не бывает, – пояснил Алесь, когда ни вдвоем брели, шатаясь, вдоль берега. – Нечистое место.

– Ты пионер? – насмешливо спросил Колька, вспомнив, что где-то читал про этих ребят. – А в нечисть веришь?

– Пионер, ну и что? – не обиделся Алесь. Он на ходу пытался почистить остатками рубахи автомат. – Место нечистое, это все говорят. А приметы мне прадед ещё до войны рассказал, он сюда на лосей ходил охотиться. Только не ночевал никогда... Отсюда до нашего отряда километр, не больше. Докричаться можно, только тогда немцы услышат. Я нашим про это место хотел рассказать, тут такую запасную базу можно устроить. Только прадед с меня слово взял, что я никому...

Колька хотел спросить, что тут такого нечистого. Но у него почему-то сильнеешим образом зачесались пятки – просто нестерпимо, словно их щекотали. Мальчишка наклонился – и обжег пальцы о шпоры.

– Ты чего? – удивлялся Алесь. – Пошли скорей, тебя ноги не держат, что ли?

– погоди, – вякнул Колька, направляясь... куда? Он и сам не знал, его словно толкали реактивные двигатели, вмонтированные во взбесившуюся обувь. – погоди, погоди...

– Куда гонишь?! – уже рассердился Алесь. – Ты что – побегать – решил?! Тут не стадион на Первое Мая!

Со стороны и правда могло показаться, что Колька сдает странную извилистую стометровку на время, да ещё и с препятствиями. Ему самому было смешно и жутко – какая-то сила двигала его ногами, пока возле густящих зарослей Кольку не подбросило вверх на метр и, приземлившись, мальчишка с трудом удержался на ногах тяжело дыша.

– Тебя что, гадюка тяпнула?! – возмущенно орал Алесь. Но Колька, прикрываясь руками, врезался в кусты уже с полной определенностью. В темноте луна скрылась за облако – руки парня нащупали камень и, прежде чем Колька успел хоть чуть-чуть подумать, как быть дальше, этот камень бесшумно и быстро опрокинулся – так открывается хорошо подогнанная дверь не смазанных петель. – Никола, ты что?! Ты куда делся?!

– Сейчас! – гаркнул Колька, которого охватила внезапная дрожь. Он нагнулся над открывшейся неглубокой ямой – и увидел в ней пару настоящих сапог. Сапоги он различал отчетливо, будто в яму светили фонариком, или наоборот – из неё шел свет. Высокие, спереди голенища повыше, носок чуть загнут – короче, настоящие сказочные... или былинные. Задержав невольно дыхание, Колька нагнулся к сапогам.

Едва он коснулся мягкой и теплой почему-то кожи – в уши ударил истошный и

бессильный злой крик, донесшийся то ли из-под земли, то ли из-за леса, то ли сразу отовсюду – словно болото застонало. Сапоги исчезли, растаяли без следа... но у Кольки появилось ясное ощущение победы. И понимание: он ДОБЫЛ скороходы и, когда они понадобятся, то окажутся рядом.

– Ты что в игрушки играешь?! – Алесь проломился сквозь кусты, шипя и чертыхаясь – ветки хлестали его по рукам и спине. – Что за ямина?!

– Нашел, – сообщил ответ Колька, распрямляясь. – Вот т все. Мне пора.

– А? – мальчишка-партизан смотрел непонимающе и сердито. Колька вздохнул и развел пятки, чтобы одним щелчком кроссовок отправить себя из ночного белорусского болота 42-го года... куда? Не важно. Важно, что не будет войны, не будет изматывающего похода по горло в вонючей жиже... Останутся только воспоминания. – Куда тебе пора? – Алесь поправил ремень автомата. – Идти надо, скорее, с минуты на минуту светать начнет!

– Угу, идти, – согласился Колька и посмотрел на облепленные грязью носки кроссовок. Война окончилась 9-го мая 45-го года. Победой окончилась, это и первоклашки знают. Ну и все тут, что из себя героя строить? Его исчезновение ничего не решит, ему тут вообще делать нечего!

Но ПОКА не было сорок пятого. Пока ещё сорок второй, и немцы идут к Сталинграду, и Виттерман, наверное, расставляет своих "леших" на позиции для атаки. И Алесь смотрит непонимающе-тревожно и нетерпеливо, потому что для него нет увлекательной и жутковатой сказки. Какая уж тут сказка!...

Странствующий рыцарь – это не просто тот, кто странствует из страны в страну. По пути он должен помогать защищать правду и добро. Если конечно он – рыцарь.

– Конечно, пошли, – Колька перехватил винтовку удобнее. – Веди скорее!...

... До партизанского лагеря и в самом деле оставалось совсем не много. Страшное не на вид болото – бездонную полоску воды, черную и мрачную – Алесь преодолел уверенно и быстро. Под ногами казалось что-то вроде каменного мостика, хотя с обеих сторон ощущалась пугающая глубь. Мальчишки выбрались на ещё один остров – кажется, побольше прежних. Спереди ощутимо тянуло дымком, хотя ни звука не слышалось.

– А где охрана? – спросил Колька. Его трясло – и от предрассветного холода, прохватившего мокрую одежду, и от мысли, что даже не с минуты на минуту может начаться бой, а секунды на секунду!

– С этой стороны никто не охраняет, – Алесь тоже вздрагивал, и только теперь Колька заметил, что его товарищ босой – наверное, ботинки стянуло ещё в болоте. – Вот сюда давай!

На них прыгнули без всякого киношного "стой, кто идет?!", и Колька даже дышать забыл, ощутив на шее приставленное твердой рукой лезвие ножа. Но сбоку кто-то невидимый спросил: "Алесь?!" – и добавил ещё несколько популярных слов, на которые Алесь ответил быстрой скороговоркой, после чего Кольку отпустили, и мальчишки бегом побежали за какой-то широкой спиной – между рисовавшихся смутными призраками шалашей. Колька понял – все вокруг видно не так уж плохо, и до него дошло, что рассвет начался. Следом за Алесем Колька, стукнувшись головой о подпорку, втиснулся в темный крохотный тамбур или коридорчик, впереди отдернулась плотная занавесь, и свет лампы полоснул по глазам. В шалаше пахло резкой химией, на сдвинутых ящиках лежали бумаги, горела сделанная из наряда коптилка (от нее и воняло), а с топчана поднимался бородатый мужик – он спал, даже не сняв сапог. Над грубым топчаном, застланным шинелью, висели бинокль, планшетка, пистолет в кобуре, русский автомат с диском, ещё что-то...

– Матерь божья! – ахнул бородатый. – Алесь?! А это кто с тобой?! Ты ж...

– Некогда, дядя Антось! – выпалил Алесь. – Поднимайте наших скорее, уходить надо быстро, немцы облаву устраивают! Продали кто-то нас!

– Ах ты... – Антось (как это по-русски-то?) вскочил, сна не осталось ни в одном глазу. Он, уже перепоясываясь, приказал вошедшему следом за мальчишками партизану – тому, что их вел: – Подъем по тревоге! На Попову Плешь уходим!

– Нельзя! – замотал головой Алесь. – Никак нельзя, егеря там! Я тропинку покажу,

только быстрее!

– Слышал?! – командир выставил бороду в сторону партизана. – Мухой!

Тот выскочил наружу. Продолжая в бешеном темпе снаряжаться и одновременно запихивая в планшет бумаги со стола, Антось ошарашено бормотал:

– На Попову-то они как добрались?... Вот ведь... Алесь, много их?

– Жандармы и полицаи – человек семьдесят, – быстро ответил Колька, которому словно на странице книги представился разговор с Виттерманом. – Ими командует Пауль. Этих... егерей – с десятков, но два пулемета.

– Точно, – подтвердил Алесь. – Вот они с Виттерманом на Поповой Плеши.

– С Виттерманом?... – Антось приладил на плечо автомат, выпрямился, и Колька вдруг сообразил, что без бороды партизанский командир оказался бы совсем молодым. Не "дядя", а "старший брат", не больше. Снаружи доносились неясные звуки, полязгивание железа, щепотки. В шалаше стало не повернуться – вошли трое, один – в военной форме без погон, со знакомыми Кольке только по фильмам кубиками в петлицах. Именно к нему обратился Антось: – Капитан, бери свою разведку, выдвигайтесь к секретам. Постреляйте, вроде мы ещё тут и никак не соберемся... – офицер вышел, отдав честь. – Товарищи, – обратился Антось к другим, – уходить будем не на Попову, там засада. Алесь покажет – куда.

Он хотел ещё что-то добавить, но с наружи донеслись несколько выстрелов, а потом стрельба – не рядом, но недалеко – стала густой и непрерывной. Жандармы и полицаи вступили в бой с охранением лагеря...

...Колька удивился, на сколько быстро и слаженно собрался партизанский отряд. Видно было – для этих людей не в новинку такие внезапные нападения, и немцам всяко не удалось бы их застать врасплох. Но, если бы не беспомощные, напоролись бы на огонь пулеметов и автоматов и были бы разбиты. А так немцы, не подозревавшие, что их хитрость "раскушена", сами оказались в незавидном положении. Правда, Колька это понял не сразу. Пока же он, сжимая винтовку, стоял возле шалаша, откуда все выскочили, и ощущал себя глупейше неприятно. Казалось, про него все забыли. Стрельба пугала, и он уже подумывал плюнуть на все и сдвинуть кроссовки... но тут из темноты появился возбужденный Алесь и хлопнул Кольку по плечу:

– Порядок! Идем с Андрыхевичем, я сказал, что кроме нас никто больше тропинки не найдет!

И Алесь быстро и толково объяснил Кольке весь план партизан, составленный на лету. Пока разведчики будут вести огонь, перестреливаясь с врагом, и создавая видимость, что партизаны все еще на острове, отряд уйдет по той тропе, которой пришли мальчишки. Часть партизан во главе с Андрыхевичем – комиссаром отряда – ударит в тыл засевшим на Поповой Леши егерям, а остальные быстро сделают марш-бросок до города и разгромят остатки немецкого гарнизона, склады и хранилища горючего. Несколько словаков, находившихся в отряде, уверяли, что их соотечественники будут сопротивляться только для вида, а многие и просто присоединятся к партизанам, пользуясь неразберихой. Потом все три части отряда встретятся далеко отсюда – Алесь не уточнил, где.

– Жаль, ночь кончилась, – весело сказал Алесь. – ночью в лесу стрелять лучше, чем днем. Днем деревья мешают, а ночью их не видно... – и сам засмеялся своей шутке.

Колька криво улыбнулся. Его, если честно, не воодушевляла мысль о предстоящем бое, но и отказаться значило навлечь на себя необоснованные подозрения. И так черт знает почему никто не прицепится с расспросами, кто он, откуда и как познакомился с Алесем. Ну, это, может, в неразберихе. А потом? Да еще комиссар этот... По книжкам Колька составил себе о них впечатление, как об очень нетерпимых, подозрительных и даже свирепых людях.

6.

Андрыхевич оказался совсем еще молодым мужиком, одетым, как горожанин – в

пиджаке на рубашку, в брюках, но заправленных в сапоги. На голове у него набекрень сидело немецкое кепи, и вообще вид был смешной. Для Кольки, который привык, что воюющие люди – на чьей либо стороне они не сражались – обязательно носят разнообразные камуфляжи, ремни и подсумки. У Андрихевича потертый револьвер торчал за самодельным поясом, на котором вдобавок висели несколько гранат и кинжал. Люди его, которых вели Алесь с Колькой (вернее – Алесь, но считалось, что оба), тоже не отличались военным видом, и Колька опасливо думал, вспоминая немцев, огромных, в их лохматых камуфляжах – не влипнуть бы с этими партизанами, которые и на бойцов-то не очень похожи

На этот раз короче и не таким сложным – может быть, потому что наступил фактически день, или еще почему, но болото уже не вызывало у Кольки прежнего страха, близкого к панике. До Поповой Плеши пробирались все вместе, а там Антось с большей частью отряда тронулся дальше – в город – ну а Андрихевич со своими мальчишками остался на острове.

– Ну, всё, – сказал комиссар, перебрасывая из-за спины в руки немецкий автомат – такой же, как у Алеся. – Вы тут посидите, а мы пойдем дело делать.

– Товарищ комиссар..., – начал Алесь, но Андрихевич лишь шевельнул бровью и на удивление быстро и бесшумно растаял в зелени с тремя десятками своих бойцов.

– Ничего себе!... – вырвалось у Кольки. У него, что называется, "отлегло от сердца", когда стало ясно – в бой их не потащат. Алесь наоборот – выглядел злым и обиженным. Он уселся под кустом и что-то долго бурчал себе под нос, а потом, вздохнув, махнул рукой и сказал Кольке:

– Садись, порубаем, мне тут дали, – и вынул из кармана штанов сверток из материи.

Зверский голод, как-то подзабывшийся во время бешеных марш-бросков по болоту, тут же дал о себе знать. Колька плюхнулся рядом, скрестив ноги и сглотнул слюну.

В свертке оказалось две луковицы, нарезанное сало, черствый хлеб. Такого набора Колька еще никогда не потреблял, но сейчас и не заметил, как даже не съел – заглотил свою порцию, показавшуюся ему невероятно вкусной. Алесь, все еще жевавший подмигнул:

– Лучше этих, как их? Фрицевская еда, ты говорил?

– Петербургеры, – вспомнил Колька. – Лучше, – и подумал: а здорово было бы угостить Алеся в вагончике-закусочной возле школы! Он было представил себе такую картинку, но не успел ее просмаковать – неподалеку разом ударили несколько разноголосых автоматов, перебивая друг-друга, зачастили пулеметы – тоже разные по звуку, хлопнули воздушными шариками несколько гранат, и донеслись крики на немецком. Алесь, побледнев, встал на колени, поднял автомат, скулы его затвердели. Перестрелка как-то быстро попритихла, но на нет не сошла – несколько стволов еще стреляли.

– Пойду, – сказал Алесь и, прежде чем Колька успел сообразить, как ему-то быть, Алесь уже мчался, пригнувшись и держа оружие наперевес, к кустам, только пятки мелькали...

...Оказывается, Попова Плешь и правда была плешь на голове – бой шел рядом, на другой оконечности острова. Колька не успел даже разлететься, как их обоих схватили в охапку и без особой нежности бросили наземь, сопроводив свои действия на русском и белорусском языках. Но и лежа можно было смотреть.

Картина боя на расстоянии казалась нестрашной и какой-то ленивой, если можно было так сказать.

Большинство егерей, кажется, погибла почти сразу – напрасно Колька недооценивал непритязательно выглядевших партизан. Но почти у самого берега, за камнями, лежал рослый пулеметчик и строчил – одной длинной, непрерывной очередью – по партизанам, не давая им передвигаться. А подальше на колене один егерь, зажав под мышкой автоматный ствол и не глядя стрелял назад, волок другого, перебросив его руку себе на шею.

– Виттерман! – вырвалось у Кольки. Он и в самом деле узнал пулеметчика. Алесь, мотнув головой, словно отгоняя муху, вставил вперед ствол автомата и открыл огонь из автомата – но было слишком далеко.

– Уйдет! – простонал мальчишка-партизан с такой злобой, что Колька поежился. Ему

самому не хотелось стрелять, а наоборот – мутило и тянуло закрыть глаза, чтобы не видеть, как убивают люди других людей. Кашей знал, где прятать сапоги... Кольке страшно хотелось домой и не получалось заставить себя ненавидеть фашистов.

Пулеметчик теперь стрелял на бегу – спешил следом за командиром и раненым товарищем, то бежал, то поворачивался и стрелял, пятась, короткими очередями. Партизаны перебирались следом за ним, и Кольке стало ясно то, что Алесь от злости не мог уяснить никак: никуда немцы не уйдут, некуда деваться.

Пулеметчик упал – на спину, выронив свое оружие. Виттерман остановился, повернулся лицом к партизанам и, оскалившись, бросил одну за другой три гранаты на длинных ручках – выхватил их одной рукой из-за пояса, зубами вырвал какие-то шнуры и бросал по широкой дуге. Кто-то истошно закричал – без слов, Виттерман попытался сменить магазин, не смог одной рукой, выдернул из-под куртки длинный пистолет и, наугад стреляя, поволок раненого к кустам. "Может, мне сон снится?" – вяло подумал Колька.

Оба егеря упали возле самых кустов. Виттерман попытался проползти еще сколько-то, хватаясь одной рукой за траву и подволакивая ноги, потом уткнулся лицом в руку с пистолетом.

Колька больше не мог смотреть. Он отвернулся, сглатывая кислятину во рту.

– Гото-ов, – зло протянул Алесь, – отбегался, сволочь фрицевская... Пошли, Никол, наша взяла.

Партизаны Андрыхевича перетаскивали своих убитых и раненых – их было совсем ничего – и убитых немцев тоже. Колька старался не глядеть на это. Ему вспомнилось, что мать прислала Виттерману шоколад, который он так и не съел... и не съест теперь.

– Жалко? – негромко спросил кто-то. Колька вскинул голову – рядом стоял Андрыхевич.

– Жалко, – кивнул Колька. – А вам – нет?

– Мне – нет, – помотал головой комиссар. – Но хорошо, что ты можешь жалеть, хоть и не заслуживают этого они... Алесь рассказал, как вы бежали. Как я понял, ясли бы не ты, нас раскрыли, и Алесь тоже погиб бы. От имени всего отряда выражаю тебе благодарность, – Андрыхевич козырнул под засаленную кепочку с пуговкой наверху. Колька смешался и пробормотал:

– спасибо... фигня... то есть, не стоит благодарности, так на моем месте поступил бы...

"У кого не хватило бы ума вовремя смыться, – раздраженно добавил он про себя. – Шумел сурово брянский рэп, нафик! Но теперь-то надо отсюда выбираться, пора!"

– Ты сам-то откуда? – задал вопрос Андрыхевич неумолимый, как возвращение кредитов, вопрос. Колька захлопал глазами, понимая, что косить под дурака удастся секунд двадцать, не больше. Он досадовал на себя, что не "застолбил" еще в разговоре с Алесем потерю памяти – от зверских побоев, тем более, что по голове его и правда били.

И, кстати, покойный Виттерман. Жалость к нему здорово уменьшилась.

– Я-то? – многозначительно переспросил Колька. – Да вообще-то издалека.

– По разговору из Подмоскovie, – определил чертов комиссар. Да-а, вот тебе и невоенный вид! С лету подсекает, и намертво!

– Ну вообще-то да, – промямлил Колька. – Но вообще-то...

– Вообще-то я подумал бы, – добродушно и доверительно сообщил Андрыхевич, – что тебя немцы заслали. Но сейчас прикинул – зачем? Виттерман со своими у нас в печенках сидел, дороговато за внедрение, отряд-то наш не первого ранга. Да еще Антось в городе шурует теперь – не сходится.

– Не могу я рассказывать, – с отчаянием ответил Колька. – И вообще мне пора! Понимаете?

С этим "понимаете" у него получилось здорово! Андрыхевич подобрался, как гончий пес, смерил Алесь долгим внимательным взглядом и кивнул:

– Ясно... Алесь!

Алесь подошел, чертыхаясь. На бедрах у него крест-накрест висели два немецких

подсумка, вместо рубашки была пятнистая куртка с подкатанными рукавами, но белорус по-прежнему стоял босиком.

– Не одни не подходят, холера! – пояснил он. – Слушаю, товарищ комиссар!

– Найдем тебе обувь, – пообещал Андрыхевич. – Вот что. Проводишь Николая куда он скажет. Нас найдешь... – комиссара помедлил и значительно сказал: – ТАМ найдешь. Считай себя в служебной командировке... А о том, как фрицам ухитриться угодить – после поговорим подробно. Приказ ясен?

– Ясен, – Алесь несколько сник.

– Выполнять.

– Есть выполнять, – вздохнул Алесь.

7.

Вдвоем они отмахали уже километров пять по утренней дороге через постепенно пробуждающийся лес. Было совсем тепло, но не жарко, солнечно, и совершенно не верилось в идущую войну.

Вообще-то Кольке сосем не было ясно, куда и зачем его провожает Алесь. В принципе он мог стукнуть грязными кроссовками в любую секунду – и привет, пишите письма мелким почерком, адрес – до востребования XXI век. Но почему-то он не делал этого – пылил рядом с белорусом, то и дело поправляя ремень винтовки.

Вот елки-палки! Всего сутки в этом мире – и жутковатые сутки, надо сказать. Он добыл сапоги-скороходы. Алесь ему знаком пол суток, не больше. Но почему-то грустно вот так взять и смыться и смыться. Именно грустно. Хороший парень этот белорус. кроссовки ему оставить, что ли? Нет, нельзя, шпоры к пяткам привязывать – это вообще слишком.

– Давай сполоснемся, тут ручей, – указал Алесь и первым свернул в зелень. Колька догнал его уже на берегу речушки даже, не ручья. Зачерпывая воду и внимательно разглядывая противоположный берег, Алесь спросил: – А тебе... в общем, тебе правда куда-то очень надо? А то...

– Обязательно, – Колька встал рядом на колени, попытался пригладить вскоченные и склеенные грязью волосы, потом плюнул: фик с ним! – Понимаешь, я как раз на том острове, на нехорошем, одну вещь нашел. Важную... Без нее человеку плохо будет.

– А ты бы остался у нас? – по-прежнему не глядя на Кольку, предложил Алесь. – Куда тебе одному? И когда еще своих найдешь? Не можешь?

– Не могу, правда, – покачал головой Колька, снимая винтовку с плеча и укладывая ее на прибрежную траву.

– Жаль, – вздохнул Алесь.

– Ага, – согласился Колька и поднялся на ноги. Все-таки надо было уходить пора, а то потом будет еще труднее. Винтовку взять?... а если не получится с ней? – слушай, – Колька чуть отступил. – Ты не удивляйся сейчас, просто слушай. – Под Сталинградом наши победят. И вообще в войне победят. А День Победы будет 9 Мая 1945 года, еще не скоро, но будет.

– Откуда ты... – Алесь удивленно поднял голову, вытирая губы тыльной стороной ладони и кривясь от боли, но не договорил. Его недолгий знакомец и спаситель вдруг сделал еще шаг назад, поднял руку и сдвинул пятки – как беляк в фильм про Гражданскую и... ИСЧЕЗ.

Часть 2.

Колька Мак'Лауд из клана Мак'Лаудов.

1.

Если вы идиот – это надолго.

Подтверждение это прописной истине было место, в котором очутился Колька. Он хорошо помнил, что собирался **ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ**. Отдохнуть в счет быстрой добычи сапог. Ну и... ну и подумать как следует, а стоит ли ему вообще продолжать эту историю с историей и географией? Малодушно? Побывайте в белорусском лете 42-года, и у вас отобьет охоту к подвигам! Но в последнюю секунду перед возвращением Колька подумал: а вот интересно, какой из себя меч-кладенец?

Ну и привет.

Шпоры отреагировали на случайную мысль, как цены – на слухи о денежной реформе, мгновенно и неумолимо.

Было сыро и холодно. Сыро и холодно со всех сторон, потому что вокруг плавал густой волокнистый туман, похожий на растрепанную вату, а ногами Колька до щиколоток стоял в болоте.

Вернее – что еще обиднее – в **БОЛОТЦЕ**. Диаметр с полметра, оно угнездилося точно там, куда приземлился странствующий рыцарь. От такого невезения хотелось плакать. Но с другой стороны – его могло закинуть в январскую тайгу, так что худшего он избежал.

Утешив себя такими мыслями, Колька шагнул в сторону и посмотрел на часы. Было 7.08. утра. А вот интересно – в Белоруссии-то другое время, не как в Вавиловске, а часы показывали правильно. Может, они автоматически корректируются по местному времени? Хорошо бы...

Слева и справа поднимались крутые склоны, поросшие волокнистыми растеньицами – среди темно-зеленой листвы неожиданно ярко светились лиловые и розовые цветочки. Похоже, тут лето или весна. Да и не так уж холодно – это после белорусского лета и от сырости так казалось. Хотя пар изо рта идет.

Колька попытался вылезти на левый склон – и соскользнул. Подошвы кроссовок съезжали по растениям, пальцы тоже срывались. Та же история повторилась с правым склоном.

– Уродство, – с чувством сказал Колька и – делать нечего – зашагал по ложине. Благо, она ничем не заросла и идти было легко. Только туман пугал – он меняет очертания предметов, и мальчишка застыл на месте, простоял минуту, обливаясь потом, прежде чем сообразил, что ложина открывается – как коридорчик в комнату – в рощу, тихо шелестевшую по берегам речушки, протекавшей через более широкую ложину.

Среди деревьев туман был пореже. И – что интересно и приятно – не наблюдалось комаров. Подойдя к берегу, Колька присел на корягу и, достав из кармана тряпку с сухарями и воблой, начал перекусон, следя за тем, как в удивительно прозрачной воде, шевеля хвостами, стоят против течения крупные рыбы с алыми точками на боках.

Было очень тихо, только вдалеке кричали... овцы?! Странно, а звук идет как будто с неба... Туман ломает, наверное. Ну, где овцы, там люди – и, хотя наученный горьким опытом Колька не собирался бросаться в объятья первому встречному, но к людям выбираться опять-таки стоило.

Спешить, впрочем, некуда. Колька хрустел сухарем, беспощадно ошкуривал воблу, да по временам нагибался к ручью – попить, воблу партизаны посолили не иначе как собираясь использовать ее в диверсиях для вызывания непреодолимой жажды. Потихоньку от самого себя мальчишка пару раз пристукнул пятками – кроссовки, точнее – шпоры – не работали. Все правильно, и не будут работать, пока он не добудет меч.

Два сухаря и полторы небольшие воблы Колька аккуратно убрал в карман изгвазданных "домашних" джинсов. Не потому, что больше не хотел есть, а просто запас, гордясь своей предусмотрительностью. Потом – заставил себя умыться и помыть руки. Не то, чтобы искупаться, хоть и нужно это было, не хватило духу – вода отдавала льдом, а не просто холодом.

Ниже по течению речушки были перекинута два связанных ремнем бревна – балансируя руками, Колька перескочил в несколько больших шагов на противоположную сторону. Тут туман, как ни странно, был реже – а оглянувшись, парень понял, что его и вообще растягивает.

Под ногами оказалась тропинка, по сторонам которой густо рос – как в Белоруссии – густой папоротник. Колька не мог понять, звериная это тропа или человеческая, но шел по ней, ощущая, как понемногу поднимается. Впереди тумана не было совсем, а меж деревьев светлело небо. Колька ускорил шаг, почти бежал – в сыром леске, странно беззвучно, ему вдруг стало не по себе – и, вылетев на опушку, задохнулся от неожиданности и удивления.

Житель города, он не мог себе представить, что бывает такое. Колька показался самому себе маленькой соринкой на большой зеленой тарелке. Во все стороны бесконечно и плавно, как волны странного моря, тянулись гряды больших пологих холмов, перетекавших один в другой. Только холмы – ничего больше. Одиночеством, безлюдьем и странным величием веяло от этого мира под высоким бледным небом. Здесь дул ветер – прохладный и непонятно пахнущий. От стояния на одном месте начала кружиться голова, как при езде по кругу, и у Кольки вырвалось:

– Где я?!

Но в то же время он смутно ощущал, что видел такой пейзаж. Нет, не в жизни, а в кино. И не раз. Точно, видел!

Присмотревшиеся глаза начали различать небольшие рощицы и озерца, тут и там раскиданные у подножия холмов, проплешины, черных мрачных болот. Левее, на двух вершинах – очень далеко, но ясно – мальчишка разглядел высокие башни, черные на фоне неба. Да нет, что фишка, почему ему кажется, что он это видел?! В каком кино?!

И тут его осенило – догадка была такой явственной, что Колька рассмеялся и хлопнул себя по лбу. Серии "Горца" и великолепный Мэл Гибсон в "Отважном сердце"!

– Шотландия! – воскликнул Колька. И тут же нахмурился.

О Шотландии он знал по тем же фильмам, а там показывали одно: здешние жители сплошь ходят с оружием и отрезают друг другу головы так, что чеченские боевики померли бы от зависти. Осталась слабая надежда, что это современная Шотландия – страна-музей, где живут цивилизованные потомки головорезов, перекавалифицировавшиеся в экскурсоводов. Может быть, меч лежит в каком-нибудь музее или хранится в семейной коллекции...

...Неизвестно, можно ли за сутки приобрести чисто солдатской "ощущение опасности", но Кольку словно подтолкнули – он повернулся на месте и обмер.

Было от чего.

По той тропинке, которой шел он, бесшумно и быстро приближался типичный шотландец. Лица Колька не видел за спутанными рыжими волосами, только глаза отчетливо горели сквозь эту занавеску. Из всей одежды на экскурсоводе были классические плед и юбка-килт – грязные и драные до такой степени, что едва различался цвет клеток: красный и синий. Еще, впрочем, имелись кожаные... э... напульсники, что ли, как у металлистов, доходящие до локтей, и кожаные сапоги.

А еще большущий кинжал в правой руке, похожий на короткий меч. Нет, оставалась слабая надежда, что это все-таки гид, решивший сшибить деньгу натуралистическим поведением...

– И чего я винтовку не взял? – пробормотал Колька. – Лучше бы воблу оставил, придурак.

С этими мудрыми словами он повернулся и рванул с холма бегом.

Стало ясно, что убежать не удастся. Во-первых, невероятно мучительно было бежать, зная, что за тобой гонятся с ножом; сами собой слабели ноги и тянуло оглянуться. Во-вторых, чертова трава с цветочками путалась в ногах. В-третьих, шотландец бежал в два раза быстрее.

Но самое главное – все-таки оглянувшись, Колька сообразил, что преследователь не выше его, не шире в плечах и не мощнее. То ли мелкий взрослый, то ли... то ли пацан его

лет. Конечно, нож... Бежал шотландец целеустремленно, молча – дыхание берег, и ножом не размахивал, а зажал его в зубах. И все-таки бежать от мальчишки, одного-единственного и одетого в юбку, сделалось стыдно.

Колька начал сбавлять скорость и несколько раз споткнулся уже нарочно. Шотландец надал, вытолкнув нож в руку – сомнение в его намерениях не оставалось ни малейших. Ладно, глянem, подумал Колька, уже почти ощущая дыхание преследователя – и завалился ему под ноги!

Черт!!! Шотландец подскочил, как кролик, перелетая через Кольку, и удержался бы на ногах, но разозлившийся путешественник по временам поймал его за щиколотки – тот грохнулся всем передом, а Колька насел сверху и, одним ударом вышибив кинжал, отпихнул его подальше, а сам начал выламывать "экскурсоводу" руку, чтобы поговорить потом, когда тот уймется.

Но это оказалось неожиданно сложно. Шотландец ухитрился вывернуться и так врезать Кольке головой под дых, что тот забыл, как дышать. Хорошо еще, этот супермен с редкой упертостью устремился за своим "пером", и Колька вновь навалился сверху. Они возились по мокрой траве, сопя и колотя друг-друга кулаками, как мальчишки за школьным туалетом в родном колькином Вавиловске – и так же почти не попадая. При этом оба молчали. Глаза под рыжими лохмами шотландца оказались бледные, как здешнее небо, но яростные, а лицо худое, обветренное, с какой-то татуировкой на левом виски.

Прошло какое-то время – довольно солидное для драки – прежде чем Колька сообразил, что сильнее шотландца и, перестав обращать внимание на удары, сосредоточился на выкручивании ему рук. Рыжий два раза укусил Кольку за руки, второй раз – до крови, и мальчишка, рассвирепев, ударил своего упрямого противника локтем по почке, как учили на уроках по самообороне, а уж потом выкрутил обмякшему шотландцу правую руку – тоже безо всякой нежности, до затылка.

– А еще говорят... ев... ро... пейцы... все проблемы... договором... реша... ют, – пропыхтел Колька. Шотландец дернулся и почему-то простонал:

– Предатель! Давай, убивай, изменник, нечистая кровь! – он попытался плюнуть, по плевать ему было некуда – второй рукой Колька надежно удерживал его физию уткнутую в траву. Но едва не выпустил, когда услышал, как тот говорит по-русски! Злость пропала, осталось удивление, когда услышал, как тот говорит по-русски! Злость пропала, осталось удивление и еще боль в губе и над глазом. Колька выпустил противника, мазнул – кровь. И там, и там.

– Козел, – беззлобно ругнулся Колька, отпуская шотландца вообще. Тот дернулся и застонал – ему досталось крепче. Колька между тем подобрал кинжал и сел, скрестив ноги, в мокрую траву – было уже все равно. Кинжал выглядел откованным из одного куска стали, рукоять обматывал потемневший ремень. В мелкий щербинки на лезвии въелось что-то темное – кровь, что же еще. – И давно ты туристов потрошишь? Бабки в семью несешь, или на "сегу" не хватает.

Шотландец перевернулся на спину. Плед с него соскочил, рыжий тяжело дышал, и Колька лишь сейчас заметил, какой он тощий – ребра выпирает прямо под кожей. Нехорошая была худоба, не от природы, если так можно сказать.

Шотландец открыл глаза. Глаз, точнее. Левый – правый ему Колька запечатал надолго. Увидел свой кинжал в руке Кольки и снова застонал, отвернулся, Но не выдержал – дрогнувшим голосом спросил:

– Ты меня зарежешь?

– Обязательно, – Колька сплюнул. Ого, и тут кровь... – Отдохну только и зарежу.

– Пожалуйста... – голос рыжего завибрировал, – только не ешь меня живым...

– Че-го?! – у Кольки рот сам собой открылся так, словно он именно и собирался сожрать шотландца. – Как ты сказал?!

– Я ничего не говорил, – ответил шотландец. – Ты можешь делать со мной, что хочешь, гадина. Я не закричу.

– Иди ты, больной, – устало ответил Колька. – Ты почему по-русски говоришь?
– Я? – шотландец острожно сел. – Это ты говоришь по нашему, по какой руски?
– Проехали с огромной скоростью, – вздохнул Колька. – Что ты тут бредил, кто кого съест?

Шотландец довольно долго молчал. Взгляд он прятать не умел, и взгляд этот красноречиво указывал на кинжал. Потом наконец прояснил ситуацию:

– Англичане едят человечину, это все знают.
– Ты на кой меня убить хотел, контуженный?! – рявкнул Колька. – Я тебе чего сделал?!
Губы шотландца насмешливо скривились:
– Я увидел одного англичанина. Что мне было – подносить тебе сыр с лепешками?
– Я не англичанин! – потерял остатки терпения Колька.
– Я это понял теперь, – продолжал гнать шотландец. – Ни один англичанин не сможет так ловко драться... ты просто предатель одетый, в их одежду. Поэтому тебя еще больше надо было убить. И я тебя убью, если ты не убьешь меня, так и знай. Я сейчас отдохну и брошусь на тебя, и это знай тоже. А еще – назови мне имя клан, который ты опозорил, чтобы я знал, кому отрежу голову.

– Ты тут хозяин, ты и называйся, – отмахнулся Колька. Он не ожидал, но шотландец и правда представился:

– Алесдер Мак'Лохэнн из клана Мак'Лохэннов.
– Колька Мак'Лауд из клана Мак'Лаудов, – ядовито ответил Колька. И вскочил, потому что Алесдейр вскочил первым и вскрикнул:
– Ты не только предатель, ты еще и лжец! Никто из отважного клана Мак'Лаудов, наших верных и добрых союзников, не служит волкам с юга! Защищайся!

В следующую секунду он бросился бы на Кольку и кинжал с кулаками. Но драке было не суждено начаться снова...

Мальчишки успели пробежать с пол километра от того леска, возле которого встретились. И теперь Кольке – он стоял лицом к лесу – почудилось там какое-то движение. Он всмотрелся – так, что Алесдейр, решивший сперва, что его хотят обмануть и заставить его оглянуться, все-таки не выдержал и правда оглянулся.

Как раз в тот миг, когда шевеление теней оформилось в людские силуэты. Люди выходили из леса, и Колька, повинуясь внутреннему толчку, упал на живот, прошипев шотландцу:

– Ложись...

Но тот уже и сам – едва ли не раньше Кольки – плюхнулся за кочку и сжался в комок. Лицо мальчишки стало цвета хорошего творога, глаза расширились и наполнились ненавистью и ужасом, губы беззвучно шевелились.

Для Кольки все выглядело иначе. Особого страха он не испытывал, даже лег только по тому, что решил поосторожничать. А вообще картинка, которую он увидел, ему – мальчишке из XXI века – казалась даже привлекательной. Когда еще доведется посмотреть на средневековых воинов – настоящих, живых, а не актеров в таких ролях?

С десяток вооруженных людей неспешно спускались с откоса, но не там, где сбежали мальчишки, а чуть в стороне. Впереди ехал шагом "рыцарь" – так подумал про него Колька, хотя воин не очень был похож на рыцаря из учебника. Вместо сверкающих лат – кольчуга, и штаны кольчужные, усиленные щитками, как у велосипедиста-гонщика. Поверх кольчуги был накинута не очень чистый... не плащ, не куртка, а так – два куска материи с дыркой для головы, стянутые широким поясом, на котором висел длинный меч. Это одеяние (местами неумело зашитое) украшали золотые на белом кресты, такой же крест оказался на закинута за спину щите, похожем на каплю. Спереди седла – кажется, это называется "на передней луке"... или "на переднем луке"?... рыцарь вез похожий на ведро шлем безо всяких рогов и прочего; сзади – торчал здоровенный топор. Кольчужный капюшон с головы воин скинул – длинные рыжие волосы падали на плечи слипшимися прядями – шампунем "Хэд энд Шолтерс" тут явно не пользовались. Колька не мог понять, сколько воину лет – у него было

загорелое, обветренное лицо то ли с несколькими шрамами, то ли с глубокими морщинами.

Чуть позади тоже шагом ехал мальчишка постарше Кольки – тоже в доспехе и "распашонке" с теми же знаками, только без топора. Зато он вез длиннющее копьё с флажком, уперев нижний конец деревяшки – древка – в отставленный носок ноги. "Оруженосец", – понял Колька. Ну а следом – без строя, просто вытянутой толпой – шагали пешие. Все, как один – рослые, светловолосые или рыжие, в жестких кожаных куртках с нашитой металлической чешуёй, голыми руками, обутые в грубые сапоги. У каждого на поясе висел короткий меч или большой топор, просто шлем, похожий на половинку яичной скорлупы, сумка. За плечами – большие колчаны, из которых густо торчали перья стрел. В левой руке пешие несли луки – чудовищных размеров, выше человеческого роста, готовые к стрельбе.

Идущие громко переговаривались и смеялись. Колька не сразу сообразил, что немного понимает их речь – люди разговаривали на английском. Вернее, это было что-то невообразимое, похожее на английский. "Ну да, конечно, – подумал Колька, стараясь лежать совершенно неподвижно, только глазами ворочая, – это же в старину. Вон, "Слово о полку Игореве" тоже так написано, что ни уха не поймешь... А все-таки, – удивился он внезапно, – почему я Алесдейра понимаю, а их – нет?!"

Из тех слов, что удалось расслышать, Колька понял, что лучники говорят о каких-то домах и о женщинах. Потом кто-то загорланил песню, остальные подхватили, и Колька увидел, что даже рыцарь, чуть повернувшись в седле, поет. Так, с песней, отряд и спускался по склону, а потом свернул влево и пропал между холмов.

– Ушли, – Колька сел. – Кто это такие? Слышишь?

Шотландец не ответил. Когда же Колька повернулся к нему, то увидел – Алесдейр лежит неподвижно, и плечи его – голые, в царапинах – вздрагивают крупно и часто.

2.

Когда человек плачет – тут не до злости. Да и не до расспросов. Смеяться над тем, что парень ревет, тоже не тянуло – ясно же, тут речь идет не о разбитом носе или что там предки денег не отослали на дискобар для подростков. Поэтому Колька, продолжая сплевывать кровь и притрагиваться к своим травмам, просто сел на траву, воткнул рядом кинжал и примолк, ожидая, когда же Алесдейр придет в себя.

Кольке хотелось спать. Прошлую ночь – в Белоруссии – он глаз не сомкнул, и сейчас они сами собой закрывались. Кажется, мальчишка и правда успел задремать сидя, потому что не понял, когда Алесдейр тоже сел, и вытаращился на шотландца, не совсем врубаясь в смысл вопроса:

– Почему ты не позвал их?

Кольке понадобилось с минуту времени – придти в себя и сообразить, с чем вообще с ним разговаривает парень в драных лохмотьях с волосами до плеч и опухшими глазами.

– Я не знаю, кто они такие, – Колька помедлил и кинул шотландцу кинжал. Тот ловко поймал оружие за рукоятку, тоже задержал в руке, а потом решительно и быстро убрал за правое голенище. Посопел и спросил:

– Ты правда из клана Маклаудов? Как ты сказал тебя зовут?

– Колька... Николай, – Колька зевнул и повел плечами – холодно вроде и не было, но сырая промозглость забиралась под грязную ковбойку.

– Ни-ко-ла... Николай? – шотландец словно разжевывал слово. – Николас, Ник?

– Лучше зови Колькой, – вздохнул мальчишка.

– Так ты из МакЛаудов? – настойчиво спрашивал Алесдейр.

– Не, я из России, – Кольке надоели расспросы. – Из... короче, из Руси. Ты не знаешь, это далеко.

– Почему, знаю, – удивил его шотландский мальчишка. – У вас правит Эндрю

Бокोलюбски король. В городе Владибург. А как ты оказался у нас? Русь же очень далеко, ты правду сказал?

"Вот это фишка!" – изумился Колька. – А нам по истории говорили, что в средние века люди типа сидели сиднем всю жизнь и не знали, что за пять километров делается... А что за Бокोलюбский, не помню такого... И какой еще Влади... а, да это Владимир! А Бокोलюбски – Андрей Боголюбский! – Колька напряг память и определил: – Вторая половина XII века, кажется..."

– Откуда ты это знаешь? – по-настоящему заинтересовался он. Алесдейр вздохнул и, помрачнев, обхватил себя за плечи. Ответил не то что не охото, а с какой-то натугой:

– Отец Ян рассказывал про разные страны мне и старшим братьям.

– Отец Ян – это кто? – уточнил Колька. Алесдейр сказал так же натужно:

– Это священник нашего клана... был. Его убили. И всех вообще убили. Англичане пришли на нашу землю...

Из короткого, неохотного рассказа Алесдейра Колька понял, что ему снова "повезло" – Кашей расстарался, или что еще, но только его зашвырнуло в 1166 год "от Рождества Христова", как пунктуально и уважительно добавил Алесдейр. Шотландский король – имени его Алесдейр не называл и вообще говорил о нем с ненавистью – отдал английскому Генри (плевики Алесдейра один за другим летели в траву по мере того, как он был вынужден повторять это имя – оставалось удивляться, сколько у шотландца слюны!) кусок шотландских земель с городом Кер Лелл, и на этих землях стали селиться англичане с юга. Алесдейр без смущения признался, что они – шотландцы – всегда крали у англичан скот и иногда отрезали головы, чтобы похвастаться перед невестами и главами кланов, но никогда не пытались отобрать у соседей родину!!! А англичане начали выгонять шотландцев из домов и вообще – с земли. Уходить было некуда, да никто и не захотел. Несколько кланов – в том числе и МакЛохлэнны – взялись за оружие. Отец Алесдейра, который был главой одного из "колен" клана, трое старших братьев мальчишки, другие мужчины ушли воевать. Все их ждали, ждали – или хоть вестей о сражении. А вместо этого пришли английские лучники во главе с рыцарем, и валлийские копейщики пришли тоже, которые еще хуже англичан. англичане едят людей, все это знают, но Алесдейр сам того никогда не видел, а вот как валлийцы жарили на пиках маленьких детей – он видел своими глазами! Он сам по тому спасся, что удил рыбу. Сперва бросился домой, но увидел, что там уже все горит, и крыша рухнула, а изнутри кричали мать и сестричка. Англичане и его хотели убить, почти схватили, но он ударил одного острогой в лицо и спрятался в зарослях чертополоха за селением – пока лучники, чертыхаясь и проклиная все на свете, ломились по колючкам, он бесшумно переползал с места на место низом, подальше от шума. Его не поймали... Ночью Алесдейр подкараулил пьяного лучника и заколол его кинжалом. Хотел взять оружие, но приятели убитого заметили и снова погнались – хорошо, что луки у них не были натянуты, потому что английские ублюдки попадают даже в темноте своими стрелами в бегущего оленя за три сотни шагов – по звуку... С тех пор прошло уже пять суток, и он ничего не ел.

Колька слушал все это, внутренне содрогаясь и удивляясь тому, что шотландец говорит об убитых родичах без особой горечи. Нет, он жалел их, а главное – хотел мстить, и мстить жестоко... но какой-то характерной для колькиного времени кромешной тоски по умершим не испытывал. Он и плакал-то – как понял Колька – от того, что не сумел "как следует" отомстить за своих. И еще потому что клан, неверно погиб, а шотландец без клана – это... Тут Алесдейр не сумел объяснить, но Колька понял, что это хуже чем бомж, у которого ничего нет, а пинки и фофаны сыплются со всех боков жизни.

Колька даже возмутился про себя бессердечности Алесдейра, но рассудил, что это, наверное, потому что жизнь кругом опасная, и люди больше привыкли к смерти, чем в его, Колькином времени. Ведь например, пацаны в том времени дерутся, и даже бывает, ножи и прочее идет вход, но по пьяни или в горячке драки, а потом, случись такое, все разбегаются. А тут – Алесдейр погнался за незнакомым парнем только потому что одежда на нём ему показалась английской. И зарезал бы запросто, спокойно и даже с удовольствием.

Короче, жизнь такая. Алесдейр косвенно подтвердил мнение Кольки, упомянув, что его мать "конечно, уже была старая – больше тридцати лет – и не могла уже рожать детей." Но потом вспомнил сестренку, которой неделю назад сделал, "чтоб не надоедала", несколько соломенных кукол и глиняный домик недалеко от ручья. Вспомнил – и Колька понял, что шотландец вовсе не такой твердокаменный, каким хочет казаться, потому что губы у Алесдейра задрожали, и он поспешил со смехом начать вспоминать, как смешно дергался "английский пес", когда, он, Алесдейр... и так далее. Так мальчишки во времена Кольки, когда им было плохо или больно, отпускали "черные" шуточки и специально вели себя поразвязнее... И предложил просто:

– Есть хочешь, Алесдейр? У меня сухари и вобла... это рыба такая соленая. Немного. Вот. Держи...

...Колька понял, что никогда в жизни не видел по-настоящему голодных людей. Воблу Алесдейр стрескал прямо с костями, сухари "загрыз" в два укуса. Без церемоний запил все это водой из прозрачной ледяной лужи, скопившейся между двух кочек совсем рядом с тем местом, где сидели ребята, и учтиво поблагодарил Кольку, а потом поинтересовался:

– Так как же ты попал сюда из Руси?

– Ну... – Колька ощутил себя сидящим на горячей сковородке. – Я путешествовал.

– В наши места?! – поразился Алесдейр. – Да ты выжил из ума, русс!

– У меня это... – Кольку осенило, и он выпалил: – Обет! В честь прекрасной дамы!

Мальчишка уже в следующую секунду готов был сам себе надавать пинков, но Алесдейр неожиданно серьезно кивнул, и Колька напомнил себе, что его годы тут считаются вполне солидными – взрослый и ответственный мужчина, почти как он сам про себя любит думать, только тут это на самом деле.

– Обет – это святое, – согласился шотландец. – Ты дал обет путешествовать пешком? И именно в наши места?

– Вообще-то нет, – возразил Колька, – у меня был конь и вещи... и оружие тоже, конечно... – так, а что говорить дальше-то? А! – Меня обокрали. Ну, на постоялом дворе, на юге.

– Англичане все воры, – согласился Алесдейр. Колька даже удивился, как легко сошла его ложь. – Но теперь-то ты куда собираешься? В наших местах не бывает никого из ваших земель, тебе надо в Лондон, туда приезжают купцы из Новигарди...

"Новгорода, – перевел для себя Колька, – Нет уж, Лондон – это отстой, раз меня зашвырнуло сюда!"

– Понимаешь, – вздохнул "рыцарь в кроссовках", – я слово дал, что вернусь только когда добуду обещанное.

– Так ты не просто так путешествуешь?

– Конечно, нет! Мне нужен... – Колька собрался с духом и мыслями, прежде чем продолжить: – Мне нужен меч. Но не простой. Все, что я знаю, – это необычный меч, и он у вас, в Шотландии. Без него мне не добиться свободы для той, которая меня ждет.

– Так она в плену?! – округлил глаза Алесдейр.

– Да, – решительно подтвердил Колька. – Ее похитил колдун-чернокнижник – прямо из замка отца, тот не хотел отдавать свою дочь за этого колдуна...

– И отец твоей дамы обратился к тебе! – с восторгом, от которого Кольке стало неловко, продолжал Алесдейр. Нет, все-таки средневековых дурачить гораздо легче, чем белорусского партизана или гестаповца... – Потому что девушка была обещана для тебя, да?!

– Ну... ага, – Колька ощутил, что краснеет. Но Алесдейр не обратил на это внимания. Он, прищурившись, смотрел куда-то на холмы, над которыми накрапывал дождь, и вдруг отрывисто заговорил:

– обещания надо выполнять. Даже если это грозит смертью. Тем более – обещания даме. А моту, кто выполняет такой обет, надо помогать... Вот что, Николас... Колька из Руси. Тебе очень повезло. Кажется, я знаю, что за меч тебе нужен.

3.

Дождь начался, когда мальчишки перебирались через один из многочисленных то ли ручьев, то ли речек, встречавшихся на пути. Точнее, это был не дождь, а теплая взвесь, разом пропитавшая воздух и похожая на остывший пар или туман, но одежда от нее промокла мгновенно. Алесдейр топал и топал себе, закутавшись в остатки своего плаща – и это на голодный желудок! – а у Кольки от желания спать заплетались ноги и на ходу закрывались глаза. При том шотландец еще и не разговаривал, и после нескольких попыток Кольки завязать дорожную болтовню удивленно заметил, что на Руси, наверное совсем, безопасно, если люди в дороге вместо того, чтобы слушать и смотреть, привыкли беседовать на ходу. Чтобы не дискредитировать родину, Колька заткнулся и начал засыпать. еще было сыро и снова хотелось есть, причем по-настоящему, а не всухомятку.

...Меч, про который говорил Алесдейр, находился в небольшой церкви, стоявшей между холмов – с незапамятных времен. Судя по рассказам священника, жившего при храме Божьем, оружие принадлежало одному из последователей защитника и покровителя Шотландии Святого Андрея. Сам Алесдейр не видел меч – его держали в специальном ящике, к которому позволялось прикоснуться – но был убежден, что на доброе дело священник его если вовсе не отдаст, то по крайней мере одолжит. что Кольку в нем поражало – твердая уверенность Алесдейра, что священник не откажет. Примитивное средневековое мышление шотландца не допускало и мысли о возможности не помочь доброму делу! Колька-Николаас хороший? Хороший. Помочь ему надо? Надо. Значит – поможем.

С такой философией во времена Кольки жить было бы трудно.

Впрочем, сейчас вокруг другие времена. В них ездят верхом рыцари и передвигаются отряды лучников. Все это – не кино, потому что в кино ты просто сидишь в зале и не устаешь так, как здесь...

Уф, просто ноги подламываются!

Наконец, Колька не выдержал. Он устал, промок и спать хотел просто до "озверения", как никогда выражался его отец. Мокрый полог вокруг сгустился и сделался абсолютно непроницаемым, в нем глухли всякие звуки, и временами Кольке начинало казаться, что и он оглох тоже. Кроме того, туман отвратительно вонял – чем-то неузнаваемым и в тоже время знакомым.

– Погоди, – тихо, но решительно окликнул он Алесдейра. Шотландец обернулся с недовольной физиономией. – Постой, – опередил его Колька. – Понимаешь, я всю прошлую ночь не спал... – он хотел добавить, что все это время на ногах и куда-то спешит, но сообразил, что у шотландца, похоже не признающего иных способов передвижения, кроме пешего, такие жалобы сочувствия не вызовут. – И вообще – чем тут воняет?! – уже агрессивно, исчерпав весь запас доводов в пользу немедленного отдыха, спросил Колька.

– Воняет? – Алесдейр принялся, подняв голову и сделавшись ужасно похожим на молодую гончую, как их показывали в кино. Но это не выглядело смешно – во-первых, Колька очень устал, а во-вторых, лицо шотландского мальчишки сделалось обеспокоенным.

– Это дом горит, – тихо произнес он, продолжая приняхиваться. – Клянусь Святым Эндрю – дом... но тут нет никаких домов кроме... дьявол и все его подручные в пекле!!! Неужели они осмелились поджечь ЦЕРКОВЬ?!

Вместо того, чтобы отдохнуть, Кольке пришлось всю нестись следом за шотландцем, который словно съехал с роликов окончательно – он помчался, не разбирая дороги. А точнее – как раз отлично разбирая, ему даже сплошной ковер из вереска под ногами не мешал. Не то, что Кольке, который начал путаться в нем и несколько раз едва не упал.

Запах дыма становился сильнее и сильнее – он забивал горло, как мокрая вата, пропитанная чем-то мерзким, он нес с собой беспокойство и тревогу. Поэтому Колька не удивился, обнаружив, что рядом с ним передвигается Кашей – не идет, а именно как-то

передвигается, ухитряясь не отставать от бегущего мальчишки, не шевеля ногами. Лицо Кашея было сочувствующим и огорченным.

– Ну куда мы так бежим? – хорошо поставленным голосом поинтересовался он. Колька на бегу невнятно огрызнулся. – Ну я понимаю – Белоруссия, аист там куда-то летит, песни партизан и все такое прочее. Но ТУТ-То вы что забыли Николай?! Стрелу английского лучника в живот? Поверьте – это весьма и весьма неприятно. И называется – в чужом пиру похмелье. Что вам дело до...

– Сгинь, пропади! – прорычал Колька.

И Кашей сгинул. Но напоследок успел вздохнуть и сожалеюще развести руками, словно скорбя о неразумном поведении дорогого ему человека...

...Алсдейр, тяжело дыша и сдувая с губ перемешанный с водой пот, стоял возле выхода из лощинки, по которой они сперва шли, а потом бежали. Он не отрываясь смотрел на лениво чадающее под моросью пожарище. Церковь была каменная, из серого гранита, поэтому стены уцелели, но крыша прогорела и рухнула, двери – чем-то высаженные – сгорели тоже, и ставни, закрывавшие окна... Вокруг еще виднелось дымящееся кольцо – тут церковь обложили хворостом и дровами, которые потом подожгли.

Колька подобрал около тропинки, уводившей в холмы, стрелы с ало-белым оперением и длинным, похожим на граненый гвоздь наконечником из серой стали. Молча показал ее Алсдейру, который кинул отсутствующий взгляд, кивнул и в свою очередь указал Кольке на множество следов подкованных сапог и две цепочки конских подков. Кольке сразу вспомнился конный рыцарь с оруженосцем и пешие лучники.

– Когда подожгли? – спросил мальчишка, вертя в руках стрелу. Ему всегда казалось, что они легкие, стрелы – деревяшка, перо и кусочек металла – но стрела в его руках была увесистой, грозной.

– Не поймешь, – нехотя сказал шотландец. – Сыро... Но это точно те, которых мы видели.

– Что будешь делать теперь? – поинтересовался Колька.

– А ты? – вопросом ответил Алсдейр. Колька вздохнул. Перед ним такой проблемы не стояло – он никак не мог отправиться домой, не добыв меча. Вот не принял предложение Кашея – всю жизнь жалеть будешь...

Но что интересно – не было такого сожаления, как в прошлый раз. И страха такого не было. Может, потому что все как-то напоминало исторический фильм, и даже сгоревшая церковь не вызывал опасения. Колька вздохнул еще раз, посмотрел на часы, словно время что-то решало сейчас и ответил:

– Мне без меча возвращаться нельзя.

Очевидно, это было слишком круто даже для упертого шотландца, потому что он разинул рот и покачал головой:

– Они тебя повесят, и все...

"Могут, – про себя оценил Колька. – Но погоди, с какого перепугу им меня вешать?"

– А зачем им меня вешать? – повторил он вслух. – С какой радости?

Надо думать, над этим шотландец и не размышлял. Он до такой степени привык видеть в англичанах убийц и разорителей, что ему просто не приходила в голову возможность существования неангличанина, которого не станут вешать. Но, обдумав это, Алсдейр с некоторой даже неохотой кивнул:

– Пожалуй, незачем... Отправишься искать меч по следу?

– Да, – отважно объявил Колька.

– Тогда и я с тобой.

Заявление было неожиданным – и с точки зрения Кольки – нелогичным. Но ведь Кашей, наверное, считал, что плюнуть на освобождение пленницы – это и есть логика. А Кольке такой логики не хотелось совсем. Поэтому он сказал:

– Я буду рад. Но ведь тебя то точно повесят, если узнают, что ты МакЛохлэнн.

– Постараюсь, чтобы не узнали, – Алсдейр улыбнулся впервые за их короткое, но

содержательное знакомство. – Кроме того, мне просто некуда идти. А с англичанами я могу сражаться и там, куда ты попадешь.

– Мне бы еще врубиться, куда я попаду, – заметил Колька. – Раз уж ты решил идти со мной, то скажи хоть приблизительно, куда они могли направиться?

– В ближайший бург, – уверенно ответил Алесдейр. – Только давай сначала обшарим пожарище – вдруг они оставили меч?

Но Колька лишь молча покрутил головой – он чувствовал, он был уверен, что меча ТУТ нет. Это было то же ощущение, что на болотистом острове, когда он нашел сапоги-скороходы, выглядевшее как кирзовые сапоги.

4.

"Ближайший бург" располагался в трех лигах⁸. Как выяснилось очень скоро, лига – это много. ОЧЕНЬ. Три лиги – в три раза БОЛЬШЕ. Поэтому после первой же лиги Колька объявил, что он или ляжет спать – или помрет. Алесдейр его неожиданно поддержал, добавив, что и есть тоже очень хочется. Они поделили остатки воблы и сухарей, спрятавшись от мороси и посторонних взглядов под каменной плитой, похожей на высунувшуюся из скалы драконью морду, потом Алесдейр расстелил свой плед и, зевая, сказал, что проснуться надо когда солнце начнет клониться на вечер. Как он собирался осуществить без будильника – Колька не знал, да и не очень интересовался этим вопросом. Ему так хотелось спать, что сухая земля, поросшая редкими жухлыми былинками, показалась мягче матраца дома на кровати. Алесдейр от щедрот своих широким жестом предложил край пледа, но Колька, помявшись, отказался: плед был ГРЯЗНЫМ ОЧЕНЬ. Шотландец не обиделся – он завернулся в плед один и тут же удрых, только рыжая макушка торчала с одной, а грязные сапоги – с другой стороны.

Это было последнее, что заметил Колька – через секунду он и сам спал совершенно каменным сном...

...– Ник, Ник... Колька, вставай, пора.

Во рту был гадкий привкус, болела спина и онемело плечо. Спросонок Кольку начал колотить озноб, но он с удовольствием проспал бы еще сколько угодно, если бы не Алесдейр. Шотландец тряс Кольку за плечо – осторожно, но настойчиво – и повторял его имя в своей и слегка исковерканных русских вариациях. Он оттолкнул руку шотландца и сел. Выглядел он возмущительно отдохнувшим.

– Оооохх!... – вырвалось у Кольки. Он оттолкнул руку шотландца и сел. – Зубы почистить бы... Или нет, поесть... Или лучше зубы... Или...

Колька очень быстро ощутил, что есть еще одна – очень насущная – потребность, которую нужно удовлетворить немедленно. Или он просто лопнет. Колька дунул из их убежища.

Что интересно, пока он делал свои дела – успел заметить, что солнце и в самом деле клонится к горизонту. Подходил к концу второй из четырнадцати отпущенных ему на поиски и спасение Зорины дней. Ну что же, неплохой счет.

"Эй, стой, – окликнул себя Колька, – ты, что собираешься дальше дурака валять?! Нет, хватит, найдешь этот меч – и нах хаузе, домой!

Застегивая джинсы и зевая, он вернулся к камням, возле которых так же зевал, но глядя на небо Алесдейр. Он снова завернулся в плед.

– Пока совсем не стемнеет – будем на месте, – пообещал шотландец. На голодный желудок, конечно, не ходьба... у тебя денег нет совсем?

Колька честно покопался в карманах джинсов и ковбойки – и к собственному удивлению выудил десятирублевую монетку. Во времена Кольки это были две буханки

хлеба – или банка не очень хороших консервов, но Алесдейр обратил внимание не на номинал, а на размер и вес:

– Хорошая, большая, – одобрил он, вертя монетку в пальцах. – Легкая, правда... Порченная, что ли? – он провел по золотистому ободку с краю. – Точно, медь с серебром... Это что? – он прищелкнул по цифре 10.

– Копье и щит, – стараясь сохранить серьезность, ответил Колька. Алесдейр кивнул:

– А, точно... А это кто? – он указал на улыбающегося Гагарина в шлеме на оборотной стороне монеты.

– Святой Юрий, – так же серьезно пояснил Колька. – А вот тут написано арабскими цифрами 2001 – столько врагов в одном из сражений с его помощью сразила рать нашего князя.

– А-а... – уважительно протянул Алесдейр и перекрестился. – Какие ровные края... Ты ее спрячь подальше, поедим, когда дойдем...

...Дождь прекратился. Появившаяся невесть откуда тропинка вилась с холма в ложину и обратно, перескакивала по мосткам ручейки и речушки, ныряла в рощицы. Небо очистилось, выглянули звезды, но все равно темнота привыкшему к царству электрического света Кольке казалась сплошной.

– Ну, почти дошли, – вздохнул вдруг Алесдейр, когда они поднялись на черте-какой по счету холм. – Смотри, Ник, вон он – бург.

Горстка огней трепетала где-то впереди и слева – расстояние определить не получалось даже на глаз, ночью все огни кажутся ближе. Выше этой жалкой кучки рисовался на холме силуэт небольшой крепости, опоясанной пятнышками факелов по стенам.

– Э, э! – Колька ухватил Алесдейра за руку. – Тормози, мы что – так туда и попрячемся?!

– Да, а что? – не понял Алесдейр.

– Там же враги!

– Враги не в бурге, – терпеливо объяснил шотландский мальчишка. – А селение наше, шотландское.

– А какой клан там живет? – подозрительно поинтересовался Колька. – Не твои кровные враги?

– Да никакой клан не живет, – отмахнулся Алесдейр. – Сброд всякий... На месте бурга была крепость Брюсов, их цвет красно-черный. С теми мы правда враждовали, но я не знаю, остался тут кто-нибудь из них, или англичане всех перерезали... Ходят, правда, слухи, что старый Брюс продан им, только я точно не знаю и этого.

– Из-за чего враждовали? – любопытно спросил Колька. Алесдейр неопределенно помотал рукой в воздухе:

– Из-за скота и девок, – коротко ответил он. – Пошли, что ли поедим наконец!

Они сошли с холма, и через десять – по часам Кольки – минут тропинка влилась в дорогу, еще не вполне пустынную даже в столь поздний час. По ней тут и там шли люди, направляясь, все как один к огонькам бурга. Среди путников были и шотландцы и англичане, никто не вцеплялся друг другу в глотки, вот только мальчишка отметил, что по-прежнему понимает речь шотландцев так, словно они говорят на русском, а англичан – нет. "Может, – осенило Кольку, – это как бы знак, от кого мне можно ждать помощи, а кого нужно опасаться?"

Впрочем, эти англичане не выглядели опасными – усталые малоразговорчивые люди, почти все – с заплечными мешками, многие – с ножами на поясах и даже луками за плечами. Проскочила группа конных – при оружии, они рысью ехали по середине дороги.

– Сержанты из бурга, – сказал Алесдейр.

– Не те, что сожгли твое селение? – уточнил Колька. Шотландец удивился:

– При чем тут они? Я же сказал – это сержанты, гарнизон, они служат английскому королю, – на обочину полетел плевок. – А там были люди какого-то из пограничных баронов – лучники и валлийские копейщики. Ты видел у рыцаря золотые кресты на белом? Это кто-то из Харди. Я только молюсь, чтобы они не оказались там, куда мы идем.

– Ты же сам сказал, – напомнил Колька, – что они в бурге!

– Верно, – подтвердил Алесдейр, – но мы-то идем не в бург, а в селение. Чего ради им шататься ночью по улицам?

...В этом самом селении, ради которого они сегодня столько оттопали, было грязно и здорово воняло – неопределенной, но противной и густой вонью. Возле сложенных из плит камня и крытых зеленым дерном домов чадили и потрескивали здоровенные факелы, слышались многочисленные звуки, издаваемые скотом и людьми. За одной из стен плакал ребенок, под ногами чавкала грязь, и Колька заставил себя не думать, из чего она состоит – к горлу подкатывала тошнота. Алесдейр тоже морщился, потом вздохнул.

– Не люблю я таких мест... Воняет и грязно. Но что теперь делать!

Навстречу снова пошли сержанты – в широких плащах они были похожи на невиданных ночных птиц, факела, которые покачивались в руках, бросали багровые отблески на оружие и доспехи. Колька понял, что селение больше, чем казалось с холмов, просто огню горели только возле домов вдоль "главной улицы", а окраины тонули в темноте. От запахов, неверного полусвета, света и неопределенности накатила тоска и даже захотелось заплакать. Но это было бы, конечно, глупо и стыдно, поэтому Колька проглотил острый комой и деловито осведомился:

– Так куда мы идем?

– Тут есть постоялый двор, – у Алесдейра был усталый голос, – поедим и заночуем.

Постоялый двор, так постоялый двор, подумал Колька. Только бы поскорее придти.

Мальчишки перешагнули через нескольких человек, которые, завернувшись в какие-то лохмотья, спали прямо на обочине, вытянув ноги на дорогу. Справа покачивался светильник – не факел – выхватил из темноты тяжелую деревянную вывеску с изображением пляшущего человека с волынкой. Щеки плясуна были страшно раздуты, глаза выпучены.

– "Пляшущий волынщик", нам сюда, – указал Алесдейр.

Как раз перед мальчишками тяжелая дверь постоялого двора с визгом открылась, и наружу вывалились четверо или пятеро человек. Точнее понять было невозможно – они ожесточенно и молча тузили друг друга, а какая-то женщина, бегая вокруг, подбадривала их визгливыми пронзительными криками по-английски. Вся компания повалилась в канаву, но не перестала драться, женщина же, обрадовано вскрикнув, нагнулась, подобрав юбку, и начала быстро подхватывать с грязной земли рассыпавшиеся у кого-то из драчунов монеты. Рослый лучник, проходивший мимо, отвесил ей пинка и буркнул знакомое Кольке по фильмам ругательство. Мальчишка поежился – ему расхотелось внутрь. Но не признаваться же было Алесдейру, который распахнул дверь и первым вошел внутрь...

...В большой низкой комнате пахло множеством людей, дымом и горелым жиром, стояли гул голосов, чад от очага, на котором жарилось мясо и кипели котлы. Было душно и жарко – под самым потолком комнату опоясывал балкон, на который вели две лестницы, и по краю этого балкона чадили и брызгались смолой штук двадцать факелов. За широкими столами на низких скамьях сидели множество людей – они ели что-то из глиняных мисок, пили какой-то напиток из деревянных кружек, орали песни, разговаривали, играли в кости и обнимались с женщинами. Тут были и англичане, и шотландцы; и военные, и гражданские, хотя последнее зачастую трудно оказалось разобрать, потому что при оружии были все.

На вошедших мальчишек никто не обратил внимания, кроме заросшего усами, бородачицей и волосами хозяина в кожаном переднике – засунув большие пальцы рук за широченный кожаный пояс, он стоял возле очага с видом "нового русского" – казалось, на его лбу написано: "Жизнь удалась!" Тем не менее, он вполне предупредительно поспешил навстречу ребятам и, слегка поклонившись, поинтересовался:

– Что будет угодно молодым господам?

Колька понял его, из чего можно было заключить: хозяин шотландец.

– Поесть и заночевать, – Алесдейр незаметно, но точно и сильно толкнул Кольку локтем, и тот извлек монету. Глаза хозяина внимательно обшарили сначала самого мальчишку, его странную одежду, и только потом обратились к монете.

– Чья? – поинтересовался он, беря кружок в пальцы.

– Моя, – поспешил Колька. – А что?

– Да вижу, что твоя, – в заросли волос обнажились белые крепкие зубы. – Где чеканили? Не сказать, чтоб тяжелая... – хозяин подкинул кружок, и Алесдейр ловко поймал его в воздухе, ответив:

– Русская. Что даешь за нее?

Хозяин продолжал улыбаться, глаза весело сверкнули, он смерил взглядом шотландского мальчишку:

– Русская?... Миску каши. С мясом. Кружку пива... ладно, две. И место наверху, если найдете.

Он протянул ладонь. Алесдейр вытянул руку, но удерживал монету двумя пальцами.

– И завтрак утром. Я не говорю: "Поимей совесть", – и Алесдейр отпустил грубую шуточку, заставившую хозяина утробно хохотнуть. – Просто шотландец не надует шотландца. Воздуху не хватит.

– И завтрак, – кивнул хозяин. – Ищите место, мои принесут.

Монета упала на ладонь, и хозяин, повернувшись, исчез в толпе.

– Жирный боров, – беззлобно, впрочем, выругался Алесдейр, – можно было получить вдвое больше, да ладно... Пошли искать место.

...К большому облегчению Кольки, выяснилось, что никто из зверски выглядевших посетителей "Пляшущего волынщика" не держит и в мыслях специально обидеть мальчишек – на них внимания-то особого не обращали, и ребята довольно быстро нашли пустые полскамейки за столом в углу. Колька сел почти с удовольствием. Алесдейр бухнул на стол локти и шёпотом признался:

– Мутит меня.

– Да, воняет тут здорово, – согласился Колька, но Алесдейр помотал своей спутанной гривой:

– Да нет, жрать хочется – прямо тошнит.

Кольке тоже хотелось есть, но запахи отбивали половину аппетита. А вид еды, принесенной довольно красивой девчонкой, с любопытством поглядевшей на Кольку, аппетита не добавлял. В миске среди бурого варева лежали похожие на обрывки дубленой кожи куски мяса. Две кружки, наполненные до половины светло-желтой жидкостью, прикрывали здоровенные ломти серого хлеба. Ставя все это на стол, девчонка подмигнула Кольке и потерла палец о палец – тот уставился в стол, а Алесдейр без смущения сообщил:

– Ты ей понравился... Ну, с нами бог и Святой Эндрю!

Гарнир оказался жареной чечевицей. Мясо прожарили скорее для того, чтобы отбить душок. А в кружках плескалось пиво – еще отвратительнее того, которое Колька несколько раз пробовал в своем времени. Хорош был только хлеб. Впрочем Алесдейр мел все со страшной скоростью, да и Колька после вспыхнувшего было отвращения разохотился и почти не отставал от голодного шотландца – только вот пиво никак не глоталось, и Алесдейр выпил обе кружки. Точнее – одну целую кружку.

– Ты, кстати, можешь переночевать получше, чем на соломе, – обратился он к Кольке.

– Ты это о чем? – удивился мальчишка. Алесдейр хмыкнул:

– Та белобрысая наверняка будет тебя ждать. Даже без денег.

Колька побагровел и уткнулся в стол. Алесдейр расценил его смущение по-своему и поспешил:

– Прости, прости, конечно, ты же клялся своей, той, которая в плену! Прости, я не то сказал... Ладно, если мы поели, то... – шотландец начал вставать, но вдруг чудовищно побледнел и плюхнулся на место, опустевшим взглядом меряя дверь.

Колька проследил его взгляд – и увидел нескольких невысоких черноволосых людей, как раз вошедшие в комнату. Они были одеты в жесткие кожаные куртки и штаны, белые грязные накидки с золотыми крестами, обуты в сандалии с высокой шнуровкой, лица раскрашены синим и алым. На поясах висели короткие и очень широкие мечи, продетые в

кольца. Особой агрессии эти посетители не проявили – стояли у порога и переговаривались на пляшущем, как вода на перекате, языке.

– Валлийцы, – прошептал Алесдейр и спустил с плеча плед, чтобы скрыть его расцветку.

– Нас ищут?! – Колька напрягся.

– Нет... Ник, если они наткнутся на меня – ты со мной не знаком...

Последовало несколько жутких мгновений – скамья напротив мальчишек внезапно освободилась, и кто-то из валлийцев показал товарищам на нее!!! Колька услышал, как стучат зубы Алесдейра и поймал его отчаянный взгляд – шотландец боялся. Но валлийцам не приглянувшись скамья возле мальчишек – довольно бесцеремонно расталкивая ноги и локти других посетителей, они убралась куда-то на другой конец зала и там уселись за освободившийся стол. Алесдейр перевел дух и убрал за голенище свой кинжал – Колька и не заметил, как шотландец его извлек и держал под столом.

– Пойдем-ка спать поскорее, – предложил он. – Во-первых, хочется, а во-вторых это безопаснее.

– Ты справа от меня иди, – показал Колька, – так они тебя не увидят.

– Угу, – буркнул Алесейр, поднимаясь. – Пошли вон к той лестнице и сразу наверх.

Но до лестницы они дойти не успели – навстречу из-за стола поднялись трое мрачных мужиков в черно-серо-зеленых килтах, с нечесаными бородами и оружием на поясах. Они заступили дорогу мальчишкам, и тот, что встал в середине, уперев руки в бока, кивнул Алесдейру:

– Ты, МакЛохлэнн, можешь идти. У нас с вами дел нет. А этот чертов Глэнн останется и поговорит с нами.

Колька ничего не понял, но уловил взгляд Алесдейра, брошенный на его ковбойку и понял – что-то не то. Хотя что может быть "не то" в обычной черно-бело-красной клетчатой ков... БЛИН!!! Вот то и, что клетчатой!!!

– Пусть начнет объяснять с того, как это он перепутал рубаху и килт, – хмыкнул второй бородач, помоложе. Третий просто достал кинжал и обрезал им ногти, поглядывая на Кольку.

– Это мой друг, – Алесдейр вздернул подбородок и упер руки в бока. – Если это слово не понятно скотокрадам, спустившимся с северных гор, так я проговорю по буквам: д-р-у-г. Вам ясно, Кавендиши?

Колька мысленно взвыл. Юный шотландец не слышал и слыхом о психологии и улаживании конфликтов – он вообще на этот конфликт нарывался. Между тем старший из бородачей взревел:

– Скотокрады?! Ах ты, гадючье племя! Да это они угнали у нас двадцать голов скота, мы его три недели ищем на ваших равнинах, и тут такая удача! – уже без лишних слов церемоний он сгреб Кольку за грудки... и получил коленом между ног, причем Колька неожиданно для самого себя рывкнул:

– Да пошел ты!... – и добавил: – Хобби, нафик, какое-то – с кем не встречусь, норвят морду бить!

Слева зазвенела сталь – кинжал Алесдейра столкнулся с кинжалом молчаливого Кавендиша. Третий схватился за оружие, он на его голове с треском разлетелась кружка, брошенная вскочившим из-за соседнего стола рыжеволосым англичанином, прооравшим что-то о шотландцах и их скверных привычках. Через три секунды – по часам засекай – дралась вся присутствующая публика. Мальчишки оказались в центре свирепой мужской месиловки, какие Колька видел только в кино. Краем глаза он заметил, что валлийцы повскакивали из-за стола и встали спина к спине, обнажив мечи, а уже в следующий миг Алесдейр тащил Кольку к одной из лестниц наверх – оттуда свесилось несколько физиономий, но никто не спешил спускаться. Мальчишки как раз начали вскарабкиваться по расшатанным ступеням, когда дверь позади распахнулась и внутрь вломились пол дюжины сержантов, использовавших свои луки со снятыми тетивами, как дубинки – лупили и правых и виноватых. Это напоминало репортаж несанкционированного митинга активистов

движения "Свободу хомячкам!" – как их показывают по телику в мире... во времени Кольки. Мир один и тот же.

– Ты че не дал мне разбить рожу этому патлатому дауну с заточкой?! – вместо благодарности прошипел Колька, вырывая свою руку из пальцев шотландца. – Ты мне кто – нянька?!

Алесдейр от души захохотал. Сквозь смех произнес:

– Ты настоящий шотландец, Ник! Но я побоялся, что тебя зарежут – Кавендиши приняли тебя за Глэнна, я как-то не сообразил, что у тебя рубашка их расцветки... Да, и никакие они не МакДауны, ты ошибся. МакДауны живут на самом севере...

Колька задержал дыхание, закрыл глаза и заставил себя сосчитать до пяти. Потом развел руками:

– Проехали. Мы сюда залезли спать? А эти стражи порядка сюда не припрутся?

– Зачем? – удивился Алесдейр, зевая и потягиваясь. – Смотри, все уже закончилось.

Действительно, драка внизу улеглась после того, как наиболее активных ее участников – в их числе, к злобной радости Кольки, всех троих Кавендишей – выволокли наружу. Оттуда еще доносились вопли, но оставшиеся посетители успели рассестись по скамьям и вернуться к разговорам, выпивке и еде. Колька взглянул на место, где им предстояло спать, и тяжело вздохнул – на балконе была навалена солома, и на ней плотным рядом лежали люди разного возраста и разной национальности. Большинство не соизволили проснуться, храп стоял на разные голоса и спорил в навязчивости с тяжелой жаркой вонью: все запахи снизу скапливались под крышей.

– Мда, – сказал Колька. – А...

– Если бы у нас были деньги – можно лечь в отдельной комнате с очагом и постелью. Но денег у нас нет, – здраво объяснил Алесдейр и, подумав, добавил: – А вы, люди из Руси, привередливые. Отец Ян рассказывал, что у вас даже едят не только ложками, но еще и какими-то маленькими вилами, это правда?

– Правда, – буркнул Колька. – Давай ложиться уже, а?

– Давай, – согласился Алесдейр и разматывая свой плед, протиснулся вдоль стены куда-то в середину ряда спящих, где бесцеремонными пинками расчистил кое-какое место. Колька последовал за ним.

Солома здорово слежалась и пахла прелым, но ее было много, так что лежать оказалось не жестко. Колька уже хотел было сообщить об этом Алесдейру, но язык не ворочался, и мальчишка даже не успел понять, что спит.

5.

Перед носом у Кольки был крепко сжатый кулак – грязный и исцарапанный, но самый настоящий. Проснувшись, Колька уже с минуту сонно рассматривал этот кулак и размышлял о сложностях жизни, и том, до чего противно во рту и как сильно чешутся ноги выше кроссовок.

Когда эти мысли исчерпали себя, Колька перевернулся на спину и сел.

Снаружи было почти светло. людей слева и справа стало поменьше; внизу женщины, вяло работая метлами, убирали прямо за распахнутую дверь мусор. Человек десять – то ли припозднившиеся завсегдатаи, то ли ранние пташки – сидели за столами. Хозяин подпирал стойку. Алесдейр спал – это его кулак Колька и созерцал перед сном, проснувшись.

А ноги чесались потому, что во сне штанины джинсов задрались, и на открывшейся коже даже сейчас мирно сидели три блохи.

– Во блин, – слегка передернулся Колька, но, прежде чем сбить блох, пощупал шпоры – они были на месте.

Переступая через спящих (и иногда на них наступая, на что те, впрочем, не обращали внимания – даже не просыпались!), Колька спустился вниз. Хозяин приветствовал его вялым

жестом, Колька, непринужденно почесываясь, осведомился:

– Сортира у вас, конечно, нет? Мне по-большому.

– Есть обещанный завтрак, – хозяин зевнул – в бородище открылась ужасающих размеров зубастая яма.

– Ясно, – вздохнул Колька...

...Хорошо, что около выгребной ямы позади "Пляшущего волынщика" росли солидные лопухи...

...Алесдейр еще не проснулся. С удивлением ощущая, что выспался, и неплохо, Колька подпер косяк двери и подмигнул вчерашней служанке – та фыркнула и отвернулась. Очевидно, мальчишка ее разочаровал. Потом на глаза Кольке попался тип в грязном одеянии – он спал под одним из столов в обнимку с чем-то, напоминающим гитару, только с овальным корпусом и г-образным грифом.

– Это кто? – уже по-свойски обратился Колька к хозяину.

– Менестрель, странствующий певец, – пояснил тот. – Ввалился за полночь уже пьяный, клялся, что споет за уплату, да вот нажрался, как настоящий англичанин, и свалился под стол. Чистые убытки с этим народцем – певцами, да монахами, жрут и пьют в три горла, а платят – как курица доится.

Он еще что-то говорил, но Колька, которому пришла в голову неожиданная и светлая мысль, уже подошел к спящему, нагнулся и забрал у него инструмент – тот и не колыхнулся. Мальчишка присел на скамью верхом, подергал толстоваты струны, подкрутил деревянные регуляторы и опробовал этого предка гитары на одной из мелодий Стинга, поминая добрыми словами отца, который позапрошлым летом научил Кольку азам гитарного искусства. Правда петь на людях Колька стеснялся – особенно если слушали девчонки. Но тут случай другой. Он помолчал, постукивая пальцами по исцарапанному корпусу, и выдал из старого мультику – песня оказалась подходящей:

– Пусть нету ни кола и ни двора -
Зато не платят королю налоги
Работники ножа и топора,
Романтики
большой дороги!

– Колька изобразил эффектный перебор и повысил голос:

– Не же-ла-ем
Жить
По-другому
Не же-ла-ем
Жить!
По-другому ходим мы,
По краю ходим мы,
По краю
Род-но-му-у!!!

Еще при первых звуках звонкого мальчишеского голоса головы посетителей начали заинтересованно поворачиваться к певцу. Окончив припев, Колька обнаружил, что к нему начинают подсаживаться. Для здешних он пел по-шотландски, но среди слушателей были и англичане – очевидно, понимавшие язык своих врагов. Ободренный вниманием, Колька продолжал выступать:

– Нам лижут пятки языки костра -
За что же так не любят недотроги

Работников ножа и топора,
Романтиков
с большой дороги!

Во время припева Колька сам себя не слышал – его подхватили хором, слушатели оказались благородными и невзыскательными. Вокруг Кольки собралась толпа, и при всеобщем одобрении он спел третий куплет, после чего мальчишку раз тридцать стукнули по спине, а к его ногам набросали очень даже солидное количество монет, требуя лишь одного – спеть еще "из новенького". Колька пропел (в сокращенном варианте) "Я начал жизнь в трущобах городских", а потом, едва он начал из Цоя:

– Среди связок в горле комком теснится крик -
Но настала пора, и тут уж кричи, не кричи!
Лишь потом кто-то долго, долго не сможет забыть,
Как, шатаясь, бойцы о траву вытирали мечи...

– вокруг все притихли, когда же он закончил – разразились воплями и улюлюканьем, выражавшими полное одобрение. Колька еле отвертелся от дальнейшего исполнения, сославшись на то, что надо поесть.

Хозяин смотрел на него задумчиво. Колька отставил свой инструмент и выслушал замечание:

– По-божески надо бы заставить тебя заплатить за завтрак. Ты выручил побольше моего.

– Заплачу, – пообещал Колька, – если завтрак не будет похож на вчерашнюю кормежку.

– Накормлю до отвала и бесплатно, – неожиданно предложил трактирщик, – если согласишься сегодня вечером спеть для посетителей.

Колька не успел ни согласиться, ни отказаться. Он как раз увидел голову Алесдейра – взлохмаченную больше обычного – над перилами, собирался махнуть ему, но голова вдруг исчезла, а хозяин, опустив глаза, отступил в сторону со словами:

– Благородный сэ...

И Кольке поплохело.

Рыцаря он узнал сразу, хоть и видел его все один раз в жизни, да и то недолго. Сейчас он был без доспехов, в тугой коже, но в накидке с крестами, меч и кинжал в широких перевязях оставались при нем. За плечом рыцаря стоял мальчишка-оруженосец – он смотрел на Кольку со скучным презрением как сынок "нового русского" на сына профессора ВУЗа. Колька ответил многообещающим взглядом и обратил внимание, что у входа в зал, широко расставив ноги, замерли трое лучников.

– Ты неучтив, – сказал рыцарь, и Колька его понял – значит, говорит по-шотландски. – Не поднялся, не назвал себя...

– Я не простолудин, – заставил говорить себя спокойно Колька. Рыцарь наклонил голову:

– Тем более... Ты здесь гость – я хозяин, земля эта дарована мне и моим детям моим королем. Так назовись, юноша.

Колька подумал, что "юношей" следовало назвать самого рыцаря, а его – все-таки "мальчишкой", но в этом времени взрослеют раньше. А в словах рыцаря была логика и справедливость, поэтому Колька в ответ чуть поклонился и назвал:

– Николай. Из города Владимира, что в русских землях.

– Сэр Ричард, лорд Харди, сеньор этих мест, – рыцарь не спускал глаз с Кольки – равнодушных и холодных, как осеннее небо. – Вот что я хотел сказать...

– Ты пёс, а не наш сеньор! – раздалось рычание, и через весь зал из угла на рыцаря бросился шотландец в незнакомых Кольке цветах – Не МакЛохэнн, не Кавендиш и не Глэнн. В руке шотландец держал короткий меч, он перескочил немыслимым прыжком стол с

шарахнувшимися людьми и с диким воем занес оружие.

Мальчишка-оруженосец одним прыжком оказался перед господином, выхватывая длинный кинжал. Но шотландец так и не нанес удар – что-то певуче щелкнуло, и длинный штрих, прошив нападающего насквозь, отшвырнул его на столы. Колька поспешно отвернулся и увидел, что один из лучников уже держит стрелу на тетиве.

– Спасибо, Длинный Дэнни, – не поворачиваясь и не поведя бровью, только отстранив оруженосца, произнес рыцарь. – И вот кстати – узнай, кто был этот бунтовщик и где его родные. Если они тут – пусть их всех повесят на стене бурга. И его – тоже.

– Исполним, сэр Ричард, – лучник вышел, убирая стрелу в колчан.

– Упрямые животные... – пробормотал сэр Ричард Харди. – Так я хотел сказать, что ты неплохо поешь. Если согласишься пойти ко мне в отряд и петь для моих людей, то получишь золотой кубок и плату золотом каждый месяц. Ну и долю в добыче, хотя сражаться я тебя не заставляю.

– Ха, – негромко сказал оруженосец, по-прежнему презрительно глядя на Кольку. Рыцарь потрепал оруженосца по волосам и толкнул в затылок:

– Присмотри, чтобы убрали эту падаль... Хозяин! – повысил он голос. – Вот тебе за беспокойства! – рыцарь оторвал от накидки золотую бляшку и кинул ее на пол. – Так как, юноша?

– Я умею сражаться, сэр Ричард, – нагло соврал Колька, – а вот петь за деньги меня на родине не учили.

– А это? – носок рыцарского сапога коснулся денег на полу.

– Только чтобы оплатить еду.

– Жа-аль... – сэр Ричард не проявил внешне никакого гнева или недовольства. – Но я прошу тебя, русс, спеть хотя бы сегодня вечером в бург, после того, как протрубят тушить огни на улицах. Будет пир в честь победы над мятежниками и соревнование менестрелей. Если ты не хочешь служить мне и брать деньги как жалованье, то спой всем и возьми их, как выигрыш.

– В бург? – Колька отвел взгляд, но тут же вновь взглянул в глаза рыцаря. – В бург спую, сэр Ричард. Сегодня, как ты сказал.

6.

"Жратва", как определил про себя Колька, отчаявшись понять, что это такое по здешним понятиям – завтрак или лэнч – оказалась не в пример вчерашней: скоч-брос и хагис, как пояснил Алесдейр, сам активно навалившийся на принесенные порции. Скоч этот самый оказался чем-то вроде супа-пюре из овощей и мяса, а хагис – овечьим желудком, набитым рубленой печенью.

Покончив с едой, Колька удовлетворенно отметил про себя, что впервые за последние несколько дней он выпался, сыт и неплохо себя чувствует.

– Сейчас бы вымыться, – мечтательно сообщил он жевавшему Алесдейру, – и горячего какао долбануть.

– Умгу, – согласился шотландец, подбирая последние крошки с тарелку куском ячменной лепешки. – Ты и правда решил петь перед ними?

– А как еще пробраться в бург? – бесшабашно пожал плечами Колька. – Меч там... Ты понял, – он понизил голос и нагнулся через стол к шотландцу, наострившему уши, – почему он даже с лучником по-вашему говорил? Чтобы типа припугнуть меня. Чтоб я не сбежал, вот!

– Смотри, Ник, – покачал головой шотландец и, рыгнув, отстранил блюдо. – Я готов поклясться распятием Святого Эндрю, что этой сволочи и вправду понравилось, как ты поешь. Твой Владибург и Эндрю Боколюбски король далеко, никто не помешает Ричарду Харди схватить тебя, приказать отрубить ноги и возить с собой, чтобы ты пел ему и его

людям.

Колька похолодел при одной мысли о возможности такого исхода. Но он ответил храбро:

– Неужели он поступит так с человеком, который ему равен? Ведь не до такой же степени он гад!

– Кто знает? – пожал плечами Алесдейр. – И потом, ты только СКАЗАЛ, что не простолюдин. У тебя нет ни рыцарского пояса, ни золотых шпор. А этот Харди – чтоб с ним Сатана танцевал по ночам! – чувствует себя тут полным хозяином. Может, он и своему слову хозяин тоже... а может – и нет.

– Ну выхода-то все равно нет, – ответил Колька. И почти не удивился, обнаружив Кащея, в элегантной позе стоящего рядом:

– Ну как же нет, Николай, как же нет...

Колька сел к Кащею спиной и продолжал:

– Так что не миновать мне идти туда. А на месте разберусь...

– Да это правильно, конечно, – согласился Алесдейр, – я и не отговариваю, я просто к чему? Нехорошо тебя туда идти одному. Надо и мне глянуть, что та к чему – может, пригодится на будущее...

– Тебя же просто убьют, – напомнил Колька. Алесдейр отмахнулся:

– Скажешь, что я твой помощник. Вон, лютню за тобой ношу.

– Лютня, вот как эта штука называется! – щелкнул пальцами Колька...

...То, что время останавливается, когда чего-то ждешь – известно совершенно всем. Алесдейр – человек средневековый привыкший ждать – относился к происходящему философски-спокойно. А Колька места себе не находил.

лютню они сперли у так и не проснувшегося менестреля. Колька, поколебавшись, положил рядом со смятым два серебряных пенни – большие деньги, как укоризненно пояснил Алесдейр в ответ на слова Кольки: "Это за прокат." После этого мальчишки отправились гулять по селению.

– Интересно, – задумчиво спросил Колька, рассматривая серое небо, у горизонта подрезанное яркой-яркой полоской голубизны, – а странствующие рыцари имеют право петь на пирах?

– Конечно, – не удивился Алесдейр. – Любой воин должен уметь петь, иначе как рассказать о своих и чужих подвигах? Вот, послушай... – и шотландский мальчишка затянул безо всякого смущения в голос длинную балладу с многочисленными повторами, в которых скоро потерялся весь ее воинственный смысл. Когда Колька ощутил, что опухает и сейчас даст своему спутнику по физию, Алесдейр закончил петь и гордо пояснил:

– Это песня моего прадеда Коннолта МакЛохэна. Он сложил ее после того, как одного за другим вызвал на поединок и сбросил со скал в море пятерых данов, пришедших из северных стран. Это было давно... Понравилось?

– Впечатляет, – согласился Колька и подумал, что все-таки поет Алесдейр лучше, чем многие "звезды" из его, Колькиного, времени.

– А что ты собираешься петь на пиру? – поинтересовался Алесдейр.

– Не знаю, – признался Колька и потер лоб, отметив, что руки у него очень грязные. – Я так просек, что это не просто пир, а еще и соревнование?

– Ну да, – подтвердил Алесдейр, перешагивая через здоровенную щетинистую свинью, валяющуюся посреди лужи. – Сначала споют все, кто желает, потом этот Харди выберет лучшего и одарит его... Но ты можешь победить. Новые баллады бывают нечасто, а то, что ты пел, никто не слышал в этих местах.

На площади, куда они вышли неспешно, торговали. Стояли шут и гвалт, как на обычном базаре, только в место милиции были все те же сержанты с замкнутыми лицами. Пахло скверно, под ногами чавкало, и не хотелось думать из чего состоит эта жижа. Никто и не думал – в этой грязи даже играли чумазные дети. Кольке не верилось, что все эти люди вокруг – предки современных англичан и шотландцев, которые принимают душ четыре раза

в день и купаются в дезодорантах.

Алеседей прочно прилип к улюлюкающему и свистящему кругу, в котором с хрипом и ревом сражались две больших черно-рыжих собаки. Колька попробовал посмотреть и не смог – пошел рассматривать товары. Остановившись, мальчишка ловил себя на том, что ищет знакомые вывески "кока-кола", "кодак", "самсунг" и прочие, без которых не обходится ни один торговый ряд на свете. Тут – обходились, хотя какие-то торговые знаки были и здесь, почти все товары имели свои метки.

Колька остановился возле оружейной лавки. Угрюмый рыжий богатырь что-то пробурчал явно вопросительно, но, увидев, что мальчишка не отвечает, а просто глазеет, потерял к Кольке интерес. В приделе за лавкой вспыхивал огонь и бухал молот, то и дело оттуда выскакивали к большущей бочке с водой двое крепких мальчишек в кожаных передниках и погружали туда какие-то раскаленные железяки, а потом волокли их обратно. Несколько человек – мужского пола и разного возраста – тоже глазели на товары, потом подошел лучник и купил, не торгуясь, три десятка длинных, похожих на граненые иглы наконечников, которые ссыпал в кожаный кошель, как ссыпают в карман семечки.

Повздыхав над длинным кинжалом с красивой рукоятью и утешившись мыслью: мол, скоро у меня будет настоящий меч! – Колька пошел дальше. Нога за ногу. Посмотрел, как торгуют разной фигней для лошадей. Потом на кулачный бой; Тайсон в таком не продержался бы и раунда, двое здоровенных мужиков, все в кровище, под выкрики зрителей молотили друг друга не только голыми кулачищами, но и ногами, и головами бодались. Судя по всему, это были англичане. Шотландцы неподалеку развлекались тем, что швыряли на дальность, нечто похожее на телеграфный столб. Чернявый низенький суконщик на трескучем быстром языке, перемешивая его с английскими фразами, подбивал на покупки женщин – Кольке показалось, что он узнал итальянские слова.

Площадь открывалась на окраину городка, и Колька, опасливо обойдя стадо низеньких и невероятно мохнатых коров, которое охраняли все те же валлийцы-наемники, увидел, что и тут много народу. Шотландцев не было, зато англичане галдели вовсю. Мальчишки облепили невысокий барьер, опасливо кренившийся под тяжестью и ударами пяток. Женщины – наверное простолюдинки – стояли вместе с мужчинами, не участвовавшими в соревновании.

Соревновались лучники. Наверное, уже давно, их оставалось человек пять – сержант, двое в белом с золотыми крестами и двое "в гражданском". В нескольких десятках метров от них на деревянный столб был надет щит с маской, и Колька краем уха различил возбужденные слова кого-то из зрителей: "...шют ан фэрлонг!" Иногда читать книги все-таки полезно – из "Властилина Колец" Колька помнил, что фарлонг – это около двухсот метров! а "шют" – оно и есть "стрелять" в наше время.

– Йуууу! – загудела толпа. Двое лучников выстрелили одновременно, одна стрела отскочила, ударившись в шлем. Почти тут же выстрелил и сержант, но промахнулся и отошел, сплюнув. Остались лучник сэра Ричарда и один из "гражданских", молодой парень. Они целились, растянув тетивы до уха и выстрелили одновременно.

– Йууу!!! – снова взвыли зрители. Одна из стрел торчала в левой глазнице шлема! У Кольки даже челюсть отвисла. Попал, судя по всему "гражданский" и немедленно вспыхнула ссора, соперников бросились разнимать.

– Кое у кого из них еще осталась совесть, – прохрипел над ухом мальчишки голос, и он, обернувшись, увидел одетого в лохмотья старика, глаза у которого были закрыты повязкой.

– О чем... ты? – Кольке пришлось сделать над собой усилие, чтобы назвать на "ты" старого человека. Старик безошибочно повернулся на голос:

– О них, мальчик, – он указал – снова безошибочно в сторону толпы. – Разве ты не слышал, о чем кричал молодой лучник, который победил?

Наверное, старик ослеп очень давно, если мог такое различать на слух.

– Я не знаю английского, – ответил Колька.

– А... Молодой лучник крикнул, что господин его соперника сжег Божью церковь, и

что, те кто творит такое, лишь обозляют шотландцев... Ты не знаешь, мальчик, правда ли сказанное? Они сожгли церковь?

– Да, – Колька машинально кивнул. – Я увидел эту церковь, ее сожгли воины барона Харди.

Старик перекрестился и толи пробормотал, то ли тихо пропел:

– Жестока жизнь, ее виденья грубы,

А мертвых Бог забыл...

Иди, певец, и не споткнись о трупы -

О тех, кого ты так любил... – и, прежде чем Колька успел задать хоть один вопрос, быстро и бесшумно растаял в толпе. Мальчишка сунулся его искать, но вместо этого наткнулся на Алесдейра – шотландец был взволнован и тряхнул Кольку за плечи:

– Куда ты пропал?!

Позже Кольке казалось, что именно от этой встряски у него сформировался план – как, бывает, начинает работать заевший магнитофон от хорошего удара.

– Слушай, – обхватив Алесдейра рукой, прошептал Колька, таща его подальше от толпы, – я уже кое-что придумал...

7.

Нет, жить в рыцарском замке решительно не стоило. Во-первых, отовсюду свистали сквозняки. Во-вторых, пахло дымом. В-третьих, непривычно было видеть вокруг сплошной и серый камень, из которого были сложены стены башни – в основании у нее и помещался зал, где проходил пир.

В целом обстановка соответствовала описаниям из учебников истории. На полу, устланном соломой, дрались из-за костей собаки. В нескольких очагах пылало пламя – настолько мощное, что колебались висевшие по стенам драпировки и знамена под потолком. Возле горящих факелов стояли вперемежку сержанты и воины барона Харди. В целом было светло и куда теплее, чем снаружи.

Столы поставили громадной буквой Т. За "верхней перекладиной" сидели всего человек десять – среди них Колька узнал только сэра Ричарда, притихший Алесдейр объяснил шёпотом, что там сидят шериф⁹ с женой, бейлиф¹⁰ тоже с женой, вождь предателей-шотландцев Джед МакДугл и несколько наиболее знатных гостей, кое-кто тоже с женами. За остальными столами устроилось человек сто, причем мужчины были хоть и не в доспехах, но при оружии – с мечами, да и здоровенные ножи, которыми ловко разделявали мясо и птицу, тоже имели явно "двойное значение". Замковый сержант, заглянувший за мальчишками, как и было обещано – после тушения огней, указал им места и исчез, не соизволив ничего объяснить. Но на килт Алесдейра никто не обратил внимания – он оказался не единственным шотландцем за столом, – а сэр Ричард к немалому смущению Кольки встал и, подняв здоровенный рог, окованный серебром, по-шотландски провозгласил тост за "моего гостя, барда из далекой Руси, Николаса из Владибурга, который обещал спеть сегодня на пиру". Колька поднялся, чувствуя себя полным болваном, поклонился, и увидел, что рог-то плывет вокруг стола к нему в руках того самого пажа. Мальчишка с поклоном передал посудину с полутора литрами вина Кольке, ухитрившись одновременно сделать быстрый жест, который можно было истолковать всяко: "Вот так я тебе глотку перережу". Причем жест был умело замаскирован...

Когда вокруг с таким очарованием роняют такие угрозы, а главное – серьезно относятся к своим обещаниям, то единственный способ сберечь и голову и нервы – стать таким же, как окружающие. Принимая рог, Колька так же незаметно и быстро заломил

нахаленку указательный палец на правой руке и улыбнулся, благодаря поклоном. Паж не подал виду, но потянул воздух сквозь зубы от боли. С тем и отошел.

"Принять на грудь" полтора литра виноградного вина – это не шутки, а все вокруг внимательно за этим следили и, пристукивая своими посудинами по столу, что-то орали – скорее всего, древнеанглийский вариант русского "пейдоднапейдодна!"... Интерес ситуации еще был в том, что рог нельзя было поставить или положить не опустошив – немедленно пролилось бы недопитое, а Колька помнил, что рассыпать соль, уронить хлеб, или пролить вино в чьем-то доме в старину было страшным оскорблением. Поэтому он осилил вино, брякнул рог на белую с коричневой вышивкой скатерть и, чувствуя, как голова начинает кружиться, поспешно сел и пододвинул к себе здоровенный ломоть хлеба, на который Алесдейр уже водрузил большой ломоть жареного мяса и тушку бекаса.

"Я так и петь не смогу, – не испуганно, а расслабленно подумал Колька, разламывая птицу. – Видела бы мама – что там две "пары" в дневнике!"

К счастью для несовершеннолетних путешественников из XXI века, в веке XII не знали крепких напитков, здешнее вино было просто чуть забродившим соком – и скоро опьянение схлынуло.

Впрочем, как тут выяснилось, за своими переживаниями Колька пропустил кусок пира и даже начало сореживания. Сухощавый старик в желто-синем давал жару на арфе и редкостно мощным голосом пел балладу – как объяснил Алесдейр, о первом крестовом походе и о том, как во славу Божию Святое Воинство за одну ночь перерезало больше миллиона неверных.

– Очень приятная тема, – пробормотал Колька, собираясь с мыслями и лихорадочно решая, что спеть – его могли позвать "следующим номером"! Но следующим вышел сам сэр Ричард. Он пел даже не по-английски, а на каком-то диалекте французского языка – знать его отлично понимала, да и песню, кажется, хорошо знали, потому что хором подхватывали последние строчки каждого куплета и даже раскачивались за столами из стороны в сторону. Кольке показалось, что песня была о любви, хотя он сам не мог объяснить, откуда у него такое ощущение. Выяснить точнее мальчишка просто не успел – раскланявшись, барон Харди уже по-шотландски предложил:

– Теперь пусть споет наш гость из Руси – невежливо было бы заставлять его ждать!

Колька поднялся с места, ощущая себя пацаном, которого заставили почитать стишки на взрослой вечеринке, прежде чем отправиться спать. Но Алесдейр сунул ему настроенную лютню, подмигнул, и Колька напомнил себе, что тут его возраст никого не удивит, для этих людей он вполне взрослый мужчина. с этой ободряющей мыслью он и вышел на противоположный от главного стола конец, где стоял трехногий табурет. Впрочем, Колька уже успел приспособить к лютне ремень по-гитарному, и среди притихших гостей пронесся удивленный шепоток – тут принято было играть сидя, держа инструмент на колене.

– Прошу прощенья, – Колька вскинул голову. – Я спою песню моей родины, благородные господа и прекрасные дамы. Я переложил ее на шотландский, потому что не знаю английского, но тут большинство, конечно же, знают по-шотландски. В общем это казачья песня, – и, раздухарившись вконец, Колька растоптал историческую достоверность в пыль своими кроссовками в шпорах: – Казаки – это русские воины, которые живут на границах с дикими племенами в степи и постоянно воюют. На свете нет воинов храбрее – желающих в этом убедиться прошу пожаловать на Русь. Кхм... вот.

Он закрыл для храбрости глаза, но присутствующие конечно решили, что так и положено...

– Как на черный Терек,
как на черный Терек
выгнали казаки сорок тысяч лошадей
и покрылось поле, и покрылся берег
сотнями пострелянных-порубанных людей...

...Это было что-то, Колька и сам понимал. Но если опасался провала, то ошибся. Средневековые люди вообще очень близко принимали к сердцу рассказы и песни, переживая их, как происходящее, а не просто историю. Поэтому, открыв глаза на словах:

– Жинка погорюет -
выйдет за другого,
за мово товарища, забудет про меня!
жалко только волюшки во широком полюшке,
жалко мать-старушку да буланого коня!...

Колька увидел, что все дамы смотрят на него не мигая, а несколько мужчин, опершись лбами на кулаки, тяжело задумались. Припев в третий раз ахнули хором – так, что заметалось пламя факелов:

– Любо, братцы, любо,
любо, братцы, жить!
С Андреем Боголюбским не приходится тужить!
Князь наш, братцы, знает, кого выбирает -
Эскадрон, по коням -
да забыли про меня
Им досталась волюшка
во широком полюшке,
мне досталась пыльная горячая земля...

Короче, когда Колька допел, то понял: если у сэра Ричарда и были в его отношении какие гнусные замыслы, то теперь они потухли. Барону Харди просто не дадут ничего сделать с певцом. И это, кстати, было на руку Кольке и Алесдейру с их планом.

Дальнейший пир можно было смело пускать под заголовок:

"СЕГОДНЯ НА СЦЕНЕ Н. ВЕШКИН (шансон, лютня) и др."

Кольке даже было немножко неудобно – конечно, немало людей пели и играли лучше его, а он брал только новизной песен и неожиданностью оранжировок. Он спел еще пару казачьих песен, на ходу адаптировав их к веку, потом – "Про любовь в средние века" и "Песню о друге" Высоцкого, выбросив из последней несколько куплетов, "Любовь и смерть" Булановой, а на "Балладе о древнерусском воине" группы "Ария" охрип.

Первый приз не долго думая вручили... тому старику в желто-синем! Не успел еще Колька отойти от столбняка, как поднялся шериф (кстати, без каких-либо признаков несусветного злодейства на лице, обычный мужик, довольно гладко выбритый, с усталым лицом и вполне учтивый) и на плохом шотландском объяснил, что нечестно было бы лишать остальных певцов награды из-за явного преимущества русского гостя. Но что гость имеет право выбрать себе все, что пожелает и чем может его отблагодарить за искусство гостя гостеприимный бург. Сэр Ричард кивал и криво усмехался – нет, точно на его счет Алесдейр был прав! Хотел он что-то учудить, хоте-е-ел...

Все складывалось еще лучше, чем рассчитывал Колька! Не надо было делать вид, что приз не по душе, не надо было заводить окольных разговоров. Отставив лютню и подавив (не до конца) дрожь, мальчишка поклонился и заговорил, глядя прямо на барона Харди:

– Я тронут до глубины души оказанным мне гостеприимством и высокой честью петь перед вами. Я рад, что ми песни доставили вам радость. И нет слов, чтобы выразить благодарность за проделанное право выбора награды... – он переждал одобрительный шумок и продолжал: – Я открою вам, что проделал долгий путь из нашей мирной и богатой земли затем, чтобы добыть в Шотландии некий меч, о котором мне было предсказано, что он поможет мне завоевать сердце любимой (мамочки, интересно, я сильно покраснел?!), и меч

этот, как открыл мой друг Алесдейр, – шотландец встал и остался стоять, и с этого момента барон Харди глядел на расцветку его пледа, – в самом деле находится здесь, в стенах одной из церквей. Обрадованный, я поспешил туда, но нашел лишь пожарище. Святая церковь, дом Божий, была сожжена! – Колька повысил голос. – Меч украден! Кем же?! – он перевел дух и врезал заранее отрепетированное: – Кто, прикрываясь королевской волей об уничтожении мятежников, поднял руку на храм?! Кто этот человек, у которого я требую вернуть меч, указанный мне Господом?! (Господи, прости!) – в зале начался возмущенный шум, очевидно, о сожжении церкви многие слышали и это мало кому пришлось по душе. – Сэр Ричард барон Харди! – крикнул, не жалея голосовых связок, Колька, и ему показалось, что все происходит в кино, понарошку: – Ты вор, убийца и лжец! Ты обокрал Дом Господень! Ты обманул тех, кто оказал тебе гостеприимство, провезя в их дом вещь, тебе не принадлежащую!

– Молчи, наглый щенок!!! – взревел барон, вскакивая из-за стола, и Колька обомлел – в руке рыцаря был меч, глаза горели, как у волка. – Не смей трепать своим языком... – и он перешел на английский, но шериф тоже поднялся и положил руку на эфес меча сэра Ричарда. Тот было вскинулся, но тут же сел обратно и сделал знак рукой своим воинам, дернувшимся от стен. А шериф обратился к Кольке с одним-единственным вопросом – есть ли у русского гостя свидетели сказанному?

– Я, Алесдейр МакЛохэнн, – шотландец вышел из-за стола и встал возле Кольки, – свидетельствую, что все, сказанное Николасом из Владибурга – правда и перед Богом и перед людьми.

– Он шотландец из мятежного клана! – выкрикнул кто-то. Его поддержали:

– Вот кто и есть вор и дикарь!

– Его не иначе как сатана спас от рук наших воинов – так прикончим его сейчас!...

Но закричали и другое – в выкриках Колька разобрал, что дело сложное, церковь и правда сожгли, русс не похож на лжеца, а то, что шотландец враг, не значит, что ему не могли нанести незаслуженную обиду. Шериф шептался с бейлифом, потом прямо обратился к барону Харди – Колька уловил слово "суорд" – "меч". Харди кивнул и что-то указал своему пажу – тот выбежал, но быстро вернулся с длинным свертком, который передал, повинувшись кивку барона шерифу.

– Церковь и правда была сожжена воинами сэра Ричарда! – шериф встал и поднял руку, пресекая возмущенный шум. – И вот этот меч захвачен им незаконно! – шериф освободил из ткани длинный меч без ножен, с крестовидной рукоятью под обе руки. Лезвие отразило пламя факелов и очагов, а Колька подумал: "Как же с ним управляться?!" – и почувствовал, что его просто-таки дернуло к мечу. Да, это он и есть! Но оказалось, что еще ничего не кончено, потому что шериф продолжал: – Но сэр Ричард послан к нам самим кролем, да хранит Господь его на вечные времена. И он оскорблен на пиру, оскорблен человеком, у которого есть права на оружие, но нет прав порочить воина, совершившего черное дело в запале войны...

– В запале?! – закричал Алесдейр. – В запале, Бог свидетель! Ник не слова вам сказал, а бросил вам золотые полной чеканки – ваш воин вор и убийца! Он убил мою семью! – и, прежде чем кто-либо успел что-то предпринять, шотландский мальчишка в два прыжка оказался у главного стола и с размаху ударил барона Харди по лицу ладонью. Стало тихо-тихо. В тишине медленно вставал барон. Слышно было, как прерывно дышит Алесдейр. Потом он сказал с облегчением: – Ну вот. Перед вами, мои враги, и перед пьющими вместе с вами предателями моего народа я вызываю тебя, лжец и убийца, на смертный бой, на Божий Суд. А вино ваше я пил только за Ника. Он мой друг...

– Будь по-твоему, – сэр Ричард неожиданно улыбнулся. – Сперва я убью тебя. Потом этого русса. Если же... – он продолжал улыбаться. – Если же кому-то из вас повезет сразить меня – то забирайте и этот меч, и мои доспехи, и коня. И уносите ноги целыми и невредимыми.

– Я согласен, – сказал Алесдейр и отошел к Кольке, подмигнув ему и шепнув: – Кажется, все – по-нашему.

– Угу, – обморочно отозвался Колька, – кроме одной фигни. Он отрубил тебе голову левой рукой, с закрытыми глазами и стоя к тебе спиной. Обо мне и базара нет. А так все по-нашему.

Шериф выглядел расстроенным. Он долго извинялся перед Колькой, не глядя на Алесдейра, и сожалел, что "гость из Руси" связался с мятежниками и разбойниками. Потом извинялся за сэра Ричарда. Но с тем и отошел, дав четко понять: поединок – дело решенное.

Барон проявил немалое благородство, наверное, вошедшее тут в привычку даже у законченных подонков – или просто играл на публику. Он снял расшитую золотом куртку, оставшись в рубаше, и вместо своего меча взял охотничий кинжал – такой же длинны, как кинжал Алесдейра. Он даже поклонился шотландцу – без насмешки или шутовства, выходя на расчищенное пространство в конце зала. Алесдейр на поклон не ответил – он, кажется, молился. Меч, ставший одним из предметов спора, поставили совсем рядом с Колькой – потянуться... только вот дотянуться и не получалось, потому что у Кольки плавно и незаметно для окружающих появились проблемы. Когда Алесдейр и сэр Ричард двинулись навстречу друг другу, сзади, где-то в районе правой почки, мальчишка ощутил чувствительный укол, а голос пажа на ухо прошептал непонятно, но убедительно:

– Драган зу сворд – им деад ю.

Вообще-то почек у человека две. Но лишних среди них нет. Колька окаменел, соображая, что из этого следует для него, и отрешенно следил за происходящим.

А происходящее тоже не воодушевляло. В книжках пишут, в кино показывают, как справедливое мщение помогает одержать победу. Только для этого нужно весить побольше, иметь руки подлиннее и боевой опыт посолоидней. Над правым коленом Алесдейра сильно кровоточил глубокий порез – даже не порез, а рана, и шотландец на эту ногу припадал. Еще одна рана алела слева на ребрах, а сам Алесдейр англичанина еще не задел ни разу. Судя по лицу сэра Ричарда, он намеревался расправиться с Алесдейром не очень спеша, чтобы было поинтереснее. Что-то знакомое мелькнуло в этом лице, что-то такое знакомое... на кого-то барон Харди был похож...

– Виттерман! – невольно вырвалось у Кольки.

Кинжал (или что там?) у ребер дрогнул.

Алесдейр обернулся.

Сэр Ричард тяжелым ударом ноги вышиб у него оружие и тут же ловко и умело пнул другой ногой в грудь Алесдейра упал.

Колька увидел, как закричал шериф, останавливая бой, а барон прыгнул вперед, чтобы пригвоздить лежащего Алесдейра к полу под соломой. И – вот смешно – перестал думать о себе...

...Резко разворачиваясь, он локтем отбил от своих родных почек оружие, подсек ноги пажа и одновременно выбил кинжал из его руки. Прыгнул к мечу и бросил его Алесдейру с криком:

– Лови!!!

Схватившись за лезвие – перехватить за рукоять просто не было времени – Алесдейр выставил меч перед собой. Навстречу барону Харди.

Отвернуться Колька не успел. И увидел, как меч выскочил у сэра Ричарда меж лопаток...

...Конь как-то сразу привык к Алесдейру. А Колька старался держаться от этого гиганта с навьюченными доспехами подальше. Накрапывал дождь, и Алесдейр спросил:

– Ты-то что не остался ночевать? Тебе ничего не сделают...

– Да какой там ночевать, утро уже, – неловко ответил Колька. – Куда ты поедешь?

– Искать своих. Может, кто уцелел... Возьми меч, он твой.

– Подожди, – Колька остановился. Алесдейр чуть нагнулся из седла, грустно сказал:

– Сейчас уходишь, да? Погоди, я слезу... Да возьмишь ты меч?

– Подожди, – повторил Колька. Алесдейр тяжеломерно спешил. Позади было темно, только в буре горели огни. Мальчишки обнялись, и Алесдейр, отстранившись,

торжественно сказал:

– Счастья тебе, Ник. А если понадобится помощь – разыщи меня. Я приду.

– Спасибо, – только и смог ответить Колька. – Положи меч на траву, – Алесдейр так и сделал. – Давай подсажу.

– Не надо, – Алесдейр вспрыгнул в седло и поднял руку: – Не забудь, что я говорил. Только позови.

– Бывай, – поднял руку и Колька. И долго смотрел, как в утреннем полусвете всадник рысью удаляется по едва заметной дороге. Потом – поднял меч и тот немедленно исчез. – Так, запасники пополнятся... Домой, что ли? Что там еще осталось? Зеркало, щит, рог... – бормотал Колька, спускаясь обратно в сторону бурга с холма. – Что за зеркало? А, блин – ладно! Хочу щит! К мечу!

Он шлепнул задниками грязных кроссовок – и исчез из Шотландии.

Часть 3. Илиада, илидрая...

1.

Хорошо, что Колька непроизвольно задержал дыхание. Не сделай он этого – историю можно было смело считать оконченной, потому что, когда он обрел способность соображать, то понял, что вокруг него очень прозрачная вода. именно вокруг, над головой – тоже, и в этой зеленоватой прозрачности наверху дрожал яркий блик солнца. Стайки рыб разных размеров пересекали толщу в разных направлениях, ниже различался поросший неприятно шевелящимися водорослями каменистый откос дна. Судя по всему, тут было мелко, но левее, откос уходил в угрожающе синевшую синеву, а потом и черневшую глубину.

Колька висел посередине всего этого, как древняя мошка в янтаре. И ощущал не страх, а лишь что вода очень теплая и какая-то легкая. "Надо сбросить обувь, – подумал он и спохватился: – Нет нельзя! Придется плыть в кроссовках, как есть..." Вот тут его догнало удушье, а вместе с ним – прорвавшийся страх: не хватит воздуха выплыть!

Мальчишка бешено рванул вверх, к размытому солнечному диску, подхлестываемый еще откуда неведь взявшимся мысленным зрелищем: из той синей черноты за откосом поднимаются, змеясь, длинные серо-зеленые щупальца!

Наверх он выпрыгнул уже с красными пятнами в глазах и, огребаясь руками, завертелся на месте, как пробка, раскушав наконец воду, попавшую в рот. Про морскую воду почему-то говорят, что она солёная, на самом деле она – горькая и противная. Особенно, если вы в ней едва не утонули. Это точно было море, и море южное – уж очень теплой оказалась вода. Второе, что Колька увидел – было небо. И небо тоже необъяснимо южное – какое-то неистово-голубое, пронизанное утренним солнцем, вставшим из-за гористого берега. Такой же берег оказался и с другой стороны, только этот – на западе – порос густым лесом, сливавшимся в ярко-зеленый покров. А тот, что на востоке, был обжитой – белела крепостная стена, алели крыши домов и даже различалось какое-то движение.

И в ту и в другую сторону было на глаз километра по три. Вполне по силам, если плыть, экономно расходуя эти самые силы. Тем более, что плыть по морской воде легче, чем в реке или озере.

Колька был уверен, что это какой-то морской пролив или залив. И вообще – окружающая картина до надоедливости напоминала ему что-то уже виденное в кино или на картинках... Где – Колька так и не вспомнил и решительно погреб налево. Конечно, логичнее было бы двигаться к городку, но пока неизвестно, где ты оказался и как тут обстоят – лучше подальше от людей. Хотя неизвестно – может быть, щит именно в городе?

Плыть оказалось не так уж легко – сильно мешала одежда, не дававшая вдобавок отдохнуть, лежа на спине, тянула вниз. Мелкая, почти незаметная волна метко заплескивалась в рот, а берег почти не приближался. Кроме того, огнем вспыхнули какие-то мелкие ранки и царапинки, словно их густо смазали йодом. Колька напомнил себе, что тонут люди от страха и по глупости, и уж тем более смешно будет тонуть в спокойном море, вблизи от берега. Напоминание помогло, а тут еще Колька сильно ударился об отмель и встал – оказалось, тут ему по живот, и чуть ли не половину оставшегося расстояния до берега Колька прошел на ногах и отдохнул, хотя по воде ходить не так просто. Кроме того, подгоняла мысль, насколько хорошо он виден с заросших лесом откосов – вблизи они выглядели уже не яркими и веселыми, а мрачными, какими-то затаившимися и настороженными.

Недалеко от берега снова начиналась отмель, и Колька выбрался наконец на узкую полоску песчаного пляжа. Над головой нависали скалы и сосны на них. Справа по камням сбегал и тек по пляжу к воде ручеек с водопадами. Колька, стаскивая рубашку, устало отправился к воде и первым делом напился, а потом долго полоскал одежду и мылся сам – соль уже успела высохнуть на волосах и лице. Сильно пекло солнце. Часы так и не останавливались и показывали семь часов. Столько было дома, в Вавиловске, а тут солнце еще только встало. Опять невезуха со временем. Где же он все-таки? Колька слегка обсох на солнце, выкрутил джинсы и носки, натянул их и подсохшие кроссовки, пощупал пальцами шпоры, а рубашку просто накинул на плечи и захлестнул на груди рукав через рукав. Ему снова хотелось спать – прошлую ночь он давал концерт...

Поискав минут пять, Колька нашел тропинку наверх. В конце концов, он потратил на добычу двух предметов три дня из четырнадцати. Можно и отдохнуть немного. Так он размышлял, поднимаясь наверх, где среди деревьев рос густоющий папоротник, такой мягкий на вид, что Колька выбрал местечко за сосной, росшие вплотную к расщелине в скале, надергал этого папоротника и повалился на него, как труп...

...Колька проснулся, продрыхнув пять с лишним часов и первым делом потянулся. Хотелось пить и есть. Пить – ручей рядом, а вот с едой сложнее. Не спеша вставать, он прислушался. На самой грани тишины и шума ему почудился какой-то мерный то ли рокот, то ли стук, то ли еще что – короче, какой-то звук. Но как раз когда Колька прислушался – этот звук пропал.

Он размялся возле своей расщелины и напился из ручейка. Потом пошел на берег – вернее, остановился под прикрытием деревьев, не спускаясь на пляж. Картина не изменилась, только посередине пролива (или залива?) очень ровно, двумя колоннами по шесть кораблей, мерно взмахивая двумя рядами весел шли высокобортные корабли, раскрашенные в черный и алые цвета. Над бортами то и дело взблескивал металл. Колька хорошо различал людей, даже то, что они в доспехах и чернобородые. А над городом на той стороне возник, поднялся в небо и повис, расплываясь на большой высоте в тучу, столб черного дыма.

Колька потер лоб. И словно стер пленку, мешавшую различать то, что за ней пряталось!

– Греция! – вырвалось у него. – Это же Греция!

Но корабли были не греческие, Колька хорошо вспомнил теперь картинку в учебнике по истории пятого класса. Греческие корабли были длиннее, уже, ниже и не такие яркие. Да и столб дыма был похож на подаваемый кому-то сигнал тревоги. Кажется, Кощей держал свое слово неукоснительно... Пираты? Слишком много кораблей... Или не много? Что-то такое помнилось, что пираты во времена Древней Греции плавали и по сто судов и никого не боялись. Или всё-таки война с кем-то?! Может, надо было плыть на тот берег, к городу?

Со стен города, словно прожектор, вспыхнул начищенный металл – раз, другой... Колька заметался взглядом по воде и увидел вдали, у какого-то мыса на противоположном берегу, два корабля. Они совершали разворот – вроде спички в большом ручье – удирая от ускорявшихся черно-алых. Эти два корабля Колька совсем не мог разглядеть, они скрылись

за мысом, из-за которого опрометчиво появились.

– Похоже, война, – пробормотал Колька. – Черт, с кем там воевали?

Помнились только войны греческих городов с Македонией. Вроде бы с Александром Македонским. Конечно, еще с кем-то воевали, там постоянно шли разборки, но точнее Колька помнил плохо, тот период его никогда особо не интересовал.

Снова почудился тот же шум. Колька быстро обернулся. Лес за спиной молчал, сейчас он не казался угрожающим, но и тайн своих выдавать не собирался.

Мальчишка решил идти туда. Просто потому, что проплыть два раза по три километра до городка он не сможет, да и кто его знает, не перехватят ли его еще какие корабли? А за лесом удастся что-нибудь выяснить, может, найти транспорт... Блин поджаристый, дурака он сваял, надо было сразу, сразу ТУДА плыть!

Он прошагал минут пять, не больше, и наткнулся на тропку, а потом услышал хрюканье и метнулся обратно – очень вовремя. По тропинке протрусили пять или шесть коротких, но очень высоких, щетинистых и клыкастых диких свиней. Чем-то до удивления напомнили Кольке, притихшему в кустах, обливавшемуся потом от ужаса, корабли в заливе.

Похрюкивание и топот стихли вдали. Колька вскочил и рванул бежать через тропинку, а потом наискось от нее, подальше, и остановился только когда выскочил на опушку леса. Дальше, за изгородью из туго переплетенных колючих ветвей примерно в пол-роста человека росли рядами невысокие и очень корявые деревья с густой чуть серебристой листвой, перемешавшейся с крупными черными плодами. Явно сад или что-то вроде того...

Помедлив, Колька, шипя и чертыхаясь, пролез в оградную щель, оставив на шипах чуть-чуть своей кожи и значительно больше ниток из ковбойки. Человек – не кабан, везде пролезет. Образовавшийся лаз он все-таки заплел за собой, отряхнул ладони и зашагал между деревьям туда, где теперь явственно слышался шум. Он напоминал... чем-то напоминал стадион, где все в восторге галдят и топают ногами. Может, там Олимпийские Игры, вдруг подумалось Кольке. Мысль была нелепой, но одновременно и логичной. В самом деле, почему бы нет? Найти бы хозяина этой плантации, а то решат, чего доброго, что Колька его урожай тырит... Лучше идти навстречу опасности.

Впереди из-за одного дерева бесшумно и тихо вышел на тропку между двумя их рядами первый местный житель. Если и не хозяин, то хозяйский сын – на вид ровесник Кольки, почти копировавший картинку из учебника: шапка светлых кудрей перехвачена ремешком, изо всей одежды – серая (и очень грязная – не как в учебнике!) накидка с пояском, обуви ноль. Мальчишка подбоченился левым кулаком и похлопывал себя по загорелому колену зажатым в правой руке прутиком, внимательно рассматривая Кольку.

Колька кашлянул. И торжественно объявил:

– Я пришел с миром!

Тут же он убедился, что на этот раз говорит на греческом, потому что белобрысо-кудрявый поинтересовался:

– Ну и что дальше?

– Не знаю, – подумав, признался Колька. – Но в кино все драки начинаются с этих слов.

– Ясно, – кивнул грек. И Колька почувствовал, как сзади его схватили – две руки, похожие на стальной затягивающийся обруч, стиснули мальчишку повыше пояса так, что перехватило дыхание. Потом последовал умелый и сильный бросок – и Колька обнаружил, что на груди у него, пытая от усилий, сидит второй мальчишка – рыжий и очень коротко стриженный, а так же вообще голый – который коленями, помогая руками, прижимает колыки ноги ремешком – кажется, своим поясом.

Мда. У них это получилось лучше, чем у Алесдейра. Прежде чем Колька успел рывнуться – ему и руки скрутили – за спиной, пинками передвинув на живот, да и еще какой-то лохматой веревкой, больно коловшей кожу. После этого Колька мог только наблюдать и слушать, да хлопать глазами, гадая, не попал ли он к малолетним разбойникам, и если нет, то чем покатыл аборигенам – расцветкой джинсов?!

Рыжий подобрал с земли плащ и накинул его на себя, стянув опояской, за которую

буднично заткнул поднятый из-под дерева длинный кривой нож. После этого уставился на Кольку ничем не выражающими голубыми глазами. Под правым глазом у него был шрам и вообще – лицо вполне подошло бы какому-нибудь "сыну братковского полка". У светловолосого лицо было скорее симпатичным, живое и полное достоинства. Но тоже не выражавшее особой нежности.

– Он знает наше наречие, – сказал светловолосый. – Говорит как ты и я. Нет, даже лучше тебя... – рыжий кисло улыбнулся, будто услышал надоевшую шутку. – Как ты думаешь, кто он?

– Штаны, – отозвался рыжий. – Мидянин, – и провел большим пальцем по горлу.

– Э, э, э, э! – занервничал Колька, – Вы че... – в результате рыжий заткнул Кольке рот пяткой и повторил свой жест.

– Мо-ожно, – протянул светловолосый. – Но он совсем не похож на черноголовых...

– Может, скиф, – заявил рыжий и в третий раз показал "копец". Такая целеустремленность заслуживала похвалы, но у Кольки особого восторга не вызвало.

– Да, там есть такие, – согласился светловолосый. – Но он говорит по-нашему. Вдруг он кариец или иониец?

– Предатель, – кивнул рыжий. – Его надо убить. Он нас видел, Антонин. Он скажет.

– Фемистокл¹¹ призывал не убивать без нужды наших братьев из Кари и Ионии, – возразил светловолосый с девчоночьим именем. – Они служат мидянам не по своей воле... Убери ногу, Филипп, расспросим его и решим, как быть.

– Убить, – настаивал Филипп, но ногу убрал. Колька сплюнул, стараясь попасть на его плащ, но промазал. Потом обозвал обоих мальчишек предельно нехорошими словами. Те выслушали с интересом, переглянулись, и Филипп отошел к дереву, где поднял камешек и начал затачивать нож. Антонин сел на корточки и сложил руки на коленях:

– Ты откуда? – с интересом спросил он. – Ты из Милета? Из Галикарнасса? – Колька молчал, пытаясь хоть как-то сориентироваться, и Антонин вздохнул: – Послушай, я еще никогда не убивал людей, даже варваров. И мне не очень этого хочется. Но Филипп, – он кивнул в сторону молчаливого приятеля, – зарезал первого человека три года назад. И с тех пор делал это не раз. Понимаешь ли, он спартанец, а они очень просто относятся к своим и чужим жизням... Так как тебя зовут?

– Николай, – буркнул Колька. Антонин кивнул:

– Так ты из Ионии? Или из Кари?

– Он предатель, – подал голос Филипп.

– А ты олигофрен, – огрызнулся Колька. – Тьфу, черт, это же греческое слово!

– Он назвал меня немногоумным, – объявил Филипп.

– Ну, я не могу с ним полностью не согласиться, – вздохнул Антонин.

– Тебя я тоже убью, – пообещал Филипп. – Потом. Когда прогоним персов.

– Хорошо, хорошо, – согласился Антонин. Видно было, что обещают ему это уже не в первый раз. – Если ты Николай, – обратился он к Кольке, – то ты не можешь не быть эллином.

– Я македонянин, – ляпнул Колька. Но, как ни странно, это неожиданное заявление смягчило греческих мальчишек. Филипп что-то буркнул и махнул рукой, а Антонин улыбнулся:

– Ты из людей Александра¹²? Бежал от персов?

– Он лазутчик, – уже неуверенно вклинился Филипп.

– Слушайте, – сердито сказал Колька, – если вы мне развяжете руки, то развязывайте. Но предупреждаю, первое, что я сделаю – расшибу табло этому бритому под ежик. А если хотите меня зарезать – то хватит болтать, режьте!

"Ой, что я говорю!" – успел ужаснуться Колька. Но Антонин, достав из-под своей

накидки такой же, как у Филиппа, нож, вопросительно посмотрел на мальчишку-спартанца:

– Он будет драться с тобой, если я его развяжу, потому что ты его оскорбил. Так как?

– Не порть ремень. Развяжи, – посоветовал спартанец и, отложив нож, встал, сбрасывая плащ. Сжал кулаки, поднял их и шире расставил ноги.

– Боксер, блин, – Колька сел, чтобы Антонину удобнее было освободить руки, а ноги развязывал сам. – Только и умеешь, что со спины прыгать?

Ему ХОТЕЛОСЬ драться, хотя противник выглядел очень серьезно. Колька поднялся на ноги и, отшвырнув рубашку, принял стойку, как на занятиях по самообороне.

– Погодите! – Антонин встал между ними, разведя руки. – Договоритесь, как это завещано богами, чтобы все было по чести. Будете бороться, драться на кулаках или предпочтете панкратий¹³?

– Все равно, – Филипп презрительно повел бровью. – Пусть выбирает.

– Что еще за панкратий? – опешил Колька

– Он не знает панкратий, – не ответил на вопрос Антонин. И посоветовал снова обернувшись к Кольке: – Выбери просто борьбу.

– Пусть борьба будет, – согласился Колька. Филипп поднял лицо и руки к небу и сказал торжественно:

– Я буду бороться честно, свидетели боги, – и принял уже другую стойку, хорошо знакомую Кольке по телечемпионатам, когда выступали "классики" -борцы. Сам Колька, чувствуя себя неудобно, тоже обратился к небу. Он усердно занимался самообороной, но знал не так уж много приемов – только те, которые показывал преподаватель ОБЖ: как освобождаться от захватов, как блокировать удары, как проводить броски... И все-таки отступить не хотелось. И никакой дрожи Колька в себе не чувствовал.

Спартанец заскользил навстречу плавным, мягким шагом, чуть шевеля пальцами рук, пригнувшись. Колька, собственно, не знал, что надо делать – нападать первым на самообороне не учили. Поэтому он ждал, тоже чуть пригнувшись, в голове была жуткая каша из того, что надо делать. Но буквально за миг до этой особо дружеской спортивной схватки, когда Колька уже не мог выносить напряжения и готов был броситься на противника первым, а там будь что будет, раздался вопль Антонина:

– Оставьте это, мидяне!

"Поехали" – обреченно и в то же время с каким-то удовлетворением подумал Колька, увидев, как Филипп опустил руки и длинным прыжком метнулся к ножу, крикнув Антонину – тот свой уже выхватил:

– Бежим!

– Поздно! – лицо эллинского мальчишки исказилось.

Теперь и Колька увидел тех, кого так испугались эллины. Вдоль деревьев с двух сторон подкрадывались низкорослые чернобородые люди в яркой одежде, с небольшими щитами за спиной и обнаженными короткими мечами. Их было четверо, но еще двое – верховых, на тонконогих лошадях под разноцветными попонами – маячили подальше, держа в руках веревки.

Увидев, что они обнаружены, мидяне с протяжным улюлюканьем бросились вперед уже не пытаясь скрываться. Колька успел лишь заметить, как Филипп с криком: "Эгой!" – швырнул в лицо одному из врагов свой плащ, а после этого сильный толчок сшиб Кольку с ног, в нос ему ударил непередаваемый запах пота и грязной ткани.

Мальчишку спасло то, что налетевший на него мидянин не собирался его убивать. Приставив слегка искривленный меч к горлу Кольки и что-то прохрипев, он левой рукой начал разматывать веревку, уверенный, что теперь жертва никуда не денется.

Пожалуй, дня три назад Колька и в самом деле замер бы в ужасе. А сейчас его охватила злость. И от этой злости он увидел, что мидянин ниже его ростом, меньше весит, не такой массивный – не здоровее какого-нибудь шестиклашки из колькиной школы. И, наверное,

плохо кормленный.

Не пытаясь схватиться за лезвие, Колька оттолкнул от себя кулак с рукоятью меча и, забросив ногу на горло устроившегося на груди мидянина, простым броском скинул его с себя – тот не имел ни малейшего представления о борьбе и полетел кувырком, а Кольке запомнились его изумленные глаза. Мальчишка вскинул вторую ногу, продолжая удерживать выронившего оружие врага на земле – и треснул его пяткой в пах, от чего мидянин вскрикнул и отключился. Колька окончательно спихнул его с себя и вскочил.

Впрочем, только за тем, чтобы упасть снова – от сильнейшего рывка аркана, накинутого ему на плечи. Он успел увидеть оскал зубов в бороде заарканившего его всадника, а через миг позади всадника на седле оказался Филипп, мелькнул кинжал – раз и другой – и веревка ослабла.

– Ушел, разрази его гром! – слышался голос Антонина, и Колька, неловко поднимаясь, увидел, как тот со злостью и очень сильно метнул подхваченное с земли короткое копьё вслед мелькнувшему за деревьями второму всаднику. Все четверо пехотинцев лежали на земле неподвижно, у одного в животе Колька увидел вогнанный до рукояти его собственный меч, у другого была неправильно-далеко откинута назад голова, торчала черная борода. – А все-таки отбились, – Антонин подошел к Кольке и помог освободиться от аркана. – Они хороши вшестером на двоих, а трое – им уже много... Тебя не иначе, как послали боги, македонянин-Николай.

– Воняют, как козлы, – сказал Филипп, подходя с мечами в обеих руках. – Надо уходить. Быстро. Этот приведет своих.

– Да, уходим, – спохватился Антонин, взвесил щит на руке, поморщился: – О небо, какой легкий... Вот, держи, Николай, – и он подал Кольке один из подобранных мечей, а сам вооружился вырванным из мертвого тела, хладнокровно на него наступив и дернув.

– Не умею я им пользоваться, – отозвался Колька, поднимая свою рубашку. Его начала колотить дрожь. Филипп, деловито рывшийся в седельных сумках всадника, хмыкнул, а глаза Антонина полезли на лоб:

– Ты – сын свободного человека и свободный человек – не умеешь владеть оружием?!

– Может он беглый раб, – заметил Филипп, но тут же вздохнул, подошел к Кольке и положил ладонь ему на плечо: – Прости мой язык. Ты смелый. Хотя и врал, что не знаешь панкратий, я такого приема не видел.

– Кстати, – заметил Антонин, с неподражаемым хладнокровием подходя к вырубленному Колькой мидянину и нацеливаясь ему в горло, – добьешь его сам?

– Пусть живет, – Колька с трудом справлялся с пляшущей челюстью. – А про оружие... это... я имел в виду – у нас в Македонии мечи длиннее. Мне непривычно, короче.

– Это правда, – заметил Филипп, – я видел их мечи. А мидянина надо убить.

– Если он в моей власти – пусть живет, – твердо сказал Колька. Антонин пожал плечами:

– Милосердие к врагу – причуда богов... Как знаешь, Николай. Но меч все-таки возьми.

"Вернусь домой – запишусь в военный клуб, – решил Колька, взвешивая в руке трофей. – А то что за фигень – винтовку дали – не знаю, что с ней делать, меч сунули – та же заморочка..."

– Пацаны, – решился он, – только не удивляйтесь. Я когда убежал – я головой стукнулся... сильно. Какой сейчас год?

– Первый, – без особого удивления отозвался Антонин. – Первый год семьдесят пятой Олимпиады¹⁴.

– Ценная информация, – вздохнул Колька. – Это ничего, если я пойду с вами?...

...Место, в которое свалился Колька, называлось Аттикой. Остров за приливом – Эвбея. Город – Халкис. Все вокруг – к полной радости нашего странствующего рыцаря – было захвачено и предано огню мидянами-персами, в неимоверном количестве

вторгнувшимся на землю эллинов. Все эллинские войска – союз сорока городов во главе с Афинами и Спартой – отступили на юг, флот тоже ушел буквально несколько дней назад, чтобы спасти мирное население Афин и перевезти их на остров Саламин, где решено дать бой персам. Рассказывая об этом, Филипп и Антонин почти подрались. Антонин-афинянин аж зубами скрипел при мысли, что его город останется на разграбление врагу и утверждал, что спартанский полководец Эврибиад дурак и ничего не понимает в морской войне. Филипп-спартанец немедленно набылчился и стал отвечать отрывистыми фразами, напоминая, что именно спартанцы отважного царя Леонида задержали на неделю вражеское войско в Фермопилах, дав прочим эллинам возможность уйти в безопасные места. Еще он сказал, что Фемистокл берет серебро у персов – после этого Антонин плюнул и, призвав в свидетели богов, отвернулся.

Колька лишь головой вертел, пытаясь выяснить, что происходит, и путаясь в потоке полупознакомых названий, имен и событий. Одно было совершенно точно – ему вновь "повезло".

Закат был обалденно красивым. Мешал только все тот же шум – особенно начал мешать, когда Кольке объяснили: это персидские войска день и ночь идут по дорогам, и нет и конца. Поэтому костер разжечь не получилось – мальчишки сидели в пещерке на горном склоне, за деревьями, наклонившимися долину, жевали трофейный сыр, черствые лепешки, крупный изюм (жалко, что с косточками) и вяленое мясо, запивали разбавленным водой с вином. Колька от вина отказался, чем вызвал немалое удивление – дескать, все македонцы пьют, как варвары! И штаны даже носят...

Против последнего возразить было нечего, и Колька поинтересовался, каким образом мальчишки тут оказались – просто для поддержки беседы. Выяснилось, что встретились они не столь давно. Филипп был сыном спартанского тахиарха, обучавшего ополчение феспийцев – в переводе на понятный Кольке язык – отец Филиппа был офицером-инструктором при союзном отряде.

По спартанским меркам Филипп был еще совсем не взрослым – взрослость наступала аж в тридцать лет! – но уже мог сражаться и умел это. Отец взял его с собой, как посыльного и оруженосца. Когда феспийцев разбили взявшие числом мидяне, Филипп, сражавшийся плечом к плечу с отцом, был отослан с приказом доложить об этом. Но до своих так и не добрался: "остался на оккупированной территории!", где и встретился с Антонином. Афинянин был сигнальщиком на одной из боевых триер, но во время удачного для эллинов боя у Еврипа его корабль потопили финикийские корабли. Команду перебили в абордажном бою, но Антонин прыгнул в море, долго плыл под водой, и его не преследовали – решили, что утонул. А добраться до своих уже не получилось – победившие эллины тем не менее вынуждены были отойти...

Колька в ответ рассказал, что и правда служил у персов, но, как и почти все македоняне, делал это подневольно и при первой возможности сбежал, оставив оружие и коня, а теперь не знает, что ему делать и как быть дальше. Особенно – наметнул Колька – жалко щит. Эллинские мальчишки закивали сочувственно.

Солнце село. На медленно гаснущем алом полукруге неба густо синели словно красками нарисованные длинные облака. Эллинские мальчишки молча и откровенно любовались закатом, обхватив коленки руками и поставив на них подбородки. Колька потихоньку попытался сесть так же – не получилось, спине неудобно. Тогда он просто лег на травяной настил, покрывавший пол пещеры, и лениво смотрел на небо, пока не сообразил, что не может быть такого долгого заката, а значит, это небо в облачных перьях ему просто снится...

2.

Дымы подпирали небо косыми черными колоннами с плоскими широкими

верхушками. Они поднимались отовсюду – из долин и с хребтов гор, над рощами и реками. А по дорогам текли потоки, взблескивающие металлом. Медленнее – пехота. Быстрее – конница, колесницы.

– Там, – Антонин вытянул руку, – Коринфский залив и перешеек Истм. Нам надо туда, там все наши.

Колька тяжело вздохнул. Он выспался и неплохо поел, а теперь не хотелось расставаться с ребятами. В конце концов, они неплохо к нему относились, кормили... Но Колька ощущал, что в ту сторону ему не надо.

– Я должен добраться в Халкис, – твердо сказал он.

Эллины недоуменно уставились на него, потом переглянулись. Филипп пожал плечами. Антонин развел руками:

– Халкис не продержится и дня, когда подойдет флот Царя Царей. А флот совсем близко, и наших кораблей тут нет.

– И все же мне НАДО в Халкис, – настаивал Колька.

– Обезумел, – Филипп сплюнул и сделал какой-то знак пальцами.

– Я видел сон, – решился Колька. – Голос с вечернего неба сказал: "Иди в Халкис."

– Голос? – быстро спросил Антонин, его лицо вспыхнуло. – А лица ты не видел?

– Нет, – сожалеюще отозвался Колька, мысленно попросив прощения за ложь. – Только голос.

Мальчишки снова переглянулись. Филипп опять пожал плечами и тихо заметил:

– Это мог быть бог.

– Кто еще мог говорить с небес в человеческих снах? – возбужденно спросил Антонин. – Может быть, все это знак: что мы встретились с Николаем, что помогли друг другу... Как знать, Филипп, может, это и наша судьба? Николай, – он повернулся к Кольке, – я пойду с тобой в Халкис, даже если он уже в осаде. Сказанное богами надо слушать... Филипп, а ты?

Спартавец в досаде пинал камешек. Потом согнул ветвь куста, за которым стояли мальчишки. Потом резко покраснел сквозь загар и покрутил коротко остриженной головой:

– Я не пойду в Халкис. Боги богами, но Спарта остается Спартой, а отец послал меня туда, прежде чем умереть, – это была длинная речь для него.

– Да я один пойду, – удивился Колька. Он, конечно, был бы рад отправиться не в одиночку, но и в мыслях не держал подбивать кого-то с собой и не ожидал, что его вранье будет иметь такой результат.

– Нет, решено, я иду с тобой, – повторил Антонин. – И напрасно Филипп хочет продолжать этот путь.

Спартавец только поднял и опустил брови, а потом встал на колени и начал делить еду на две части: побольше и поменьше.

– Может, я один пойду все-таки? – негромко спросил Колька у Антонина. Ему сделалось неловко. – А вы...

– Я решил идти с тобой и я иду с тобой, – отрезал Антонин. – Филипп решил идти в Спарту и он идет в Спарту.

Уходя по тропке через заросший лесом хребет, спартавец ни разу не оглянулся...

...Полуденный воздух был стоячим, пропитанным дымом и душным, как накинутый на голову пыльный мешок. Рубашка Кольки, сброшенная на плечи, промокла от пота, но скинуть ее он опасался – сгоришь нафик. Антонин обмотал верхнюю часть своего одеяния – хитона, Колька вспомнил название – вокруг пояса и шагнул впереди, держа в руке меч. Колька свой заткнул за пояс.

– Уф, – он выдохнул и приостановился на миг. Они находились будто на дне чаши – в небольшой долине. Со склонов, поблескивали белым камнем, лился зной. Ни единый листик, ни одна травинка не вздрагивала, тонко звенели какие-то насекомые, навевая дремоту. – Какая же у вас жарница.

– У вас, наверное, прохладнее, – рассеянно отозвался Антонин. Он сел на камень и осматривал склоны, одновременно растирая себе подъем ступней. – Вот за этим подъемом

пролив. Мы выйдем к нему южнее, чем расположен Халкис... – он помедлил и добавил: – Если помогут боги.

– Должны помочь, – серьезно сказал Колька, усаживаясь рядом и вытягивая ноги, – Боги ведь защищают тех, кто в них верит.

– А те, кто верит, должны защищать своих богов, – Антонин покачал головой.

– У нас это плохо выходит. Враг на нашей земле, он сжигает святилища и грабит храмы... Боги могут и отступить... Послушай, не сиди так. Ты хоть и македонянин, но все же эллин!

– Чего? – не понял Колька, успевший плюнуть ногой на ногу. – Как я сижу?

– Как варвар, – пояснил Антонин. – Убери ногу с ноги.

– Ага, – Кольке стало смешно, но он сел как раньше. – Пить хочется. И есть.

– Поедим у моря, перед тем, как переправляться... А пить – вон там должен быть родник, видишь, какая зеленая трава? И кусты гуще, чем вокруг...

– Слушай, а где твоя семья? – поинтересовался Колька, положив меч на колени и проведя по выпуклому ребру пальцем.

– Отец и двое старших братьев – в нашем флоте... Мать и младшая сестра – не знаю. Наверное, на Саламине. Это островок напротив Афин. Если мидяне разобьют наш флот, то они возьмут Саламин, а потом убьют всех... Мать, наверное, думает, что я погиб у Еврипа, – Антонин вздохнул тяжело и поднялся: – Пойдем, что сидеть.

– Пошли, – Колька тоже поднялся. – Антонин, а у вас есть рабы?

– Пятеро, – отозвался эллин, оправляя низ хитона. – А у твоего отца нет?

– А... – Колька замялся, но Антонин, похоже, не ждал ответа. Он весело сказал:

– Ахой, а вот и вода! – он зачем-то сорвал бледно-лиловый цветок и, ускорив шаг, двинулся к источнику.

Когда Колька подошел, Антонин, бормоча что-то, клал цветок возле выбивавшейся из-под камня струи. Немного постоял и припал к ней губами, потом подставил под струю затылок и спину:

– Ахх, хорошо! – эллинский мальчишка намочил хитон и повторил:

– Двинулись?...

...С хребта начиналась тропинка вниз. В розовой дымке виднелся за проливом город – дальше, чем до этого. Но даже на таком расстоянии можно было различать десятки кораблей, неподвижно замерших у городских стен над берегом.

– Мидяне, – пробормотал Антонин. – Я надеялся, что боги не допустят этого; теперь в Халкис попасть будет труднее. Да и не выстоит он долго...

– Пойдешь к своим? – пробормотал Антонин. – Колька ощутил невольную дрожь при мысли о том, что предстоит сделать. Антонин упрямо мотнул светлыми волосами:

– Пойду с тобой, Николай. Как-нибудь проберемся. На своей земле – не на чужой... а на море – тем более.

– Гляди, – Колька вытянул руку вниз, где за рощами горели дома небольшой деревушки. – Они и на этом берегу.

– Это не корабельщики, – Антонин понизил голос. – Кто-то перевалил через хребет раньше нас... Надо быть очень осторожными.

– Давай так, – предложил Колька, – я пойду вниз шагов сто, посмотри и послушаю. Если никого нет – подам сигнал. Ты...

– Я дойду до тебя, пройду шагов сто, присяду, тоже посмотрю и позову тебя, – подхвати Антонин, – и так по очереди пойдем... Так ходят воины на границах, мне рассказывали братья. Давай так.

– Я пошел, жди, – и Колька, стараясь держаться в тени кустов, зашагал по тропке, размышляя, что спецназ куда старше, чем он думал. Хотя – что удивительного? В древности ведь так и воевали – в лесах, в засадах, кто кого выследит и пересидит. А значит, древние люди и были настоящими спецназовцами...

– Николай, я действительно советую вернуться.

Здравствуйте. Плановый визит. Колька даже не стал оборачиваться на голос, но Кашей зудел за спиной, как комар:

– Николай, вам не может везти до бесконечности. Вы сейчас направляетесь в город, который на днях падет. Это исторический факт. Вы знаете, что творится в осажденных городах? И как вы собираетесь оттуда выбираться? Хорошо, если щит там. А если нет?

Колька перестал обращать внимание на голос, с удовольствием отметив, что в нем появляются нотки паники. Ага, заменжевался отрицательный персонаж! То ли еще будет!

Он присел возле поворота тропы и довольно долго вслушивался и вглядывался. Не обнаружив опасности, поднял руку и покрутил ей в воздухе.

Антонин проскочил мимо него бегом, но тут же сменил бег на крадущийся шаг и пропал за поворотом. Прошло пятнадцать минут – по часам – прежде чем Колька услышал уханье совы и сообразил, что сигнал ему...

...На убитых наткнулся Антонин, и Колька обрадовался этому. Хмурый эллин в очередной раз дождался Кольку возле измятого кустарника, в котором виднелись тела и сказал:

– Можно не опасаться. Никого тут больше нет. Там, – он указал рукой, – убитые, из деревни, наверное. Семнадцать человек. И следы мидян. Они ограбили и ушли дальше.

– В деревню не пойдем? – спросил Колька. Антонин вздохнул:

– Пойдем. У берега могли остаться лодки.

3.

Лодок оказалось несколько. Их не испортили – судя по всему, к берегу никто не подходил. Повеселевший Антонин пояснил, что мидяне и почти все другие народы, которых они привели с собой, боятся большой воды и даже рек. Даже флот у мидян из финикийских, египетских кораблей, и греческих тоже.

– Есть предатели-олигархи, которым Царь Царей обещал отдать власть в наших землях, – добавил Антонин, – есть эллины из Азии – этих пригнали силой. Фемистокл велел в удобных бухтах написать на камнях обращения к ним, чтобы не воевали за мидян и переходили к нам.

– Олигархи – не Березовский с Гусинским? – пошутил Колька. Антонин честно задумался и ответил:

– Нет, таких не помню. Может, и они есть.

– Антонин, – продолжал прикалываться Колька, – а ты демократ?

– Конечно, – слегка удивился Антонин, укладывая в лодку весла, найденные здесь же. – Я ведь афинянин и сын кормчего. А ты?... Ах, да у вас ведь есть царь Александр, значит, нет демократии...

– Хороший, между прочим, мужик, – вступился за своего царя новоявленный македонянин.

– Мужик? – переспросил Антонин. – Вообще-то неплохой, наверное, раз нам помогает, хоть и тайно... Ну вот, все готово, можно отплывать. Но лучше подождем темноты. Пошли в сарай, перекусим и отдохнет. Ты грести умеешь?

...Припасов оказалось на одни раз. В деревне целых домов почти не осталось, и мальчишки не испытывали особого желания по ним шарить. Антонин признался, лежа на груде рыболовных сетей, что на ночь тут не остался бы ни за что – сколько погибло и лежало без погребения людей!

Колька с ним согласился. Молча, правда. Он лежал на тех же сетях и думал, что завтра, начнется шестой день из отпущенных четырнадцати. Если все будет хорошо, завтра же он и третью из пяти вещей достанет... И все-таки какое-то неопределенное беспокойство помучивало мальчишку. Колька никак не мог сообразить, почему, и лениво спросил Антонина:

– У тебя девочка есть?

– Вот еще, – фыркнул эллин. – С ними скучно. Одни сплетни и визг, а мозгов ни крохи. Я и жениться-то собираюсь не раньше тридцати, а до тех пор хватит других дел.

– А меня ждет, – не покривил душой Колька. В сарае уже стало почти темно, и разговаривать сделалось легче.

– Из богатой семьи? – деловито спросил Антонин.

– Из знатной – точно, – снова чистую правду сказал Колька. – Вообще ты зря так про них. Они разные бывают. И умные тоже.

– Это еще хуже, – отрезал Антонин. – Конечно, есть гетеры. Они и умные, и красивые, и умеют много. Но нам про это еще рано думать, да и стоят они дорого.

Колька не очень-то помнил, кто такие гетеры. Точнее, не помнил совсем, а выяснять не стал. Антонин же спросил:

– Как ты думаешь, зачем бог велел тебе идти в Халкис?

– Не знаю, – честно ответил Колька. Честно – если учесть, что никакой бог ему ничего не велел. – А ты зачем со мной пошел?

– Иногда это лучшее, что можно придумать – быть рядом с человеком, к которому обращался бог, – объяснил Антонин.

И тут Колька понял, почему ему было не по себе. Потому что он соврал Антонину, и эта ложь наверняка будет стоит эллину жизни! Кащей-то не врал – эти мидяне возьмут Халкис. Колька найдет щит – и унесется из Греции. Антонин – разделит судьбу жителей города...

То есть погибнет.

Колька крепко зажмурился. И так, с закрытыми глазами, сказал:

– Антонин, я тебя обманул. Я не македонянин. Я...

...Эллинский мальчишка стал первым, кому Колька рассказал правду. Когда закончил говорить – уже стемнело, в чернильном мраке сарая поблескивали глаза Антонина, да слышалось его сдержанное дыхание.

Он поверил. Как и все его современники и соотечественники, Антонин жил в мире преданий о богах, сходящих на землю, чтобы жить рядом с людьми, о героях, побеждавших чудовищ и спускавшихся в загробный мир за любимыми... Человеку, оставившему, прежде чем пить, цветок у родника в дар нимфе, его хозяйке, не оставляло никакого труда поверить в пришельца из далеких времен и земель, ищущего волшебный щит, чтобы сразиться со злым волшебником.

– Теперь тебе лучше вернуться к своим, догнать Филиппа... – закончил Колька, и Антонин возмущенно и удивленно ответил, перебив его:

– Клянусь Афиной Палладой и ее священной змеей – после этого рассказа мне бросить тебя?! Ты сошел с ума. Нет, мы сейчас как раз и поплывем в Халкис, а там – как дадут боги. Вставай, Николай. Пора плыть...

...Легкие облака затянули яркую луну, приглушив ее сияние. Мальчишки гребли по очереди, бесшумно опуская в рябившую воду обмотанные по уклучинам обрывками сетей весла; один греб, второй, распластавшись, лежал на носу и всматривался в серебристый полумрак. По воде издали доносились звуки – лязг металла, кашель, отрывки речи на чужом языке, плеск волны о бор корабля и скрип каната. Лодку трудно было услышать и нелегко заметить в ночном проливе, а корабли рисовались черными силуэтами на воде у городских стен, опоясанных по верху частой цепочкой колеблющихся алых огней – в Халкисе ждали штурма. Наверное, там и не спал никто. По временам то тут, то там со стены огнедышащим драконом соскальзывала пылающая струя, разбивалась о воду, растекалась по ее поверхности и горела, освещая все вокруг прыгающим неверным светом.

– Тишшш! – зашипел, лежавший на носу Антонин, и Колька, перестав грести, сжался, услышав размеренный плеск. Совсем близко – пахло горячим деревом, немного – туалетом, мокрой тканью – скользнул без огней, размеренно взмахивая веслами, корабль с круто задранным носом, с башнями на носу и корме. – Финикийский, – шепнул Антонин. –

Наверное, ходил на разведку.

– Днем вчера, – Колька снова начал грести, – я видел тут два ваших корабля. Они уплыли за мыс.

– Это мы плывем на лодке, – немного сердито ответил Антонин, устраниваясь удобнее, – доски и бочки плавают... А корабли ходят. Наших – в смысле, афинских кораблей тут быть не может, они все у Саламина... Это, наверное эвбейские триеры.

– А они за кого? – полюбопытствовал Колька.

– Северная Эвбея подчинилась Царю Царей. А тут, на юге, сам видишь. Должно быть, часть их кораблей не успела к месту сбора флота, и они прячутся теперь в бухтах и скалах.

– Сколько вообще у вас кораблей? – продолжал расспрашивать Колька.

– Больше всего – наших, афинских триер, – гордо ответил Антонин, – мы на государственное серебро построили двести! Сорок дал Коринф. Тридцать – Керкира, пятнадцать – Эгина... Другие города прислали кто по десять, кто по пять, кто по одной триере. Всего собрали четыреста кораблей. А у мидян больше двух тысяч! Э, что говорить! – Антонин печально вздохнул. – Мы, эллины, живем в двухстах больших городах. А из них только сорок соединились против врага. Фивы, например, открыто взяли руку Царя Царей... Но, – эллин вскинул голову, – мидяне рабы своих правителей и воюют из страха и для грабежа. А мы – свободные люди и защищаем свою родину, алтари наших богов, гробницы предков, детей, женщин и стариков! Царю Царей нас не одолеть – мы уже били их флот у Артемисия и Еврипа, разобьем и у Саламина, а без флота его огромная армия вымрет с голоду на нашей земле!

Антонин разгорячился, но голоса не повышал – до вражеских кораблей оставалось всего ничего, и он сам сел на весла.

Колька забыл дышать, когда их лодочка бесшумно заскользила меж высокобортных громадин. Конечно, корабли были размером с какой-нибудь ракетный катер XXI века, вовсе и не больше... но из лодки казались громадными! А тут еще постоянный страх – достаточно было вахтенному или какому полуночнику высунуть башку над бортом – он бы увидел лодку наверняка. Но мальчишкам везло – их суденышко плавно скользило из тени в тень и не привлекало ничьего внимания. Колька осмелел и даже стал отталкиваться от просмоленных бортов рукой, слушая, как внутри то вздыхают, то говорят на непонятном языке, то всхрипывают и кашляют люди.

Они миновали сторожевую линию вражеских кораблей, и Антонин, перестав грести, указал рукой вперед, на берег. Только теперь мальчишки разглядели, что город был в осаде и с суши. Множество круглых шатров окружали стену, несмотря на ночной час с меж шатрами тут и там суетились люди. Молча, как ни странно, но Колька догадался:

– Э, похоже, они собрались на приступ!

– Кажется так, – Антонин стиснул зубы. – Халкеситам остается теперь рассчитывать лишь на помощь богов и крепость ворот. И мне не верится, что эти ворота очень уж крепки.

– Как нам в город-то попасть? – только теперь опомнился Колька. Антонин покачал кудрявой головой:

– Это как раз просто. Увидят со стены и поднимут.

– Ага, или влепят стрелу по самое прощай мама, – скривился Колька. Антонин тихо хихикнул:

– Поднимут хотя бы из любопытства. Мы, эллины, любопытны, как хорьки. Только бы не попасть под нефть.

Колька умолк, пытаясь сообразить: Антонин знает слово "нефть", или это так "автоматический перевод" сработал? Он ни до чего не додумался – нос лодки почти уткнулся в основание стены, поднимающейся прямо из моря – Колька спружинил руками, – и Антонин, подняв весла, негромко крикнул:

– Наверху, эгой!

На фоне звездного неба появилась странная голова – Колька заморгал, не сообразив сразу, что это шлем с гребнем. Мужской голос отозвался:

– Кто там?

– Эллины из Афин и... – Антонин покосился на "Николая-македонянина", – и Македонии, спасаемся от мидян. Спустите веревку.

– погоди, – буркнул оттуда и послышался разговор шепотом. Говорившие не учли, что ночью в тихую погоду слышно далеко, и Колька уловил обрывки разговора: "Мальчишки... двое, кажется... афинянин... от Фемистокла... проверить, поднимите... лучники..." Потом сверху упала не верёвка, а лохматая, толстая веревочная лестница:

– Поднимайтесь оба.

– Придержи, – попросил Антонин, – и смотри, как надо.

Он и на самом деле поднимался так, как собирался по простоте душевной Колька – лез Антонин не как по обычной лестнице, а сбоку, держа лестницу между ног. Снизу стена не казалась высокой, но когда настал черед Кольки лезть, он с трудом заставил себя продолжать подъем, добравшись до половины. Вверх и вниз смотреть было страшно, Колька перебирал руками и ногами, созерцая камни перед носом, как вдруг чьи-то сильные руки схватили его за шиворот, словно щенка, потом – за пояс, чей-то бас прогудел: "А вот и македонец, клянусь Зевсом – в штанах!" – и Колька, рассерженный и испуганный, оказался стоящим на каменном настиле среди рослых воинов и поблескивающих доспехах, гребнястых шлемах и грубых плащах. Его тут же обшарили, отобрав персидский меч и бесцеремонно вертя, после чего кто-то, невидимый за огнем факелов, спросил, обращаясь к стоящему тут же Антонину:

– Что велел передать стратег¹⁵. Фемистокл жителям Халкиса?

– Ничего, – развел руками Антонин, – мы не гонцы эллинских стратегов и не лазутчики мидян. Мы правда спасаемся от врага.

– Нашли место, – буркнул тот же голос и добавил: – А что не лазутчики...

Договорить эллин не успел. Где-то в ночи вдруг взметнулось неистовое пламя, послышался многоголосный крик, даже скорее вопль, а потом – какой-то странный шум. Тревожный гулкий грохот-тишина-визгливый вскрик "хый!!!" – снова грохот и все сначала.

– Они подожгли воротную башню! – закричал кто-то издали метеллическим голосом, и мальчишки в мгновение ока остались одни; воины, похожие в своих плащах на большущих ночных птиц, опрометью бросились куда-то.

– Бежим к храму! – Антонин вскинул руку, указывая на трепещущий где-то в вышине одинокий огонь. – Там должны быть оружейные склады!

4.

Как и всем мальчишкам, Кольке снились кошмары, в которых от кого-то убегаешь, а кругом никого нет, и никак не бежишь... Оказывается, может быть еще страшнее. Это когда бежишь не один.

Улицы в этом чертовом Халкисе вели все время вверх. Было светло от множества факелов, но свет выглядел недобрым, испуганным мечущимся, как и люди. Отовсюду кричали, стонали, плакали. Десятки, сотни людей бежали по улицам между низеньких заборов вместе с мальчишками. Большинство – вверх, туда же, куда и они. Некоторые – в основном, вооруженные мужчины – в обратном направлении... но вот пробежал рослый пожилой человек с сумкой на бедре, за ним еще двое подростков несли две сумки, на которых Колька успел различить вышитых змей, обернувшихся вокруг чаши... а вот и вовсе девчонка с луком промчалась, рыжие волосы хлестнули Кольку по лицу. Сзади подхлестывали выкрики и удары, они были слышны по-прежнему хорошо. До Кольки лишь теперь дошло, что это мидяне колотят в ворота тараном. Те, кто посильнее, волокли на себе маленьких детей, стариков, раненых. Колька увидел, как две женщины с распущенными волосами пытаются оторвать от распахнутых ворот мертвой хваткой вцепившегося в них

сухого деда. На крыше соседнего дома двое мальчишек помладше Кольки деловито отдирали и раскладывали черепицу, третий натягивал небольшой лук, прижав стрелы пальцами ноги, чтобы не скатились.

– Стыдно бежать, – на бегу выдохнул Антонин. – Николай, ты беги, а я останусь. Твой щит, наверное, там, да? Тебя ведет бог, я же вижу!

– Слу... – Колька притормозил, но звуки, шедшие от стен, вдруг изменились. Буханье прекратилось, и вместо него возник, вырос и уже не умолкал дикий многогласный вой и рев.

– Смотрите!!! – истошно закричала какая-то женщина. – Смотрите, они вошли! Горе тебе, Халкис! Горе, люди!

Оцепенев, несколько секунд все смотрели, как по невидимым в темноте улицам, четко обозначая их, начинают растекаться огненные реки – факела в руках высадивших ворота врагов. Начали вспыхивать дома, и все вокруг с криками и плачем устремились вперед еще быстрее.

– В храм! – Колька дернул Антонина. – Ну скорее же, тут пропадем зря!

Мальчишки снова побежали. Страшный гомон позади не умолкал, только ширился, смешиваясь с лязгом, слышным даже тут – защитники все еще сражались... Перед мальчишками, схватившись за сердце, упала еще молодая женщина, несшая двух детей – те заплакали, теребя мать, она пыталась встать, но не могла. Не сговариваясь, Колька подхватил одного ребенка, Антонин – другого, женщину погрузил на телегу, запряженную быком, загорелый старик. Теперь бежали, одной рукой прижимая к себе смолкших малышей, другой – держась за борта. Бык, испуганный не меньше людей, надавал, как гоночный болид. Колька отплевывался – волосы ребенка, не поймешь даже, девчонки или мальчишки, лезли в рот. Антонин тащил своего, посадив на плечо, и малыш удивленно вертел головой, оказавшись так высоко.

Колька даже не понял, что они оказались на территории храма – просто все перестали бежать, а неподалеку, над головами людей и скота, виднелись освещенные горящим у входа огнем колонны и крутая крыша. Люди продолжали прибывать, и Колька неожиданно понял: врагу же не понадобится штурмовать храм. Что все будут есть и пить? Тут даже не присядешь...

Антонин куда-то подевался. Колька усадил своего спасенного на край телеги, поближе к матери, и решительным шагом, проталкивался между людьми, направился к храму.

Возле храма раздавали какое-то оружие. Изнутри слышалось тихое пение. Колька теперь сообразил, что как такового ВХОДА в храм просто нет – войти можно было с любой стороны между колонн, что он и сделал.

По стенам горели факелы. Женщина, закутавшись в белое покрывало с головой, сидела у ног статуи в человеческий рост, стоящей на пьедестале из розового камня: юноша с луком в руках целился вверх. Колька не помнил имен греческих богов, да это его не интересовало.

На этом самом пьедестале и был закреплен большой металлический щит, отражавший в начищенной поверхности огни факелов.

Чувствуя себя вором, Колька на цыпочках прокрался мимо продолжавшей печальное пение женщины и обеими руками поднял щит, державшийся на специальном выступе...

Щит исчез.

...Антонина Колька нашел возле ворот – уже вооруженный, в легком панцире и шлеме, без щита, с дротиком и большим ножом, он вместе с другими воинами и ополченцами всматривался в то, как квартал за кварталом загорается Халкис. По дороге еще тянулись отставшие люди, несли раненых воинов.

– Вооружайся, там еще что-то осталось, – предложил Кольке Антонин.

– Я дурак, – ответил Колька и сплюнул в святом месте.

– Почему? – не понял Антонин.

– Потому что еще здесь, – исчерпывающе объяснил Колька. Антонин догадался:

– Ты нашел его?!

Колька кивнул. Он чувствовал себя погано и злился на себя за глупость. Ну вот что он

тут торчит?! Собирается помочь всем людям вокруг? Как? Собирается погибнуть вместе с ними?! За каким пнем?!

– Я же тебе говорил, чтоб ты не шел сюда, – печально сказал он Антонину. Эллин засмеялся и подкинул дротик:

– Боги все видят, Николай. Может быть, моя судьба в том, чтобы погибнуть... Смотри, воины!

В самом деле – по дороге к храму медленно отступали спинами вперед эллинские воины. Они шли, сдвинув щиты и наклонив длинные копья, а лучники время от времени стреляли в двигавшихся следом мидян. Те, кстати, не очень и напирали, а потом вообще остановились. Остановились и греки – совсем недалеко от храмовых ворот, по-прежнему перегораживая дорогу. Часть из них, снимая шлемы и закидывая за спину щиты, устало побрела в храм.

– Почему не нападают? – сдерживая дрожь, спросил Колька и указал на мидян, которые потихоньку разбредались по окрестным улицам. Только некоторые продолжали торчать внизу, переговариваясь и поглядывая в сторону храма. Колька внезапно понял, что уже довольно хорошо все видит – светало. Из города продолжал слышаться лязг, крики и треск пожаров.

– Зачем им нападать? – один из воинов поднял шлем, сдвигая на затылок, и жадно припал к бурдюку с водой, который ему подали так почтительно, что Колька сразу понял – это офицер. – Нет смысла. В городе много легкой добычи, ни к чему лезть на наши копья. Это волчье отродье подождет, пока мы ослабеем от голода и жажды, тогда и возьмут нас голыми руками. А случится это скоро, – воин вернул бурдюк и печальным взглядом окинул множество людей в храмовом дворе. – Так что в недобрый час явились вы в Халкис, – добавил воин, и Колька сразу его узнал наконец: это он допрашивал их с Антонином на стене. – Эх, ведь Горные ворота и отсюда видно!

– Какие горные ворота? – машинально спросил Колька, с интересом следя, как несколько мидян натягивают луки. Стрелы взлетели в небо, упали вниз – и где-то во дворе закричали люди.

– Вон там, в стене, – вторые ворота, они выходят на горную тропу, – воин указал копьем. – До них рукой подать, пять минут бега. В одиночку прорвались бы, если только мужчины... – он махнул рукой: – Да что говорить – с женщинами, с детьми, со стариками поползем, нас и зажмут на улицах. А бросить – не бросишь, как уйдешь от них? Боги не простят... Ты бы оружие нашел, македонянин.

Колька кивнул, продолжая рассматривать быстро светлевшую улицу. Потом жестом подозвал Антонина и взял его за плечо:

– Слушай сюда. Представь себе, что эта улица – пустая. Без врагов. Если воинов поставить вдоль нее и открыть во-он там ворота, ну, как бы коридор такой сделать из щитов – успеют ли уйти люди в горы?

Антонин взглядом смерил лесистые склоны за стеной, казавшиеся черными из-за поднимавшегося за ними солнца.

– Не все, – ответил он, – но большинство успеет. Мидян за стеной сейчас почти нет, все грабят дома... А что?

– Ничего, – Колька дернул за металлическую оторочку на плаще панциря офицера, неотрывно смотревшего на горящие дома и рушащиеся крыши. – Послушай, что я скажу. Может получится. А если и не получится – все равно ведь, где погибать...

...Эллин выслушал Кольку, приоткрыв рот. А потом так ударил по плечу, что Колька сел в пыль и ойкнул:

– Клянусь луком Аполлона – ты прав, македонянин!! Эй, десятники!

...Неизвестно, что подумали мидяне, когда сверху, из ворот храма, на них по крутой дороге вдруг устремились, грохоча, набирая скорость и разбрасывая вокруг себя пламя, множество телег. Тех, кто не успел увернуться, смело. остальные, давя друг друга, бросились в проулки, призывая увлекшихся грабежом товарищей, но следом уже мчались с ревом эллины, беспощадно закалывая и рубя ошеломленных врагов. Несколько человек спешно

распахнули запасные ворота, и в них устремились потоки беженцев. Это все произошло раньше, чем мидяне успели сообразить, что уходит основная добыча – рабы. В бешенстве они рванулись обратно, но чужой горящий город путал улицы, с крыш еще не подожженных домов летели черепицы, стрелы, камни, а тех, кто успевал добежать, встречала ошестившаяся копытами стрела щитов. Конный передовой отряд эллинов проложил дорогу через полупустой вражеский лагерь и ринулся к воротам – главным, задержать тех, кто станет выбегать из города. Мужчины-халкеситы от мала да велика бились с мужеством отчаяния, чтобы дать возможность спастись в горных лесах старикам, женщинам и маленьким детям. Подали мертвыми – по одному на десять мидян, и те ничего не могли поделать с эллинами...

...Антонин упал на глазах Кольки – в самых воротах, сбитый ударом щита огромного чернокожего с наголо бритой головой. Негр замахнулся коротким широколезвийным копьем, и повалился на спину, схватившись за лоб, в который Колька засветил ему почти в упор схваченный из-под ног булыжником:

– Н-на, Тайсон!

Колька помог Антонину подняться и закрыл подобранным тяжелым щитом, хотя обмирал, ощущая, как по щиту бьют, отдавая в ладони, вражеские копыта. Антонин, еще не совсем пришедший в себя, отмахивался из-за щита дротиком. Мальчишки уже карабкались на склон, по пятам преследуемые осатаневшими мидянами, стремившимися хоть как-то вознаградить себя за ускользнувшую добычу. Антонин метнул дротик, приколов одного вражеского воина к другому, выхватил нож, махнул им...

– Эгой, эгой! Сюда, сюда! Антонин, Николай!

Обернувшись, Колька увидел на гребне холма, на который они карабкались, всадника, державшего в поводу двух лошадей. И, узнав его, взвизгнул девчоночьим голосом:

– Филипп! – швырнул в мидян щит и со всех ног рядом с Антонином бросился к спартанцу. Тот держал в руках по дротику, метнул их разом, уложив двух самых рьяных преследователей и, выбросив руку, буквально вбросил в седло замешкавшегося Кольку, крикнув:

– Гоните за мной, как ветер! Гоните, во имя Зевса Громовержца!...

...Мальчишки ехали шагом между деревьев. Филипп по обыкновению с молчаливым и угрюмым видом подталкивал своего коня пятками. Свое появление

он вообще никак не объяснил, сказал лишь, что добыл трех коней, а это на двух больше, чем ему надо, вот он и решил одолжить лишних своим знакомым. Антонин со смехом хлопнул спартанца по спине и заметил, что кони мидийские. Филипп ответил, что он спросил хозяев, можно ли взять: те не возражали.

– Потому что не могли, – добавил Антонин и подмигнул Кольке. Наш рыцарь, ерзая на неудобном седле – стремян не было, упереться не во что – кисло улыбнулся. Навалились усталость и запоздалый страх. – Прости, – вдруг сказал Антонин: – Я смеюсь и радуюсь, что жив, а тебя забыл поблагодарить. Если бы не ты, понадобился только бы один конь.

Колька смутился. Глупо махнул рукой, протянув: "Да ла-ана..." – и соскочил с коня. Обнаружилось, что у него слева над коленом джинсы распороты и присохли к довольно глубокой ране. Рану тупо замозжило. Еще не столь давно Колька, как умирающий лебедь, и ступить не смог бы на "покалеченную" ногу. Сейчас – плевать...

– Надо спешить, – забеспокоился Филипп, но Антонин, сведя брови, удержал спартанца:

– Постой... Николай, ты уходишь?

– Теперь можно, – вздохнул Колька. – Бывайте здоровы и ничему не удивляйтесь.

– Не забывай, – Антонин поднял ладонь. – Не забывай нас, друг!

– Хотел бы – не забуду, – вздохнул Колька. И сдвинув пятки, подумав о зеркале – интересно, какое оно?

Часть 4. В Чёрных горах

1.

Стоя среди деревьев, Колька недоуменно моргал. Он мог бы поклясться, что никуда не переносился! Нет, конечно место было немного иное, и Антонин с Филиппом остались где-то во времени. Но так же зеленел лес на склоне холма, таким же обжигающим было утреннее солнце, так же прозрачно смотрелись и приятные запахи приносил легкий ветерок.

Тоже Греция, только в другом времени? А что, вполне может быть. Правда, до этого шпоры не повторялись, но тут никаких выводов сделать нельзя. Интересно даже, в какую новую историю втравил его Кашей. Может, появится и объяснит?

Как следовало ожидать, Кашей появился почти тут же, словно ждал. Колька снизошел до разговора первым – он вообще слегка подзабыл, что перед ним крупномасштабный злодей и даже позволял себе иронизировать:

– А-а, здравствуйте, здравствуйте, доброе утро! Собираетесь снова меня отговаривать? Не поздновато ли? Шестой день едва глазки продрал, а три вещи из пяти уже у меня...

– Николай, – суховато прервал мальчишку злодей, – ведите себя повежливей, я все-таки старше вас.

– Извините, – раскланялся Колька, вспомнив, как это делали рыцари в средневековой Шотландии. – Но уж тогда отыскиали бы себе Бабу-Ягу, что ли! Нет вас кинуло на подростков женского пола! Что, молчите?! Вот идите к себе в замок и ждите. Я скоро буду.

– Николай, – спокойно ответил Кашей, – смею напомнить, что ваш поиск еще далеко не закончен. Да и когда – если – вы его закончите, это вовсе не будет означать вашей победы. Скорее наоборот – меня перестанут связывать обычаи, и вам придется иметь дело со мной лично. Уверяю вас, это весьма неприятно... – Кашей начал было таять, но словно передумал, сгустился вновь и добавил: – И еще, Николай. Неужели вы думаете, что станете ПЕРВЫМ, кому удастся собрать ВСЕ вещи? Отнюдь... Были и до вас. Но я – вот он. А они – в моем саду... Так я позже к вам зайду, а вы все-таки подумайте.

Колька не нашел ничего лучше, как уже закричать в пустоту "сам дурак!" и усесться со спущенными штанами – обследовать рану, которая снова дала о себе знать. Колька послюнил палец и, морщась, стер подсохшую кровь. Порез снова закровенил, и Колька с остервенением прилепил к нему сорванный тут же лист подорожника, после чего осторожно натянул джинсы и улегся на траву – подумать.

Думать мешал голод. При таком активном образе жизни есть надо много и сытно. А он в последний раз жевал полсуток назад – мелочь разную. А плотно ел вовсе в Шотландии. Но размышления о происходящем с ним все-таки отвлекло мальчишку от мыслей о еде.

Пока что ему везет. То ли "по жизни", то ли по какому-то волшебному закону, да это и не важно. Зато здорово интересно. Страшно, опасно и... интересно, с удивлением осмыслил это до конца Колька. Правда интересно! Ощущаешь, что делаешь какие-то важные дела, а не просто ходулями по существованию перепрыгиваешь. Во-первых, конечная цель – помочь красивой девчонке. Благородная цель, настоящая рыцарская. Да и потом – скольким он уже помог! Алесю и партизанам. Алесдейру. Антонину, и даже целому городу! Вот интересно: а в этом времени, что получится сделать?

Наверное, вдруг подумал Колька, закидывая руки под голову, так было с настоящими странствующими рыцарями. Они отправлялись в поход ради дамы, совершали подвиги, убивали людоедов, великанов, брали крепости, ехали по пескам и лесам, страдали от голода и жажды – и постепенно забывали, что, собственно, делают в своем походе? Дама превращалась в символ, а целью становилось само путешествие, приключения и подвиги. Потом рыцарь возвращался – и вдруг понимал, что вырос в походах и перерос свою даму, не

вылезавшую из замка...

– Расхвастался, – вслух сказал Колька. И сел. Не потому что устал лежать.

Просто услышал выстрелы. Один. Другой. Третий.

Колька, сидя на корточках, озираясь, как волк – поворачиваясь всем телом и напрягшись для драки или бегства. Кругом было пусто, только ветерок раскачивал кроны деревьев, названий которых мальчишка не знал. Он уже было успокоился, когда услышал под ряд еще два выстрела – откуда-то снизу, из-за деревьев.

Распластавшись на животе, Колька пополз вниз по склону, прячась за кусты и высокую траву. Оказалось, что растительность скрывает обрыв – невысокий, но крутой – за которым лежала песчаная коса, а уж море – дальше.

Не песке вертелись на тонконогих конях несколько ярко, резко-кричаще одетых всадников в расшитых золотом куртках и белых чалмах, вооруженные длинными ружьями и саблями. Еще двое на песке лежали неподвижно. Как раз когда Колька выглянул, один из всадников приложился и выстрелил куда-то левее места, где прятался мальчишка.

Всадники что-то кричали, но ветер дул от берега, разобрать было невозможно. Потом они подобрали на седла коней их убитых хозяев и рысью поскакали по пляжу прочь, быстро скрывшись за скалами.

– Так, – пробормотал Колька, откатываясь в сторону и плавно отпуская ветви кустов, – опять ты в армии... стальные птицы над головой и какие-то турки под самым носом... А в кого они стреляли? Определенно – в хорошего парня...

Он поднялся на ноги и, стараясь шуметь минимально, двинулся берегом в ту сторону, куда стрелял всадник.

Почти сразу дорогу пересекла узкая лощина с обрывистыми краями – достаточно широкая, чтобы перепрыгнуть и достаточно длинная, чтобы и не пытаться ее обойти. Пыхтя от жары, Колька полез вниз и уже карабкался на противоположный склон, когда в лоб ему попал небольшой камешек, брошенный сверху. Тихо ойкнув, мальчишка вскинул голову и увидел направленный прямо в переносицу ствол старинного ружья. Ствол выглядывал из кустов. Кто держит его в руках – разглядеть не представлялось возможным.

– Стой, предупредил из кустов приглушенный, но явно мальчишеский голос.

– Стою, – так же шепотом отозвался Колька, примериваясь, нельзя ли вырвать этот самопал. Нет, не получится, далековато.

– Турок? – спросили сверху.

– Не, – отперся Колька.

– Христианин? – продолжался допрос.

– Угу, – кивнул Колька.

– Православный или католик? – допытывался невидимка, держа руку на прицеле.

Вместо ответа Колька перекрестился, от души надеясь, что тут не получится повторения белорусской истории.

– Зовут как? – уже не так напряженно спросили сверху.

– Колька... Николай.

Ствол ружья дрогнул, а из кустов – значительно правее – соскочил на дно лощины тот, кто допрашивал Кольку. Соскочил и ловко поймал начавший тот, кто допрашивал Кольку. Соскочил и ловко поймал начавший падать "ствол" – оказалось, он не лежал за ним, а держал за привязанную к прикладу веревку, сам устроившись в стороне.

– А меня – Мирко, Мирослав.

Колька с интересом рассматривал своего ровесника. У Мирослава было дочерна загорелое лицо, на котором синие глаза казались совсем прозрачными. Черные волосы – убраны под круглую шапочку с вышивкой. Поверх белой свободной рубашки был надет синий жилет, узкий, перепоясанный широким красным поясом, за которым торчали два пистолета и прямой кинжал до колен, ниже начинались то ли сапоги, то ли чулки, туго перетянутые ремнями.

Мирослав тоже рассматривал Кольку, опираясь на ружье. Потом сказал немного

недоверчиво:

– Ты не наш... Ты серб? Нет, не похож... и на грека не похож.

– Я русский, – сказал Колька и наугад добавил: – Я...я убежал. С корабля.

– С каторги!?¹⁶ – глаза Мирослава уважительно округлились. – Ты русс?! Ого! – и он сдвинул шапочку на затылок.

– А где я? – осмелился спросить Колька. Мирослав выпрямился и гордо повел вокруг рукой:

– Это Черногория! Не надо бояться, русский брат. Тебя никто не выдаст турецким псам. Это – земля вольная.

2.

Жареные куропатки и черствый хлеб показались Кольке поразительно вкусными. Мирослав съел меньше гостя, и когда Колька заметил это и смутился, черногорский мальчишка махнул рукой:

– Э, оставь... Я благодарю тебя за то, что ты поделил со мной пищу, это честь для меня. Мы все ждем руссов. С тех пор, как ваш царь Петро прислал деньги и оружие – ждем. Жаль, что его побили турки¹⁷ мы были готовы ударить навстречу на этих кровожадных собак... Видно, не судьба, ну да еще будет наш час! – и Мирослав погрозил куда-то кулаком.

– А ты что, охотишься в этих местах? – любопытствовал Колька, стаскивая пропотевшую рубашку и с наслаждением поводя плечами – на них падала тень от куста, у которого они сидели.

– Охочусь, – подтвердил Мирослав. И криво улыбнулся. вот и сегодня двух зверей завалил. Да ты видел, небось...

– Ты про турок? – тихо спросил Колька. Мирослав кивнул, отвернувшись в сторону. Так же не глядя на Кольку сказал:

– Вот послушай, что я расскажу.

Он немного помолчал и к удивлению Колька нараспев заговорил, по-прежнему глядя в море:

У старого Марко Стояновича
Было пять сынов и дочь младшая.
Жена стара, внуки малые
На руках у седого Марко оставлены.
Первый сын Марко сгинул в Боснии,
А второй в плен был угнан турками,
Третий сын Марко срублен в Далмации,
Пал четвертый в родной Черногории.
Младший сын остался, Мирослав Маркович,
Дочь осталась – Мирьяна Марковна.
Старый Марко на них не нарадуется!
Мирослав да Мирьяна с внуками -
Вот и рода его продолжение!
Как-то раз Мирослав охотился,
Пропадал по горам-лесам, вернулся с добычей.
Да вернулся на пожарище остывшее.
Мать-отец лежали неприбраны.
У них головы были отсечены,

у них руки были отрублены.
А племянники и племянницы малые
Костью все лежали обгорелою
Там, где дом был родной Мирослава Марковича,
Где он рос, где ему было счастливо...
От сестры Мирослав следа не сыскал.
Поднял он тогда голову отцовскую,
Он прижал ее к груди, рыдал горестно,
Бился с криком о бревна обгорелые.
"Храбр, могуч был Марко Стоянович,
Пока старость волосы не выбелила.
Тут как раз и беда нагрянула,
а старик и рук поднять не сумел,
а спасти его было некому!
Ой, зачем ты остался жить, Мирко Маркович?!
Почему не умер ты с близкими?!
Тебе было бы сейчас легче легкого..."
Открывает тут глаза мертвые
Голова отцовская на его руках.
Размыкаются уста окровавленные,
Слышит Мирослав голос Марко старого:
"Мирослав, сын мой младший, ты слез не лей.
Знай: сгубил нас бей Исмаил-Паша.
Он увел сестру твою красавицу,
Он угнал Мирьяну в бесчестие!
Заряжай ружье русское, Мирослав Маркович,
Заряжай пистолы немецкие,
Отточь ты кинжал и саблю польскую.
Ты пойдь и найди Исмаил-Пашу
Как он мне – сруби ему голову,
Отомсти за родных погубленных,
Вызволи сестру Мирьяну Марковну -
Тогда спать мне спокойно в сырой земле..."
С той поры я ищу Исмаил-бей-Пашу,
Плачу туркам, что ими заслужено...

Колька слушал, чуть приоткрыв рот. Когда Мирослав умолк, то и рот Колька захлопнул, но лишь за тем, чтобы тут же снова открыть и спросить:

– Ты ищешь свою сестру?

– Я ее нашел, – вздохнул Мирослав. – Она там, внизу, – он махнул рукой, – в деревне на берегу... И Исмаил там. Не сегодня-завтра отплывет его каторга, и как мне быть тогда, где сестру искать – за морями? Вот и я решил: сегодня ночью попробую сестру выручить. И будь, что будет.

– Что-то ты как-то без оптимизма говоришь, – заметил Колька и, видя, что Мирослав не понял, объяснил: – Ну, уныло.

– Чему радоваться, – отмахнулся Мирослав, – Исмаил-то знает, что я тут и чего я хочу. Я ему за эти две недели немало крови испортил, да и отряд его поубавил. Глупо я поступил. Надо было идти по селам в горы и собирать людей – желающие схватиться с турками всегда нашлись бы. Да я турецкой крови пролить побольше спешил. Вот и попался. Пойду за подмогой сейчас – время упущу. Пойду сестру выручать – так Исмаил начеку. И ее не выручу, и сам погибну.

– Так что будешь делать? – сочувственно спросил Колька. Мирослав посмотрел так

удивленно, словно Колька поинтересовался, есть ли у него нос:

– Пойду за сестрой, что же еще? Иначе не будет мне покоя ни на том, ни на этом свете... А тебе дорогу укажу – может, и доберешься до земель, где нет турок.

– Доберусь... – задумчиво кивнул Колька. – Вот что, Мирко. Расскажи-ка ты мне поподробнее про этого Исмаила, про его отряд, что он тут делает и в какой такой деревне обосновался...

...Оказывается, бывает очень трудно разобраться в себе самом. Раньше Колька думал, что это простое дело – что тут разбираться, кто же знает человека лучше, чем он сам?! А вот поди ж ты... С чего он предложил свою помощь Мирославу – Колька и сам не знал. Раньше он тоже помогал, да. Но во-первых, и ему помогали, как бы взаимозачет. А во-вторых – все его приключения были связаны с нужными ему вещами, помогая другим, он помогал и себе.

Сейчас ему ничего не светило, кроме потерянного времени и риска. Но чувствовал себя мальчишка НА УДИВЛЕНИЕ хорошо.

Мирослав намеревался ночью ворваться в селение, стреляя и орудуя холодным оружием, пробиться к дому, где Исмаил-Паша держал сестру, освободить ее и бежать в горы. План был героический, что и говорить. С одним-единственным минусом: скорее всего, Мирослава убьют еще раньше, чем он даже нужного дома доберется. Что уж там кого-то освобождать. Кстати, черногорец и сам это понимал, что не уменьшало его решимости поступить именно так.

Но на взгляд Кольки это не годилось. Тем более, раз он решил участвовать в "разборке" сам.

– Значит, говоришь, – уточнял он, сидя на траве со скрещенными ногами и тыча палочкой в изображенный на земле план селения, – что каторга стоит прямо у берега, и пленников держат на ней в цепях?

– Женщин и девушек – в одном из домов на берегу. И без цепей, – пояснил Мирослав, устроившийся рядом. – Что бы товар не портить. В каком доме – не знаю. Турок не меньше сотни, и злы они, караулы хорошие.

– А вот тут их кони? – коснулся Колька палочкой изображения, похожего на букву П, только очень широкую. – Это для коней штука, как ее?

– Коновязь, – уточнил Мирослав. – Она и есть.

Несколько минут, не меньше, Колька размышлял, подперев подбородок кулаками. Потом спросил:

– Как думаешь, если пленных освободить, станут они драться?

– Станут, – без раздумий ответил Мирослав. – Они здешние, Черных гор дети, у них в жилах кровь, а не вода.

– А ключи у кого? От кандалов или от чело там? У твоего Исмаила?

– Нет, – покачал головой Мирослав, – зачем? Мужчин-пленных он сразу капитан-аге продал. Их, наверное, уже к веслам приковали. Ключи у старшего надсмотрщика, а он все время на каторге.

– А караул на каторге несут матросы или солдаты? – продолжал задавать вопросы Колька. Черногорец уверенно отозвался:

– Солдаты. Да что ты задумал, Никола?

– погоди, – Колька даже усмехнулся от сознания своего ума, – Если все пойдет, как я думаю, то мы не только твою Мирьяну освободим, но и всех вообще пленных, а их турок никто не уйдет... Вот еще. Чем турки коней кормят овсом или сеном?

– Сеном, – тут же отозвался черногорец, – сено вот здесь... – он не договорил, широко распахнул глаза и с восхищенным изумлением уставился на Кольку. – Ты кем был на Руси? Ты как в плен попал?

– Офицером был, – без зазрения совести ответил Колька, смутно вспомнив из прочитанного, что были тогда и четырнадцатилетние офицеры, и даже младше, кажется. – Догадался, что я делать собираюсь?

– Как бог видит! – восторженно отозвался Мирослав. – Победим – оставайся с нами,

бери в жены Мирьяну, я как брат ее тебе отдам! Зачем тебе со шведами воевать, что они тебе сделали?! Будем вместе турок резать! Оставайся, Никола!

– Нет, я домой отправлюсь, – засмеялся Колька. – Да, ты стреляешь хорошо?

– За полсотни шагов в куриное яйцо попадаю, – гордо ответил черногорец.

– Тогда слушай, что надо делать, – Колька встал на колени и наклонился над чертежом в пепле.

3.

– Они в том доме, – черногорец уверенно показал на крайний со стороны моря дом под соломенной крышей, отличавшейся от остальных домов селения толь застекленными окнами. – Сколько лежим тут, вон сейчас и стемнеет – а туда несколько раз котел с едой носили. И воду.

– Угу, – ответил Колька. Он раздевался, сидя на камне и сейчас с некоторым сомнением разглядывал снятые кроссовки. Оставить их вместе с остальной одеждой страшно, но не плыть же в них? Колька вздохнул и положил обувь под куст, аккуратно прикрыв джинсами. – Постарайся не шуметь. Пойми, твое дело не турок поубивать, а женщин освободить... Внимательно смотри – как увидишь меня возле кормы, так и стреляй. Не промахнись.

– Будь спокоен, – уверенно кивнул черногорец, похлопав по прикладу ружья, из ствола которого торчала палка с тряпичным набалдашником, пропитанным маслом. – Запалю так, что весь отряд сбежится... А Исмаил-Пашу все-таки побрею на всю жизнь, и не отговаривай.

– Смотри, – Колька поднялся и вздохнул: – Пойду. Пока до берега спущусь, стемнеет... Пистолет давай.

Мирослав протянул тяжеленный пистолет, рукоятка которого была украшена набалдашником: если взяться за ствол, то можно использовать как дубину. Ото все души Колька надеялся, что ему не придется стрелять.

– Курок спущен, пыж забит, – сказал Мирослав. – Смотри не макни в воду... Давай поцелуемся, что ли, Никола.

До сих пор Кольке несколько раз приходилось целоваться с лицами противоположного пола и он не питал никого энтузиазма при мысли о поцелуе со своим ровесником, но и отказать не смог, даже сплюнул только за кустами, уже спускаясь по камням к воде. А Мирослав присел за камнем, взвел курок ружья, раздул трут и, помахивая им в воздухе, до боли в глазах уставился на чернеющую в сгущавшейся темноте на фоне воды корму галеры-каторги, к которой вел один из якорных канатов...

...Плыть с пистолетом в зубах, держа его за скобу вокруг спускового крючка – удовольствие то еще. Колька извелся, у него заболела шея, а слюни текли, как у бешеной собаки. Почти с облегчением – хотя он боялся этого момента – Колька нащупал одной рукой и ногами канат, перехватил пистолет в правую руку и, насколько это было возможно, высунувшись из воды, помахал оружием...

...На берегу Мирослав упер приклад русского ружья в землю, несколько раз покачал стволом, выбирая нужную дальность, поджег от трута ярко вспыхнувший тряпичный узелок и выстрелил.

Огненный комок, взвившись по дуге, замер на миг в высшей точке полета, а потом, вновь набирая скорость и плюясь каплями горящего масла, упал точно на стог сена рядом с коновязью.

Дети! Вам говорят в школе, что книги читать полезно. Поскольку это говорят учителя, вы не верите. И очень зря, могу вам точно сказать. Конечно, книги бывают разные. Есть очень даже вредные. Такие, какие любил читать Колька и какие советую вам читать, чтобы, оказавшись в подобной ситуации, четко знать, как действовать, не дожидаясь добрых дядей из МЧС и ВДВ. Они могут и не появиться...

...Со всех концов селения с воплями сбежались турки к вспыхнувшему стогу, возле

которого бились на привязях и кричали от ужаса кони. Трещал огонь, жар отталкивался от тех, кто подскакивал поближе, кто-то уже тащил воду, кто-то вопил, зовя на помощь бегущих от каторги моряков, кто-то, завернув лицо в мокрую чалму, рубил изогнутым ятаганом поводья. В этой суматохе никто и внимания не обратил на скользившего вдоль околицы Мирослава с пистолетом и саблей наготове...

...Когда по воде заматались отсветы пожара, на берегу разноголосно и тревожно закричали, на палубе сверху затопали ноги, а сходни, переброшенные на берег, затряслись от множества ног. Колька понял, что Мирослав свое сделал – в ближайшие полчаса до каторги никому не будет дела. Только бы этот главный надсмотрщик не умотал на берег, думал мальчишка, карабкаясь по канату, как в физкультурном зале. Корма у каторги оказалась высокой, и Кольке казалось, что он лезет очень долго. На берегу начали стрелять – в темный свет, как в динар, отбивая нападение черногорцев численностью не менее тысячи. Та-ак, это уже хуже – только бы не вздумали эвакуироваться на корабль...

Трое турок – здоровенных, голых по пояс, с плетками в руках – стоя спиной к Кольке, с интересом наблюдали картину пожара, обмениваясь горловыми репликами. Колька мягко соскочил на кормовую палубу возле лестницы, посидел на корточках и, встав в рост, заорал, не опасаясь, что его услышат на берегу:

– А ну – базар йок, секир башка карачун, доперли?!¹⁸

Надсмотрщики – а это были они – повернулись, словно ужаленные и увидели плохо различимую фигуру голого (так им показалось) человека с пистолетом. Колька забыл взвести курок, но он этого и сам не знал, а тем более не знали турки. Как и все надсмотрщики во всем мире, особой храбростью они не отличались, поэтому немедленно повалились на колени, побросав кнуты, и завывали:

– Ама-а-а-а-ан!!! Френджи, ама-ан!!!¹⁹

– Вэр из э кэй виз э феттерс, шитз?!²⁰ – перемкнуло Кольку, и он подкрепил свою просьбу судорожными движениями пистолетного дула, окончательно убедившим турок, что перед ними "отмороженный народный мститель", который и без пистолета способен поотрывать им головы. К счастью, они и не подозревали, что у Кольки просто затряслись неожиданно руки...

Еще более удивительным было, что один из надсмотрщиков, сдернув с пояса здоровенное кольцо, бросил его к босым Колькиным ногам, едва не отбив мальчишке пальцы простонал:

– Вис кейз... донт кил, вандерфул сэр!²¹

– Гой даун фронт оф ми, ран!²² – завопил Колька на автомате, размахивая пистолетом.

– Релисиз оллз фром зе феттерз, велл!²³

Внизу уже гудели прикованные рабы, понявшие, что наверху творится что-то не вполне обычное. Не смея поворачиваться спиной к мальчишке, следовавшему за ними по пятам до широкого люка, из которого невероятно воняло, турки начали спускаться вниз. Послышался звон, грохот, потом – вопли и азартная толкотня. Колька отшатнулся от люка, откуда высунулась голова – взлохмаченная и жуткая – и что-то спросила по-итальянски.

– Не врубаюсь, я русский, – ответил Колька, – но вы все свободны. Спецназ прибыл вовремя, выкуп за заложников не выплачивался...

Наружу полезли омерзительно пахнущие, возбужденные, грязные и решительные люди. Кто-то отдавал команды, кто-то уже ломал двери в каюты, чтобы добраться до оружия, кто-то разномыслил и горячо благодарил Кольку, а несколько серьезных бородачей,

18

19

20

21

22

23

повинуясь отдаваемым по-немецки командам белобрысого и вполне интеллигентного парня, выкатывали из портов²⁴ и разворачивали на берег пушки – их на каторге было полдюжины.

– Э, э, э! – завопил Колька, бросаясь туда. – Э, по домам не стреляйте, там свои, вы чего?!

Один из бородачей сказал что-то белобрысому, тот оскалился и толкнул Кольку в плечо, прогнусив:

– Йа, рихтигъ, керл!²⁵ – и, отвернувшись, поднял руку: – Файер!²⁶

Пушки ахнули в разнобой, но дружно, а на берег по сходням уже валила разномастная и чем попало вооруженная толпа. Колька перепрыгнул через борт и, стараясь не намочить пистолет, побрел к берегу по грудь в воде – искать Мирослава. Не оставаться же было на галере, когда еще ничего не кончено?!

...Возле дверей лежали двое турок – крест-накрест. Сами двери были открыты настежь, и Колька с порога увидел, что там происходит.

Еще один турок, разбросав руки и выронив саблю, лежал за порогом. В небольшой комнате горели свечи, в их неожиданно ярком, но мечущемся свете вокруг опрокинутого стола кружили Мирослав и рослый турок, богато одетый, с красной бородой. У него, как и у Мирослава, были сабля и кинжал, только изогнутый и более длинный. И Мирослав и турок непрерывно ругались на двух языках, причем Мирослав так, что уши вяли, у пивного ларька не услышишь.

– Дроп е ган!²⁷ – перескочил с классических английских на американские киношные рельсы в конец обалдевший Колька и присел, вскинув пистолет в обеих руках, так, что затрещали трусы. В ответ турок молниеносно метнул в него кинжал, и, если бы Колька не закосил под штатовского полисмена со своими приседаниями, кинжал попал бы ему куда-то в глаз, а так – вылетел в дверь.

Этого мига хватило Мирославу. С ликующим воплем он прыгнул вперед, перехватил саблю турка и...

– За мою семью! – услышал отвернувшийся Колька его крик. Потом тяжело упало что-то, покатилося.

И только потом упало тело...

...Вообще-то черногорцы – дикие люди, да и освобожденные рабы, среди которых оказались люди дюжины национальностей со всей Европы, за время плена одичали. Колька немного посмотрел, как они все под ликующие вопли и воинствующую музыку каких-то рожков и чего-то вроде скрипок насаживая на колья отрубленные головы турок – и отправился спать в один из домов, куда хозяева его чуть ли не на руках внесли. Просто народ, подумал Колька, возясь на соломенном тюфяке. Таким в качестве врага лучше не попадаться – до конца дней своих бегать будешь по кабинетам психокоррекции. Но с другой стороны – детей за выкуп не похищают, наркоту не жрут и финансовых пирамид не создают, подумал Колька и на удивление быстро и спокойно уснул. Ему снилось, что он с приятелями в видеобаре смотрит какой-то ужастик и все время зеваает, вертится и критикует фильм, невероятно скучный и пресный по сравнению с тем, что успел увидеть за последнюю неделю...

...Проснулся Колька от того, что выпался. Солнечные лучи падали на стену из двух маленьких окошек под низким потолком. Кто-то прикрыл его легким одеялом, пахнущим молоком и шерстью. Рядом лежали его одежда и обувь, вычищенные, отмытые и заштопанные. Колька лениво высунул руку из-под одеяла – шпоры были на месте.

За приоткрытой дверью слышались голоса, невнятные, но настойчивые, потом – смех, звонкий, хотя и приглушенный. Колька приподнялся на локтях и удивленно заморгал:

24

25

26

27

вошла потрясно красивая девчонка, смотревшая в пол, поклонилась присела и, поставив рядом с постелью кувшин молока и тарелку с хлебом и печной рыбой, тихо спросила:

– Как спалось?

– С-спасибо, хорошо, – кивнул Колька и услышал веселый смех:

– Целуй ее, целуй, я как брат разрешаю, только потом жениться придется! Утро доброе, Никола!

В дверях стоял, подбоченясь, во всей своей красе Мирослав – улыбающийся, левый рукав рубахи небрежно оторван и пущен на повязку.

– Ой ты! – девчонка не смутилась, замахнулась на Мирослава, вскочив, рукавом. Тот приобнял сестру и, посерьезнев сказал:

– Спасибо тебе, что стрелять не стал вчера. Я сам должен был его казнить. И за все прочее спасибо... Мы, Никола, с Мирьяной уходим. Дом поднимем, я жену найду. Мирьяна – мужа... Пойдешь с нами? – прямо спросил он. – Мне будешь братом. Мирьяне – хочешь, мужем, а не хочешь – так тоже братом. Пойдешь Никола?

Колька вздохнул:

– Не пойду, Мирко, прости. Меня ждут.

– Люди, которых ты освободил, в Венецию плыть собираются, на каторге, – Мирослав немного обиженно отвел глаза. – Плыви тогда с ними. Тут недалеко, а в Венеции руссы часто бывают, возьмут тебя домой, – Мирослав отстранил сестру и подтолкнул ее к выходу, а сам, дождавшись, пока она уйдет, подошел ближе к Кольке, который начал одеваться. – Нечего мне подарить тебе – разве что пистолет или кинжал... – черногорец замялся, и Колька замотал головой: – Не хочешь?!

– Тебе нужнее, – Колька, поочередно поднимая ноги, натянул кроссовки. И ощутил, что зеркало, которое ищет, где-то близко! Рядом совсем! Он даже огляделся, а Мирослав понял это так, что Колька собирается уходить, и заторопился:

– Тогда прими мою дружбу. Если будет во мне нужда – пришли весть в наши края и я приду. В том клянусь, – и Мирослав перекрестился, – и крест святой на себя кладу... Пошли, проводим тебя с Мирьяной до каторги.

Было уже за полдень. Колька потянулся, стоя на пороге дома, поклонился сидевшим неподалеку старикам, при виде мальчишки почтительно обнажив им головы и уже открыл рот, чтобы сказать Мирославу, что он не плывет никуда, потому что должен найти одну вещь, когда...

– Вот от меня тебе подарок, – сказала Мирьяна. – Когда б не ты – брат сказал так – он бы сгинул, а мне быть проданной на константинопольском рынке. Возьми, не отказывайся. Пусть будет память, поглядишься – и нас вспомнишь.

В руке Мирьяна держала... зеркало. Зеркальце из полированного серебра на короткой витой рукояти. ТО САМОЕ ЗЕРКАЛО.

Эпилог

Незванный гость.

Было тепло, даже жарко, душно. Что-то мягкое, обширное и легкое обнимало Кольку со всех сторон, отбивая охоту шевелиться. Голова легко кружилась, во всем теле было плавное бессилие, как после болезни с температурой. Глаза открывать – лень...

Он, наверное, просто сильно распростыл где-то и свалился с "градусами", а в бреду ему привиделось все – все эти приключения со шпорами и беготней по разным временам. Лежит он дома, и все тут. Колька уже совсем собрался позвать: "Ма-а..." и попросить попить – очень хотелось – когда понял, что не могло быть в его комнаты, да и вообще в квартире таких запахов.

Пахло дымом. И сеном. И еще чем-то – не городским, так он определил для себя. И

звуки! Потрескивал еле слышно, но явственно огонь. Ровно и неприятно свистел ветер. Что-то похрустывало.

Колька открыл глаза и сел. Почти тут же все поплыло, он не успел ничего увидеть или понять – пришел в себе только тогда когда почувствовал, как прохладная жидкость с запахом ягод, кисло-сладкая и приятная, льется в рот. Он начал глотать и услышал женский голос:

– Вскочил, как оглашенный. Разве можно так после болезни? Заново сляжешь, что ты, милый. Давай пей, пей, а потом поешь еще, да опять поспишь – болезнь и отступится...

Мальчишка снова открыл глаза – осторожно и медленно.

Над ним склонялась немолодая, седоватая женщина с добрым и когда красивым лицом, одетая так, как на картинках в книгах и учебниках были показаны русские крестьянки. Потрескивал огонь большой печи. Над широким столом горели несколько лучин, угольки падали в блюдо с водой и тихо шипели. В полутьме различались контуры небольшой низкой комнаты с небогатой обстановкой, только под потолком Колька разглядел ряд голов животных и птиц, смотревших многоцветными, посверкивающими глазами – жутковато и загадочно.

– Где я? – спросил Колька, вновь взглянув в лицо женщине.

– Неужели не помнишь ничего? – тихо спросила она. Колька заглянул ей в глаза... и вспомнил!

Он сдвинул пятки кроссовок на глазах у пораженных черногорцев. И сразу – холод. Стонущий от мороза, заснеженный лес, полный серым вечерним полусветом. Холодно. Очень холодно... Он брел по сугробам, проваливаясь по пояс, не чувствуя веса тела. Кажется, плакал, и слезы схватывало прямо на щеках. Потом он упал и пополз. Уткнулся в корягу, потыкался в нее, свернулся клубочком и понял, что замерзнет насмерть, только было совсем все равно.

Кащей. Да, появился Кащей, но уже ничего не предлагал, а только посмеялся, и смех был страшным, злобным и пренебрежительным. Потом... что было потом?! Он увидел волчью морду, почувствовал, как шею обожгло горячее дыхание и обрадовался этому теплу.

И все.

– Вы нашли меня в лесу?! – спросил Колька.

– Не я, – улыбнулась женщина, ставя берестяную кружку на стол. – Морозко нашел. Вон он, красавец. Покажись, Морозко!

Возле печи в ее отсветах возник огромный лобастый пес с глазами, похожими на жидкий янтарь, широкой грудью и серебристо-снежной шубой. Пес спокойно и внимательно смотрел на Кольку и снова канул в тень за печью.

– А вы кто? – еще спросил Колька.

– Вьюгой зовут, – отозвалась женщина, и Колька понял, что она совсем не старая, просто усталая и озабоченная чем-то. – Как родилась я – вьюга была, прямо, что сейчас. Вот и стала Вьюгой. Ведунья я. В лесу живу. Я да пес.

– А где я вообще? – настаивал Колька.

– Далеко, – тихо ответила женщина. – Ты времен тех не знаешь. А место простое. Будет тут твой город родной стоять. Когда века отвекуют, в тысячи лет сложатся, а те тысячи своим чередом пойдут. Коля-Николай.

– Откуда вы про меня знаете? – напрягся Колька.

– Не бойся. Говорил ты, пока без памяти лежал. Часто говорил, помногу.

– Сколько... – Кольку вдруг охватил страх. – Сколько я у вас лежу?!

– Долго, – покачала головой Вьюга. – Седьмой день пошел.

Колька зажмурил глаза и застонал. Седьмой день – это тринадцатый! И завтра – ЗАВТРА! – свадьба Кащей и Зоринки! Съела болезнь весь резерв, добился своего этот козел в костюмчике – не силой, так при помощи простуды!

– Мне идти надо, – Колька, преодолевая себя, сел. – Мне рог надо искать, тетя Вьюга. Как угодно, где угодно – надо.

– Куда пойдешь? – ведунья покачала головой. – До ближней стоянки два дня пути, а в такую погоду и вовсе нет, никакая одежда не спасет. Волки сожрут, либо метель закрутит...

– Я слово дал, – твердо ответил Колька. – Если можете – помогите одеждой, лыжами там...

– А если нет у меня лишних-то – все равно пойдешь? – насмешливо спросила женщина. Колька ответил на ее взгляд своим – прямым и задиристым:

– Я слово дал, – повторил он отчетливо.

– Ишь – слово, – покачало головой Вьюга. – А что твое слово? Ты дал, ты и возьми. Все одно – к сроку нужного не сыщешь. Думаешь, не смогу тебя домой вернуть? Я Кашея не слабее в таких делах – отлежишься, да и ступай...

Колька задумался. На самом деле задумался, потому что было над чем. И ответил:

– Один день – да мой. Не могло меня далеко отрога выбросить, я по опыту знаю. Может, и успею найти...

– Не могло, – согласилась Вьюга, вставая. – И не зря по снегу ты брел да полз, замерзая, лечь себе не давал до последней возможности. Если б не упорство твое – замерз бы ты в лесу. А путь твой был верным. У меня этот рог, Коля-Николай. Я его храню. И за просто так не отдам, уж прости. Зарок на мне.

– Что нужно делать? – поинтересовался Колька.

– Три загадки отгадать, – улыбнулась Вьюга. – Отгадаешь – рог твой. А не отгадаешь... – она помедлила, И Колька спросил:

– Голова с плеч?

Вьюга улыбнулась – грустновато, странно.

– Нет, почему? – голос её был мягким. – Просто – домой.

– Домой? – Колька свёл брови. Несколько секунд думал, потом тряхнул головой: – Давайте свои загадки. Я готов.

Вообще-то ситуация была смешной. Какой-то уж очень сказочной, совсем нереальной даже на фоне всего, произошедшего раньше. Может быть, поэтому Колька не опасался, что может не отгадать...

...пока не поднял глаза и не увидел глаза Вьюги.

И тогда ему стало не по себе – такая там была мудрость, вечность и... безжалостность. Мальчишка понял – нет, не всё так просто. Если он не отгадает... да, домой. Но...

Он сам не мог толком объяснить – что тогда. И всё-таки понимал:

БУДЕТ ПОТЕРЯНО ЧТО-ТО ОЧЕНЬ-ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ. НАВСЕГДА!

– Я готов, – повторил Колька.

– Ну, слушай загадку первую, – Вьюга помолчала. – Раз послушаешь – и запомнится. Раз покушаешь – снова хочется. Ну а коль её слушаешь, коль её кушаешь – сам себе ум смущаешь, сам себе могилу копаешь.

Да, это были не "два конца, два кольца..." Колька задумался – всерьёз. Ясно, что загадка была "с подковыркой"... Фигуральная, так сказать... Что же это такое? Сам себе могилу копаешь... если слушаешь – сам себя губишь, получается? Ложь? Но ложь не захочешь слушать-"кушать" второй раз, а тут сказано – "раз покушаешь – и запомнится". М-м-м... клевета? Да, клевету можно запомнить навсегда, но... но и её второй раз слушать не станешь. Так... Колька потёр лоб. Вьюга смотрела спокойно, не торопила. И мальчишка тоже успокоился... а ответ пришёл в ту же секунду, как награда за это спокойствие.

– Лесть, – сказал Колька уверенно – раньше, чем осознал сказанное. – Это лесть.

– Верно, – кивнула Вьюга раньше, чем он успел испугаться: а вдруг неправильно?! – Отгадал – так отгадку запомни... А вот и вторая загадка: кто на праздник к тебе и не придти может, а как беда – рядом всегда?

Ого! Колька вздохнул невольно. Но тут же подумал – а ведь это просто. Горе! Конечно, на празднике ему делать нечего – ну а раз беда, то... Он уже открыл рот, но засомневался. Может не придти... Не "не придёт" – а "может". Нет, не горе. Горю на празднике делать **ВООБЩЕ** нечего. Тогда что?

И ему вдруг вспомнилось, как два года назад заболела мама. Неопасно, но тяжело. Отец и Колька сбились с ног. И вдруг приехал отцовский армейский товарищ – Колька про него только мельком и слышал, про дядю Лёшу, не помнил, чтобы тот приезжал... А тут вдруг прибыл, как снег на голову – и сразу всё наладил. Привёз какие-то лекарства, устроил с врачами – и опять уехал. А отец потом как-то сказал: "Вот Лёшка человек! На праздник нее дозовёшься – стесняется, делами отговаривается. А тут – как из ниоткуда возник! Ну..."

– Друг, – сказал Колька. И почувствовал, как почему-то сжалось в груди. – Это друг. Друг в беде всегда рядом.

– И это верно, – кивнула Вьюга медленно. – И эту отгадку запомни. А теперь третью слушай. Без чего жить легко – умирать тяжело?

Чёрт... Колька закусил щеку. Как и было положено в сказке, каждая следующая загадка была труднее предыдущей... Насчёт этой – мыслей не было **ВООБЩЕ**. Без чего жить легко... Пойдём путём логики. Без беды, например. Легко. Это точно. Но дальше чушь. Умирать тяжело... Жить легко – умирать тяжело... Тут какой-то подвох. Когда легко жить? Да когда ни о чём не заботаешься, ничего особо не заморачиваешься, и... а оптом спохватываешься, но уже поздно, и...

– Честь, – сказал Колька. Прокашлял почему-то вставший в горле комок и повторил твёрдо: – Это честь, тётя Вьюга.

– И эту отгадку помни крепко, не забывай, – обыденно – так обыденно, что Колька даже не понял сразу, что отгадал и таращился на женщину изумлённо. – Рог твой. Давай-ка собери тебя в путь. А отгадки – помни крепко.

* * *

В аллее было пусто и тихо. Но со стороны замка нёсся шум разгула – похоже, свадьба начиналась.

– Успел вовремя, – сказал Колька статуям. Те промолчали. – Ну, потерпите. Я скоро, а там и вам как бы полегче станет... Э! – гаркнул он в сторону замка. – Иду! – и пристукнул кроссовками.

Он почему-то думал, что его понесёт к воротам со страшной скоростью. Но его никуда не несло – мальчишка просто **ОКАЗАЛСЯ** возле ворот. Хмыкнул и с плеча ухнул в них мечом.

Ворота рухнули внутрь, взвизгнув перерубленными скрепами, сорвавшись с петель, влетели прямо в замок – в облаке древесной трухи и искр, – и Колька шагнул следом, как Терминатор в кино, со словами:

– Не опоздал?

Внутри все изменилось. Огромный зал был ярко освещен и заставлен столами, за которыми ела и пила нечисть самых разных рангов и обличий. Если бы ни закалка при помощи ужастиков, человеку, взглянувшему на гостей Кашея, запросто могло бы сорвать крышу. Но Колька лишь повел взглядом – и ближние к нему столы очистились. Часть гостей скрылась под них и завесилась скатертями, кто-то быстренько перебазировался за другие, некоторые просто исчезли.

– Ко-ля-а! – услышал Колька крик и увидел, как рванулась к нему из-за столов в дальнем конце зала Зоринка в белом платье и с опухшим от слез личиком. Но Кашей, разодетый в отличную черную тройку, протянув худую руку, отбросил девчонку в украшенное черепами кресло так, что она сломала его спинку и рухнула на пол, скрежетнув:

– Сиди!

– Не тронь ее, козел! – заорал Колька и прыгнул вперед. В тот же миг в его щит ударила струя пламени, выпущенная средних размеров динозавром – наверное, Змеем Горынычем – и все кодла гостей бросилась в бой.

Правда, выяснилось, что некоторые бросились лишь за тем чтобы проскочить **МИМО**

мальчишки в дверной проем. Но и возжелавших накостылять ему за нарушенную свадьбу оказалось немало. На свои, впрочем, головы. То ли Колька чего поднабрался в двух недельных странствиях, толи – что вернее – щит и меч работали за него, но только единому из разнообразной, вооруженной и безоружной нечисти не удалось не то что оцарапать мальчишку, но даже и просто до него дотронуться. Через не очень длительное время Колька обнаружил, что слегка запыхался, зато стоит перед самым Кашеем. тот по-прежнему сидел в своем кресле и задумчиво барабанил пальцами по подлокотникам. Зоринка лежала без сознания, но дышала и на вид даже не пострадала особо.

– Я спросил – не опоздал? – уточнил Колька, чуть поигрывая мечом. – Венчание там, запись в книге актов гражданского состояния уже были? Нет? Тогда объявляю всю процедуру незаконной. Свали с кресла.

– Лихо, – признал Кашей. И поднял руки с улыбкой, сделавшей его лицо почти симпатичным. – Не ожидал. Проиграл, признаюсь... Тебе что – она нужна? Забирай пожалуйста...

– Э, в каком смысле – забирай, ты, бритоголовый недобитый? – насторожился Колька. – А как же с тобой биться! Давай, выходи!

– Коля, я похож на идиота? – изумился Кашей. – Биться с тобой?! Когда ты добыл все волшебное снаряжение и перебил больше сотни моих гостей – совсем не слабых бойцов?! Да ты хоть знаешь, мальчик, что сделанного тобой до сих пор никто не мог совершить?! Ты заслужил не только Зорину, нет. Я уж не говорю, что твоя слава попадет и на страницы книг и летописей – когда вернешься домой, посмотри, и ты, скорее всего, найдешь упоминания о юном герое, который, пройдя по болотам, спас от фашистов партизанский отряд... и о великом певце, покаравшем злобного рыцаря прямо на пиру... и об отважном и находчивом воине из Македонии, избавившем от рабства и гибели множество жителей Халкиса... и о храбром русском офицере, вызволившем с турецкой каторги невольников... И все это – ТЫ Николай!

– Ну... – Колька смутился. – Я вообще-то там не один всё это ведь делал...

– Ты и один сделал бы то же, только быстрее и лучше! – горячо возразил Кашей (а вот интересно, когда это он успел встать и подойти почти вплотную?... а, не важно, что он еще там говорит?). – Тебе только мешали, то одного, то другого приходилось выручать, подвергая себя лишнему риску... Вся заслуга – твоя! Ты – герой! Ты – победитель, и даже я это признаю, признаю, что ты победил меня! Я не просто отдам тебе Зоринку. Нет, я щедро награжу тебя! Вот, бери! Это твое!

И откуда-то словно из воздуха – к ногам Кольки хлынул поток золотых монет, быстро росший в доходившую до колен горку. Они сверкали и манили своим блеском. Колька отложил меч и нагнулся...

Что-то врезалось в живот, а потом выпало на золотую грудку. Это было зеркало Мирьяны. и в нем Колька увидел свою сонно-довольную, тупую рожу... а за спиной – Кашея, заносащего длинный нож! Злодей довольно улыбался.

Вскинув над собой щит, Колька кувыркнулся и вскочил на ноги, уже сжимая в руке меч. Лицо Кашея исказило злобное разочарование.

– Вы мне льстите, господин дистрофик! Насмешливо сказал Колька.

Кашей отступил на несколько шагов. Колька двинулся к нему, соображая что делать. По идее он – бессмертный, ну да может, меч возьмет?...

– погоди, – вдруг лязгнул голос Кашея. – Ты, я вижу, очень быстр и самонадеян. Думаешь, наверное – ах, какой глупый, сказочный злодей! Почти смешной, как на картинке в книжке с хорошим концом! А вот и ошибаешься! Не очень-то я и смешной, Николай!

Кашей вскинул руки. Ледяной ветер погасил огни, и вместо обычного света лаз залило зеленоватое сияние. В этом сиянии перед Колькой – он даже и не заметил, как и когда это произошло – стоял рыцарь. Черные латы казались отлитыми из ночной тьмы. Шлем украшали два перепончатых крыла. В обеих руках Кашей держал длинный – длинней, чем у Кольки – и тоже черный меч.

– Готовься умереть, глупец! – глухо прогремел из-под маски в виде черепа голос. а через миг на щит Кольки обрушился такой силы удар, что мальчишка рухнул на колени, сбитый невероятной тяжестью. Выйти из-под второго удара помогли сапоги – Колька оказался у дальней стены, сам того не заметив.

Кашей захохотал и неторопливо двинулся вперед, раскручивая над головой меч. Колька бросил отчаянный взгляд в сторону входа – на месте выбитых им дверей высилась каменная стенка, такая же, как и сами стены зала.

– Замуровали демоны, – процедил Колька и метнулся вперед. Мальчишка оказался быстр и ловок сам себе на удивление. Он принимал размашистые удары злодея на щит не прямо, а вкось, они соскальзывали, и Колька успевал рубануть по латам Кашея ил кольнуть, ища незащищенное место. Раз или два вроде даже нашел – меч вонзался словно в мокрое дерево – но Кашей даже не вздрагивал. Краем глаза Колька заметил, что Зоринка поднялась на ноги и, навалившись на стол, следит за поединком.

Именно в этот момент Кашей достал его – меч, скользнув над краем щита, вонзился в левое плечо, и крик Кольки смешался с хохотом Кашея. На щит и пол упали несколько капель с вражеского меча, и по руке и груди побежали под рубашкой теплые щекотные струйки. Теперь Колька поднимал щит только предплечьем, ворочать плечом не получалось. Стиснув зубы, мальчишка еще два раза достал Кашея в сочленение лат -и упал. на этот раз он не закричал, но взглянул вниз, увидел, что оставляет на полу кровавые следы – Кашей ранил его в правую ступню.

Все еще быстро, хотя и хромая, Колька отскочил за опрокинутые столы и, приняв боевую стойку, старался перевести дух. Кашей не спешил нападать. Вместо этого он засмеялся:

– Ах ты жалкий щенок! Решил, что и в самом деле рыцарь?! А сам сейчас мечтаешь об одном – оказаться дома, а?... Поздно!

– Врешь, скелетина, – процедил Колька, – не мечтаю...

Он не солгал. Сейчас все его мысли были направлены на одно – как-нибудь достать неуязвимого врага! Ведь должен быть способ!

– Нна! – и Кашей метнул появившееся в его руке копьё с зазубренным наконечником с такой силой, что щит сорвало с руки Кольки, лопнули ремни, а сам мальчишка впечатался в стену, с трудом удержавшись на ногах и удержав меч. – Ты боишься, что я тебе убью? – продолжал смеяться Кашей. – Не бойся, я придумал кое-что получше! Я отрублю тебе руки и ноги, а потом посажу в клетку над воротами замка! Вместо попугая! Не волнуйся, тебя будут хорошо кормить! Я иду, глупый мальчишка!

Прыжок! Колька не удержал меч и чудом не попал под второй удар, и в самом деле лишивший его руки. Но в место этого Кашей ударил его левой рукой. Брызнули откуда-то звезды, и Колька обнаружил, что лежит в другом конце зала. Стыдиться было нечего – попадись под удар Кашея чемпион мира по боксу – удар отправил бы его туда же...

– Рог! Коля, труби в рог!

Это кричала Зорина, и Колька не спуская глаз с Кашея, нашарил правой рукой – левая не действовала – рог. Странно, он совсем забыл об этом музыкальном инструменте, потому что никогда в жизни не играл на духовых и не собирался. Но сейчас это был последний шанс – даже не шанс, а просто надежда на чудо. На что еще можно было надеяться, когда так плохо все и уже ничего не сделать самому?...

Рог не издал ни звука, и Колька с отчаяньем опустил его. И только теперь заметил, что Кашей почему-то не нападает! Он стоял, тяжело навалившись на меч, уставленный между ног. И покачивался, хрипя:

– Ты еще не победил! Сейчас...

– Труби еще дважды! – крикнул Зорина.

И Колька протрубил. Но Кашей, похоже, оправился – зашагал, широко ставя ноги, к мальчишке, на ходу занося меч. Колька швырнул в него рогом и, выпрямившись в рост, прижался к стене, не сводя глаз с приближающейся черной фигуры...

...Каменные стены с грохотом рухнули сразу по четырем углам зала. Через проломы, через клубящуюся пыль, хлынули прямые столбы солнечного света, смывая, словно плесень, зеленоватое сияние. Кашей замер вновь и издал сдавленный стон.

– Ничего себе! – присвистнул Алесь, входя в зал с автоматом наперевес. Следы побоев с лица у него сошли, белорус был в хороших, по ноге, сапогах и новой куртке. – Привет, Никол! Это где я?

– Замок гоблинов, – уверенно объявил Алесдейр, оглядываясь по сторонам. Он по-прежнему был в своем дранье, но держал в руке меч, а в другой кинжал. – Хэй, Ник! Это что король гоблинов? Будет драка?!

– Здравствуй, Николай, – лица Антонина не было видно за маской шлема с высоким гребнем, но голос Колька узнал сразу. – Нужна помощь? Мы готовы! – а Филипп ничего не сказал, только звонко ударил коротким мечом в щит и пригнулся.

– Вот видишь, Никола, ты позвал – я пришел, – Мирослав был со всем своим оружейным набором и первым делом поклонился всем присутствующим. – Говори, с кем биться, друг!

Кашей тяжело рухнул на колени. Потом латы стали рассыпаться, словно их ничего не удерживало. Вспыхнул и истлел меч. Откатился в сторону шлем, а из него выпал и остался лежать старый череп – желтый, без нижней челюсти. Снаружи, в аллее, перекрывая шум ветра, появился и начал расти шум множества голосов...

Улыбаясь, Колька оттолкнулся от стены, и ребята подхватили его, не дав упасть. Нога страшно болела, а левая рука онемела, но Колька все равно улыбался, слушая, как перебивая друг друга, говорят Алесь, Мирослав, Антонин, Алесдейр и даже Филипп – на разных языках, конечно, только он их всех хорошо понимает. И это правильно. А Зоринка стояла, прижав руки к груди, и тоже улыбалась, и немного плакала.

– Погодите, я сам, – сказал Колька. И услышал:

– Ну ты погляди, у него две "пары". Ни на что не похоже!

Голос отца?! И голос мамы:

– Погоди, потом. Он вот спит. Снится ему что-то, смотри...

– Ремень, – проворчал отец.

* * *

День был опять серый и слякотный. Но Колька Вешкин шагал в школу и улыбался, хотя согласно выработанному родителями консенсусу его лишили на две недели игровой приставки, и дискотека на 23-е была под угрозой (все от тебе зависит – успеешь исправить, или нет!)

Вот ведь как бывает! Случайно купленные у припозднившегося лоточника шпоры (может быть, даже не странные!) – и такой крутой сон! Странно, но Колька помнил его во всех подробностях, так ярко, что, проснувшись, поспешил осмотреть. Конечно, никаких следов от ран не обнаружилось, и одежда, там, во сне, превратившаяся в чиненные лохмотья, естественно, была цела.

Смешно, подумал Колька. Он даже шпоры опробовал – стучал пятками, пока ноги не заболели... А все-таки сон был хороший.

Из переулка плавно выплыл здоровенный, как слон, джип "паджеро" – Колька остановился, пропуская машину. Стекло со стороны водителя было опущено, несмотря на погоду, и там, в салоне, мальчишка увидел уже немолодого, с шиком одетого водилу. Тот скользнул по Кольке взглядом и вдруг спросил, притормозив:

– Ну, как шпоры? – Колька немного подался назад, и водила добродушно заметил: – Рыцарю бояться не пристало... Не узнал? Ну да, я ж под капюшоном был... Бывай! – и джип рванул с места, оставив Кольку в недоумении.

Неужели тот мужик, который торговал на базаре?! Во долбанутый, если так –

раскатывает на такой машине, на такой крутой тачке – и... Или у него хобби такое? Колька вновь засмеялся, вызвав опасливый взгляд двух теток – вспомнил, как этого мужика звали во сне. Ярослав-мастер. И был он слугой отца Зоринки, князя острова Буян...

...В школьном вестибюле Кольку задержала завуч по воспитательной работе – начет записей фонограмм все к тому же 23-му, в результате Колька опаздывал на литературу. Хотя завуч и сказала, что можно сослаться на нее, но лучше было не обострять отношений, тем более, что сегодня намечался опрос. Но в классе царили шум и гам – выяснилось, что литераторша еще не подошла.

– А где литра? – спросил Колька, щелчком сбивая со своего стула ловко подброшенную кнопку и уклоняясь от летящей тряпки с мелом. (Тряпка в кого-то попала, и еще кто-то восторженно завыл: "Сифа, сифа!!!")

– За новенькой пошла, – рассеянно ответил сосед сзади, Сашка Карпенко. Он был занят: рисовал на тыльной стороне левой ладони паука в центре паутины.

– За какой новенькой? – удивился Колька. – И Олег где?

Олегом звали его соседа по парте, приятеля. Сашка отвлекся:

– Не знаю, за какой новенькой. Учится теперь у нас. А Леший все – перевели в какую-то со спортивным уклоном. И с английским... Слушай, Ник, – оживился Сашка, – давай я к тебе, а то ведь эту новенькую и посадят, гадом буду!

Вместо ответа Колька бухнул на освободившееся место свой рюкзак. Сашка тяжело вздохнул и вернулся к пауку. Посадить его к себе значило стать объектом для списывания. Списывать Сашка не умел и навлекал учительский гнев на себя и тех, кто ему списывать давал. Это часто кончалось разделом оценки пополам – "чтоб без обид". Да уж...

Колька мрачно подумал, что день начинается плохо. Минус Олег, к которому он привык. Плюс новенькая, которую могут взгромоздить к нему. За этими мрачными мыслями он прозевал, как в класс вошла литераторша, и даже начало ее речи прозевал, а встрепенулся и поднял голову от стола только услышав знакомые слова:

– ...спонсором нашей школы, владельцем торгового центра "Буян". Его дочь, Зорина Княжеская будет учиться в нашем классе.

Новенькая стояла возле литераторши и спокойно смотрела на класс. А класс смотрел на нее, и девчонки в разных углах уже завистливо-презрительно фыркали: "Ну и имечко... а фамилия... и вся из себя примерная, сразу видно..."

А Колька не понял, во что она одета и почему она примерная. Он видел что у этой девчонки густющие русые волосы, распущенные по плечам, большущие и веселые синие глаза и симпатичный носик. И еще он понимал, что чудеса бывают, потому что Зорина смотрела не него и немного улыбалась.

– Нина Николаевна, а можно, она со мной сядет, – услышал Колька свой собственный голос. – Олег же все равно уехал...

Класс грохнул. Литераторша удивленно и даже озабоченно посмотрела на мальчишку. (Кстати, Колька заметил, что многие ребята смотрят на него с завистью, хотя и смеются.)

– Ну, я не знаю... – неуверенно сказала Нина Николаевна. – Если сама Зорина не против...

– Я не против, – негромко, но отчетливо ответила Зоринка.

– Хорошо, садись... Хватит смеха, начнем урок.

– Колька поспешно убрал рюкзак, давая место новой соседке. И, замерев, не веря что все так и есть, шепнул:

– Привет, Зоринка.

– Привет, Коль, – шепнула она в ответ его имя, которого никто тут не называл. И положила перед собой свой рюкзачок, чтобы приготовиться к начавшему уроку литературы.

А Колька смотрел, смотрел на нее и улыбался.

Примечания

1. Чёрт возьми! (немецк.)
- 2 . Ремень на рукояти холодного оружия, которым оно в бою крепилось к кисти руки.
- 3 . Компьютерное выражение "GAME OVER" – "Гэйм овер" – означает конец игры и произносится компьютерщиками как "гамовар".
- 4 . Прозвище немцев.
- 5 . Ты еврей. (нем.)
6. Латинский медицинский термин, означает степень упитанности.
7. Полевая жандармерия.
8. Лига примерно равна 6 километрам.
9. Назначенный королем правитель графства, собирающий налоги и борющийся с преступниками, глава ополчения и т.д.
10. Главный судья и следователь графства.
11. Полководец и политический деятель Древних Афин. Под его руководством греческие города-полисы объединились, отразили нашествие могущественной Персидской Державы в V веке до н.э. и разбили врага окончательно уже на его территории.
12. Царь Македонии (не Македонский!), воевавший за персов, но тайно помогавший грекам.
13. Очень жестокий вид реального рукопашного боя, в котором не было почти никаких запрещенных приемов.
14. Древние греки считали годы четырехлетними циклами – от Олимпиады до Олимпиады. 1 год 75 Олимпиады соответствует 480 году до нашей эры – году начала персидского нашествия.
15. Командующий армией.
16. Турецкое слово "каторга" означает многовесельную галеру, на которой гребли рабы.
17. В 1711 г. Петр I Великий выступил в поход против турок на помощь восставшим молдаванам, черногорцам и сербам. Но русская армия была окружена врагами в безводных степях и с трудом вырвалась из окружения. Над восставшими турки учинили зверскую расправу.
18. По мнению Кольки – мальчика довольно начитанного – это должно было означать: "Один звук – головы поотрываю!" На самом деле – это бессмысленный набор турецких и татарских слов.
19. Пощады! (Френджи – любой европеец.)(турецк)
20. Где ключи от оков, сволочи?! (англ.)
21. Это ключи... не убивайте, прекрасный сэр! (искаж. англ.)
22. Марш впереди меня, бегом! (англ.)
23. Освободить всех от оков, ну?!
24. Отверстие для пушки в борту корабля.
25. Да, верно, парень! (нем.)
26. Огонь! (нем.)
- 27 . Брось "пушку" (англ.)